

81.07
Т 37

Метради

ПЕРЕВОДЧИКА

выпуск 22

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	
А. Д. Швейцер. Новые задачи «Гетрадей переводчика»	3
Вопросы теории перевода в трудах проф. Л. С. Бархударова . . .	6
II. Теория и история перевода	
С. И. Канонич. Семантическая ситуация перевода	10
Г. В. Чернов. Импликативность и перевод	17
Л. А. Черняховская. Информационные компоненты текста как объект перевода	30
С. Ф. Гончаренко. Информационный аспект межкультурной поэтической коммуникации	38
М. П. Брандес. Стилистический инвариант перевода текста . .	49
III. Практика перевода	
В. А. Новенко. Лексико-грамматические трансформации при переводе высказываний каузативного смысла (на материале испанского и русского языков)	57
А. В. Михеев. Общественно-политический перевод и современная английская риторика	65
IV. Вопросы устного перевода	
А. Е. Мозяков. О роли штампов в синхронном переводе	74
И. В. Подуян. Опыт эмпирической проверки интроспективной модели	79
V. Вопросы научно-технического перевода	
Г. В. Эйгер, В. Л. Юхт. Некоторые психолингвистические аспекты процесса перевода научно-технической литературы. (Взаимодействие фоновых и языковых знаний переводчика)	87
VI. Методика преподавания перевода	
Д. И. Ермолович. О практике редактирования и подготовке переводчиков	91
А. Л. Коралова. Осторожно, — фразеологизм!	99
Е. В. Бреус, А. А. Дементьев, Е. Н. Сладковская. Синхронный перевод: пути овладения профессией	107
VII. В творческой лаборатории переводчика	
Лавда Грешко. Поиск естественной неестественности. (Воссоздание образа поэмы Лунса де Гонгоры-и-Арте «Сказание о Подлифеме и Гататее» на русском языке)	111
VIII. Наша информация	
В. Н. Комиссаров. Международная федерация переводчиков (ФИП): Союз практики и теории перевода	113
Г. Л. Рязанова. Подготовка переводчиков в Австрии	115
IX. Рецензия	
Ю. В. Ванинков. Важный шаг в развитии теории перевода . .	117
От редколлегии	119

ББК 81
Т 37

1. ВВЕДЕНИЕ

Редакционная коллегия

М. П. Брандес, С. А. Бурлай, Ю. В. Ванников, С. Ф. Гончаренко
(отв. редактор), В. М. Завьялова, Ю. В. Кирсанов, В. Н. Комиссаров,
А. В. Михеев (отв. секретарь), М. Д. Цвилинг, Г. В. Чернов, А. Д. Швейцер

А. Д. Швейцер

(Москва)

НОВЫЕ ЗАДАЧИ «ТЕТРАДЕИ ПЕРЕВОДЧИКА»

Советская школа перевода снискала себе заслуженную славу во всем мире. Широко известны выдающиеся достижения советских переводчиков мировой классики, произведений литературы народов СССР, научной литературы и публицистики. Широком признании пользуются труды наших теоретиков перевода — тех, кто заложил основы современного перевода, и тех, кто продолжает их разрабатывать и развивать в наши дни.

Вместе с тем взаимодействие и сближение культур нашей многонациональной страны, ее растущие международные связи в области науки, техники и культуры — все это ставит перед теорией и практикой перевода новые задачи, решение которых требует дальнейшей разработки теоретических основ перевода, обобщения огромного практического опыта, накопленного в различных видах и жанрах переводческой деятельности.

Для решения этих новых задач чрезвычайно важно объединение усилий различных дисциплин и, в первую очередь, языкознания и литературоведения, заинтересованных в изучении перевода и разрабатывающих его проблемы. В этом отношении «Тетради переводчика» представляют собой уникальное издание.

(*) момента выхода в свет их первого выпуска они характеризовались разнообразным и многогранным подходом к переводу, стремлением учесть разнообразные теоретические и профессиональные интересы своей читательской аудитории. На их страницах выступали теоретики (лингвисты, литературоведы, психолингвисты и др.), выдвигавшие — порой в остро полемической форме — новые концепции и оспаривавшие старые; известные переводчики-профессионалы, делившиеся с читателем своим богатым творческим опытом, поднимавшие актуальные вопросы переводческой деятельности, а порой просто предлагавшие для широкого обсуждения новые варианты перевода известных текстов, аргументируя собственные решения.

Что касается лингвистических исследований перевода, то они всегда занимали видное место среди материалов, публикуемых в «Тетрадах». Эта традиция, безусловно, заслуживает продолжения. Необходимо и в дальнейшем знакомить научную и пе-

Тетради переводчика: Научно-теоретический сборник.
Т 37 Вып. 22/ Под ред. С. Ф. Гончаренко. — М.: Высш. шк.,
1987. — 160 с.

В выпуске рассматриваются новые задачи, пути и методы подготовки переводчиков, даются практические советы начинающим переводчикам, известный поэт-переводчик Павел Грушко делится своим опытом перевода.
Для студентов старших курсов языковых вузов и лиц, интересующихся проблемами перевода.

Т 4602000000(4309000000)—308

001(01)—87

КБ—53—21—86

ББК 81

4

Научное издание

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

Научно-теоретический сборник

Вып. 22

Зав. редакцией Э. А. Проничева. Редактор В. П. Торпалова. Младший редактор Л. В. Демешова. Художественный редактор М. Г. Миткович. Технический редактор Э. М. Чижевский. Корректор Е. П. Гречаная

ИБ № 6718

Изд. № Р-499. Сдано в набор 22.12.86. Подп. в печать 15.05.87. Формат 60х90/16.
Бум. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 10 усл. печ. л.
10,25 усл. кр.-отт. 10,36 уч.-изд. л. Тираж 3000 экз. Зак. № 1765. Цена 65 коп.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.
Иркутский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 670411, Иркутск, ул. Свободы, 97.

© Издательство «Высшая школа», 1987

дагогическую общественность, всех читателей «Тетрадей переводчика» с новейшими достижениями лингвистической теории перевода у нас в стране и за рубежом. Не подлежит сомнению, что современное языкознание создает благоприятные предпосылки для эффективной теоретической разработки фундаментальных проблем теории перевода. Развитие психо-лингвистики, лингвистики текста, теории речевых актов и других направлений коммуникативной лингвистики — все это дает возможность отойти от традиционного подхода к лингвистическим проблемам перевода, сводившего теорию перевода к сопоставительному языкознанию, к сравнению отдельных языковых единиц, и глубже проникнуть в сущность нереводческой коммуникации, в специфику перевода как процесса межкультурного и межкультурного общения.

Думается, что этот новый подход расширит базу для взаимодействия лингвистической теории перевода с теориями, разрабатываемыми в рамках других дисциплин и, в частности, литературоведения. Более того, многие из создаваемых на его основе понятий могут войти и в понятийный аппарат литературоведческой теории перевода. Известно, что в прошлом некоторые представители литературоведческого направления теории решительно отрицали плодотворность лингвистического подхода к научному описанию перевода художественного текста, усматривая в лингвистическом анализе художественного перевода «проповедь формализма». С течением времени начал полемических страстей стал постепенно остывать. Среди теоретиков перевода — лингвистов и литературоведов — возобладали более терпимый и заинтересованный подход к поискам другой стороны, нахождений по ту сторону междисциплинарного барьера. Однако до подлинного сотрудничества и объединения усилий в деле решения актуальной задачи — создания общей теории перевода — пока еще далеко. Решение этой задачи, естественно, требует успешного преодоления преград, разделяющих работающих в этом направлении специалистов.

Думается, что важной методологической предпосылкой для совместного поиска основ должно быть представление о переводе как о сфере взаимодействия не только языков, но и культур. Из этого разумеется, не следует, что языковые аспекты перевода не заслуживают самого пристального внимания. Важность этих аспектов не подлежит никакому сомнению хотя бы потому, что перевод является актом языковой коммуникации, осуществляемым с помощью языковых средств. Однако высказываемый порой взгляд на перевод как на чисто языковую операцию представляется явно односторонним. Необходимо учитывать, что перевод — это не просто перекодирование исходного текста в конечный, не простая смена языкового кода. Это еще и переориентация текста на другую читательскую аудиторию, приспособление его для восприятия носителями не только другого языка, но и другой культуры.

«Тетради переводчика» представляют отличную возможность не только для рассмотрения перевода с позиций различных дисциплин (это имело место и раньше), но и для сближения этих позиций, для подлинно междисциплинарного подхода, необходимого для разработки теоретических основ теории перевода. Первый опыт интеграции достижений различных наук при изучении перевода уже дал обнадеживающие результаты. Достаточно сослаться на основанные на органическом соединении лингвистического и психологического анализа синхронного перевода работы Г. В. Чернова, А. Ф. Ширяева и др.

Думается, что подобное расширение теоретической базы нереводоведения даст возможность показать всю многомерность и многогранность перевода и по-новому осветить такие его «вечные проблемы», как нереводимость, адекватность и эквивалентность.

С самого начала «Тетради переводчика» посвятили себя еще одной задаче, сохранившей свою актуальность и в настоящее время — сближению теории и практики перевода. Предоставляя трибуну как теоретикам перевода, так и переводчикам-практикам, «Тетради» способствовали диалогу между ними. В настоящее время взаимодействие и взаимопонимание между ними необходимы более, чем когда-либо раньше. Это даст возможность, с одной стороны, приблизить теоретические штудии и нуждам переводческой практики, увеличить их выход в практику перевода, а с другой, глубже внедрить достижения теории перевода в практику переводческой деятельности. Особого внимания заслуживает бурно развивающаяся отрасль научно-технического перевода, которая служит источником интересных данных для теории перевода и опыт которой нуждается в серьезном теоретическом обобщении.

Еще одной сферой приложения теории перевода является методика его преподавания. Как представляется, именно здесь можно обеспечить связь нереводоведения с практическими задачами обучения иностранным языкам, а это одно из важных направлений в перестройке высшего образования. Хорошее знание иностранных языков, умение свободно ориентироваться в иноязычной литературе и переводить необходимые материалы с иностранных языков — эти требования предъявляются сегодня к каждому квалифицированному специалисту. Ответить на эти требования может дальнейшая углубленная разработка методики преподавания перевода.

К сожалению, до сих пор ощущается известный разрыв между теоретическими исследованиями перевода и практикой его преподавания. Богатый опыт, накопленный преподавателями перевода, еще ждет своего обобщения. Думается, что благоприятные возможности для установления прочных связей между теорией перевода и методикой его преподавания имеются, поскольку «Тетради» выходят при преимущественном участии Московского государственного педагогического института ино-

странных языков имени Мориса Тореза, известного центра подготовки высококвалифицированных переводчиков.

Предлагаемый вниманию читателей выпуск 22 «Тетрадей переводчика» свидетельствует о том, что, оставаясь верным своим традициям, этот научно-теоретический сборник одновременно ориентируется на выполнение стоящих перед ним новых задач. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы, посвященные как лингвистическим проблемам перевода, так и вопросам художественного перевода, а также задаче обеспечения организационной связи между теорией перевода и методикой его преподавания, союзу теории и практики перевода.

В сборнике появилась новая и, на наш взгляд, нужная рубрика «Наша информация». Новым является также раздел «В творческой лаборатории переводчика», в котором известные переводчики делятся своим опытом.

Сборник сохраняет верность еще одной своей традиции — ориентации на самый широкий круг читателей — специалистов-переводов, студентов и аспирантов, изучающих перевод и контрлингвистическую лингвистику, переводчиков-профессионалов, начинающих переводчиков и всех тех, кого интересует перевод с его загадками и парадоксами.

От редколлегии

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В ТРУДАХ ПРОФ. Л. С. БАРХУДАРОВА

7 июня 1985 г. скончался Леонид Степанович Бархударов, бессменный редактор «Тетрадей переводчика» с момента их основания. Профессор Л. С. Бархударов был ученым широких лингвистических интересов и всемирной известности. Его труды издавались не только в Москве, но и в Берлине, Лейпциге, Гааге, Париже, Нью-Йорке, Делхи. Он выступал с лекциями и докладами не только в родном МПИИИ им. М. Тореза, который стал для него вторым альмам матер, но и в Вене, Париже, Лондоне, Хельсинки, Белграде и Праге. Он был членом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы и Международной федерации переводчиков. И если в СССР Л. С. Бархударов был известен как блестящий лингвист, то для всего мира он остался видным теоретиком перевода. В Индии он оставил о себе память как выдающийся пророк перевода. Делийского университета им. Джавахарлала Неру по Институту русских исследований в составе университета в ответственный период становления института. Его перу принадлежат более 80 научных трудов, в том числе известная монография «Структура простого предложения современного английского языка» (1966), «Очерки по морфологии современного английского языка» (1975), и, наконец, фундаментальное исследование

«Язык и перевод» (1975), которое вошло в золотой фонд трудов, создающих лингвистическую теорию перевода последних десятилетий.

В своих трудах по теории перевода Леонид Степанович Бархударов развивает идеи, которые позднее он обобщил в семантико-семантической модели перевода в следующих словах: «...Для перевода важно прежде всего ЧТО именно выражается, а то, КАК оно выражается, должно быть подчинено первому, как и вообще в любом акте коммуникации передаваемая информация является целью, а пути ее передачи — средством достижения этой цели. Поэтому достаточно адекватная и «силовая» модель перевода должна быть прежде всего моделью семантической, а поскольку семантика, то есть значение, есть функция знака, она не может не быть в то же самое время моделью семантической...» (Бархударов Л. С. «Язык и перевод». М., 1975. С. 235.)

Научная биография Леонида Степановича началась на кафедре германской филологии Военного института иностранных языков Красной Армии в грозные годы войны, после двух лет, проведенных им на фронте. В то время на этой кафедре работали такие выдающиеся германисты, как профессор О. И. Москальская и В. Н. Яруева, под влиянием и руководством которых он и складывался как ученый.

Первоначальные интересы Леонида Степановича лежали в области грамматики английского языка, но уже в 1962 г. (а начиная с 1956 г. Л. С. Бархударов работал в МПИИИ им. М. Тореза) сложился глубокий интерес Л. С. Бархударова к теории перевода. В 1962 г. вышла первая из серии работ Леонида Степановича по теории перевода: «Общелингвистическое значение теории перевода» (в сб.: Теория и критика перевода. Л., 1962), в которой проводится четкое разграничение предмета и метода структурно-типологического исследования языков и переводоведческих исследований и выдвигается постулат законности межуровневых сопоставлений, как от лингвистической черты специфического переводческого подхода к языковому материалу. «Для теории перевода совершенно не играет роли принадлежность сопоставляемых единиц к одному и тому же аспекту или уровню языковой системы (напр., лексическому, грамматическому и пр.) — соображения, непременно для структурно-типологического изучения языков» (Бархударов Л. С. Общелингвистическое значение теории перевода). Это положение Леонида Степановича развивал в своих последующих работах. В течение ряда лет Л. С. Бархударов неоднократно обращался к проблемам перевода. Кроме известной монографии, он написал около 20 работ по теории перевода. Среди них такие важные для становления концепции Леонида Степановича работы как «Процесс перевода с лингвистической точки зрения» (в сб.: Лингвистика и методика в высшей школе. IV. М., 1967) и «Уровни языковой иерархии и перевод» (Тетради переводчика. Вып. 6.

М., 1969). Эта серия его работ завершилась выходом в свет монографии «Язык и перевод».

В том оркестре лингвистической теории, который последние три десятилетия проявлял все большую сыгранность, Л. С. Бархударов играл роль первой скрипки. При его активном участии и были выработаны и отточены основные понятия и методологический аппарат теории перевода в том виде, как она сложилась на сегодняшний день: понятие об уровне характере эквивалентности; примат содержания (т. е. значения) над языковой формой; постулаты закономерности межуровневых переходов при установлении переводческих соответствий; рассмотрение в теории перевода целых речевых произведений и многое другое.

В работе «Уровни языковой иерархии и перевод», опубликованной в «Тетрадах переводчика» в 1969 г. (Вып. 6), Л. С. Бархударов поставил вопрос об уровне характере эквивалентности в переводе, впервые выделив и рассмотрев перевод на уровне фонем, морфем, а также перевод на уровне текста. При этом Л. С. Бархударов отмечает, что «на протяжении одного и того же текста уровень перевода, как правило, постоянно меняется». К идеям уровневой иерархии эквивалентности Л. С. Бархударов не раз возвращался впоследствии, прежде всего в монографии «Язык и перевод».

Такое понимание уровня эквивалентности связано с другим постулатом, постоянно развиваемым Л. С. Бархударовым, начиная с работы 1962 г. «Общелингвистическое значение теории перевода»: «Для перевода основным является адекватная передача содержания, выраженного средствами одного языка, при помощи средств другого языка; стало быть, сопоставление языковых единиц в теории перевода может производиться только на основе общности выражаемого ими содержания и, инными словами на основе семантической или смысловой, общности данных единиц» (С. 9). И далее: «...теория перевода безразлична к языковому характеру сопоставляемых единиц, к тому, относятся ли они к грамматическим, лексическим или еще каким-нибудь средствам; для нее существенным является лишь их семантическое тождество, т. е. единство выражаемого содержания...».

Развитию этой идеи — идеи примата содержания над языковой формой в переводе — посвящена ставшая классической монография Л. С. Бархударова «Язык и перевод».

Сущность излагаемой Л. С. Бархударовым в этом труде семантико-семантической модели процесса перевода изложена прежде всего в двух центральных главах монографии: «Языковые значения и перевод» (гл. 2) и «Семантические соответствия при переводе» (гл. 3). При этом 5-я глава «Переводческие трансформации» также является развитием идей, которые автор высказывал еще в работе 1967 г. «Процесс перевода с лингвистической точки зрения»: «...трансформации можно свести к четырем основным типам изменений, ...а именно: 1. Переста-

новки (в наиболее простом виде — изменения порядка слов и предložения), 2. Замены (замены частей речи; замены слов с более общим значением словами с более частным значением и наоборот антонимические замены и пр.), 3. Добавления (обычный случай — лексические добавления в качестве компенсации утрат грамматических средств выражения тех или иных значений), 4. Ощущения (действие обратное добавлению и противоположное: прямо противоположном случае)». Достаточно сравнить эе перечисление с содержанием главы 5-й монографии «Переводческие трансформации», чтобы убедиться в том, что в зародке классификация переводческих трансформаций сформулировала Л. С. Бархударова еще тогда, когда писалась работа, опубликованная в 1967 г.

Нельзя упомянуть и ряд работ Л. С. Бархударова, в которых содежитсся анализ конкретных переводческих проблем, как правил, на материале анализа художественных переводов, в том числе поэтических («О лексических соответствиях в поэтическом переводе» (на материале перевода И. А. Бунинным «Песни о Гяватаре» Г. Лонгфелло) // Тетради переводчика. № 2, М., 1964; Что нужно знать переводчику? // Тетради переводчика. № 1; М., 1978; «Некоторые проблемы перевода английского поэзии на русский язык» // Тетради переводчика. № 21, М., 1984, включая примеры собственных поэтических переводов (см. «Некоторые проблемы...» С. 43, 44, 47).

В заключение следует указать и на то, что вклад Л. С. Бархударова в развитие теории перевода не ограничивается его трудами по теории перевода. Как бессменный редактор «Тетрадей переводчика» в течение более 20 лет Л. С. Бархударов внес значительный вклад в развитие теории перевода в нашей стране через это издание. Этому процессу в значительной степени способствовал заботливый подход Л. С. Бархударова как редактора и педагога к развитию таких теоретических позиций в теории перевода, которые не соответствовали его собственной позиции, но которые в целом были необходимы для развития теории перевода. «Тетради переводчика» и впредь будут верны его заветам: «Перевод — слишком сложное и многостороннее явление, чтобы полностью укладываться в неизбежно ограниченные рамки какой-нибудь одной модели или теоретической схемы. Чем больше будет таких моделей и схем, тем лучше, тем глубже мы сможем познать сущность перевода» (Бархударов Л. С. Язык и перевод. С. 235).

II. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА

С. И. Канцян

(Москва)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ПЕРЕВОДА

В речевом функционировании ограниченный языковой материал подвергается неограниченному количеству изменений. Одной из основных трудностей в работе переводчика является уловить и передать именно то значение слова, которое возникло в данном тексте, в данном сочетании его с другими словами, учитывая характер текста и его главную коммуникативную задачу. Воспринято адекватного значения слова в тексте помогает системный характер этого значения, его включенность в глобальные для данного текста семантические категории. На уровне семантической категории переводчик подбирает эквивалент в переводящем языке (ПЯ).

«Фактически сущность перевода и состоит в объединении двух актов речи на разных языках в едином акте общения».

Текстовое значение слова формируется в его последовательном превращении из сигнификата в денотат, из денотата в коннотат. В переводческом анализе значения слова эти три семантические категории чередуются, каждая из них требует подбора соответствия в ПЯ.

Фундаментом текстового значения служит сигнификативный компонент, наиболее устойчивый, постоянно сохраняющийся в данном слове во всех его употреблении. Именно сигнификативное значение слова находит отражение в словаре. Так, в слове *стул* словарь отразит наличие следующих сем: предмет, используемый для того, чтобы на нем сидеть, 'с сиденьем', 'с ножками', для 'одного человека'. В слове *кресло* добавится тема 'с подлокотниками', в слове *скамья* добавится тема 'для нескольких человек', исчезнет тема 'с подлокотниками'.

Используя в переводе одно из слов из ряда *стул, кресло, скамья, диван, софа*, переводчик учитывает фразеологическое окружение слова, не совпадающее в разных языках. Слово *скамья* в сочетании *скамья подслепых* переводится на

¹ *Pottier B. Lingüística moderna y filología hispánica. Madrid, 1976. P. 129.*

² *Комиссаров В. Н. Перевод как объект лингвистического исследования / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 4.*

³ *Pottier B. Op. cit. P. 111.*

испанский язык близким по форме сочетанием *el baquillo de los leoposados*. Но испанское сочетание *estar en el banco de la parroquia* переводится на русский язык сочетанием *переносить наказания испытание*, в котором отсутствует слово *скамья*.

На уровне сигнификатов производится характерное для данного языка членение мира и выявляются специфические переводимые на другой язык реалии. К ним относятся в русском языке слова *колохоз, самовар, самокрутка, сутки, квас, борщ, кизяк* и др. По-русски говорят *у него семь пятниц на неделе*, по-испански *A la noche chichitimoshe / a la mañana chichitimoshe*. По-испански говорят *semana de los jueves*, по-русски *никуда. По-испански சொদেতা*. Испанское *cosa de otro jueves* переводится на русский язык *необычайная вещь*.

К испанским реалиям относятся, в частности, *ja-be-ga* — 'охал-ка соломы' (как мера), *ja-que* — 'арабский плащ с капюшоном', *rola* — хотя (испанский танец).

Слово как сигнификат предстает перед переводчиком как номинативная единица языка, как элемент языковой системы, включенный в определенные синонимические и антонимические ряды, с набором потенциальных возможностей реализации в тексте. Сигнификативные, отвлеченные от конкретного акта речи значения слова, обнаруживаются в толковых и идеологических словарях, в словарях синонимов и антонимов, в двуязычных словарях.

Когда же слово попадает в корпус одного отдельно взятого текста, под влиянием коммуникативной задачи текста оно выделяет один из возможных вариантов значения и становится денотатом. В денотативном значении слов отражены отношения, характерные для данного типа текста. В юридическом тексте слово *скамья* будет обозначать *скамью подсудимых* и будет связано с преступлением, послужившим причиной того, что человек попал на скамью подсудимых. Здесь слово *скамья* включается в общую модальность текста, в модальность должностности.

Если в юридическом тексте слово *скамья* еще не связано с конкретным лицом, сидевшим на ней, поскольку в этом типе текста конкретные лица не упоминаются, в диалогическом разноморно-бытовом тексте слово *скамья* получит признак принадлежности конкретному лицу, признак места, времени и связности с одним частным предметом, т. е. денотатом, входящим в денотативную сферу текста.

Переводчику необходимо уловить денотативное значение слова, для того чтобы не ошибиться при составлении словосочетаний, чтобы не исказить смысл текста, перенести его как можно более адекватно на другой язык. Исходя из особенностей смысловой сферы текста, переводчик подбирает соответствующее оригиналу слово и его окружение. При этом он учитывает также и пресуппозицию адресата перевода, именно ему должно быть доступно денотативное значение слова в тексте. Удачный подбор

значения зависит от эрудиции переводчика, от его знания социо-культурных факторов и их исторической изменчивости.

Сигнификативное значение слова включается в его денотативное текстовое значение и отдельно не фигурирует. Фигурируемое в словарях сигнификативное значение слов, отвлеченное от конкретных актов общения, представляет собой некую усредненную величину, извлеченную из множества их употреблений как наиболее частотную.

Денотативные значения, базирующиеся на сигнификативных значениях, связывают слово как единицу текста с конкретной экстралингвистической ситуацией, составляющей информативное ядро текста. Путем номинации слово соотносится с конкретным предметом действием или состоянием, качеством. Денотативные значения отражают фактическую экстралингвистическую ситуацию текста, видоизменяя для этого сигнификативные значения слова.

Слово *стол* в своем сигнификативном значении содержит варианты 'письменный, обеденный, диетический, деревянный' и т. д. но в денотативном значении оно обозначает одно, совершенно определенное понятие, оно номинирует один определенный предмет, о котором идет речь в данном тексте. Его денотативное значение не переводится на другой язык.

Воспроизведение денотата в ПЯ осуществляется нередко путем замены, приращения или компрессии смысловых элементов слова.

Эту операцию переводчик проводит с опорой на контрастный анализ лексики двух языков.

В каждом языке семантические поля, лексические, грамматические и лексико-грамматические, имеют собственную структуру. Различия в структуре семантических полей в двух языках порождает различие в сочетаемости и в согласованности слов и грамматических форм на уровне денотативного значения.

Нельзя согласиться с бытующим мнением о том, что грамматика легче моделируется, чем лексика³. Оно отчасти справедливо лишь на уровне сигнификативных значений, но на уровне денотативных, текстовых значений функциональный анализ грамматических форм и значений выявляет неограниченное множество моделей и парадигм там, где нормативное описание отмечает наличие только одной формы или только одного значения⁴. В этом кроется еще одна причина расхождения между сигнификативными и денотативными значениями слова или грамматической формы, расхождения, которое усугубляется при переводе с одного языка на другой.

При подборе эквивалентов денотативных значений единиц текста ориентиром служит семантическая категория коннотативности.

³ *Martinet A. Structural linguistics*. С. 582.

⁴ *Канонич С. И. Принципы типологии контекстных грамматических категорий* // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 89.

Коннотативные значения слов и словформ соотносят речевой акт не с экстралингвистической действительностью, как это делают денотативные значения, а с ситуацией порождения текста. В ситуации порождения текста относятся конкретный отправитель и получатель коммуникации, конкретная точка во времени и пространстве, в которой возник текст, другие его конкретные показатели. Основным признаком коннотативных значений является модельная семантика текста. В коннотативной модальности текста отражается отношение отправителя коммуникации к получателю, желание воздействовать на него, т. е. прагматическая цель коммуникации. Модальность на уровне денотативных значений трактует отношения коммуникантов к экстралингвистической действительности. Поскольку все что и как говорится в акте общения предназначено получателю коммуникации, оно служит достижению прагматической функции речи, осуществляющей речевое намерение говорящего по отношению к адресату.

Коннотативные значения представляют межличностные отношения между коммуникантами, между говорящим и адресатом и потому они прагматически окрашены. О. Каде считает, что прагматическое значение, выражающее отношение между знаками и теми, кто ими пользуется, следует рассматривать как особый компонент текстового смысла⁵. А. Нойберг подчеркивает: «Любой языковой акт имеет прагматический аспект»⁶.

Восстановление на переводящем языке прагматической условности автора оригинала нередко влечет за собой перестройку сигнификативных значений слов, но при этом оно не затрагивает денотативных значений. «...прагматический аспект коммуникации может потребовать несоблюдения и изменения сигнификативного значения знаков ИЯ при переводе, то есть сохранение релевантной прагматической информации. ИЯ может потребовать отказа от передачи сигнификативного значения определенных сегментов текста»⁷.

Категории модальности, времени, лица воспринимаются и воспроизводятся переводчиком как надфразовые текстовые категории, складывающиеся из фразовых показателей.

В их выражении участвуют и лексические и грамматические средства языка. С их помощью дифференцируются разные типы текста. Так, для текста научной статьи характерны модальность показательства, аргументации, время настоящее, лицо третье. Для текста законодательного характера модальность должна быть утверждения, время настоящее, лицо третье. Для текста рекламного характера побудительная модальность, которую можно трактовать как внушение адресату желания приобрести рекламируемое изделие. Время этой модальности — ближайшее будущее.

⁵ *Каде Отто. Проблемы перевода в свете теории коммуникации* // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. С. 79.

⁶ *Нойберг Альбрехт. Прагматические аспекты перевода* // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. С. 190.

⁷ *Каде Отто. Указ. соч.* С. 79.

либо третье. В эпистоларном стиле, непосредственно связанном с отношением между коммуникантами, модальность может быть коннотативной: она выражается в отношении к адресату, и денотативной: ее целью является сообщение об экстралингвистической действительности. Время коннотативной модальности — настоящее или соотносённое с настоящим временем порождения текста, денотативное — любое. Лицо — первое и второе в коннотативной модальности и любое в денотативной модальности.

Вся перформативная лексика, обозначающая речевые действия («умоляю, прошу, заклинаю, проклинаю, назначаю, ругаю, хваляю» и т. п.), используется при выражении коннотативной модальности. Коннотативная модальность выражается всей арсеналом риторических фигур языка, сильно видоизменяющих сигнификативные значения слов.

Одна и та же модальность текста, свидетельствующая об отрицательной оценке курения, как явления, приносящего большой вред обществу, выражается в научном тексте фразой:

«La sospecha de que fumar tiene algo que ver con el cáncer de pulmón se constata ahora por muchos médicos».

На русский язык она переводится фразой:

«Подозрение, что курение имеет отношение к раку легких, отмечается сейчас многими врачами».

В диалогическом разговорном тексте ей близка по модальности фраза:

«— ¡Déjate de fumar! No hay que соггег riesgos!»
«— Бросай курить! Не нужно рисковать!»

Сравнение этих двух типов текстов показывает, как в каждом из них текстовая коннотативная модальность повлияла на сигнификативные значения слов.

Различное распределение сигнификативных элементов не препятствует выражению одной и той же ситуации в приведенных А. Мартине примерах: «J'ai mal à la tête, Mi dióle il café». Добавив русский перевод «У меня болит голова», дающий еще один вариант сочетания сигнификативных элементов.

Коммуникативная смысловая сфера текста создается взаимодействием названных выше категорий. Наличие и тесное переплетение этих категорий характерно для любого текста, независимо от его специфики. Названные выше категории могут относиться не только к поверхностной структуре, но и к глубокой структуре текста, могут выражаться подтекстом.

Для упрощения лингвистического анализа, производимого переводчиком, Тейбер и Найда вводят понятие четырех семантических категорий⁸. Они делают все слова на четыре категории в

множественности с того, обозначают ли они предмет, событие, качество или отношение. При этом они подчеркивают, что эти категории не охватывают с соответствующими классами частей речи (существительным, глаголом, прилагательным, наречием и конъюнктивом), так как части речи располагаются только на периферическом уровне высказывания, тогда как выделяемые ими категории могут относиться и к глубокой структуре высказывания.

К глубокой структуре высказывания могут относиться и выделяемые в данной статье сигнификативные, денотативные и коннотативные семантические категории.

При переводе подбор имеющихся в ПЯ сигнификативных значений, соответствующих денотативному и коннотативному уровням текста, составляет главную задачу переводчика, и часто проявляется в замене единиц текста, в добавлениях или опущениях.

И чем сильнее в тексте заметен коннотативный элемент, тем более эмоционально окрашен текст, тем труднее его перевести. Возьмем для примера небольшой фрагмент из текста, посвященного Гарсиа Лорке, в котором ярко обозначено различие двух типов в их сигнификативных, денотативных и коннотативных отношениях.

Como siempre, Lorca, alegre, de sano contento íntimo, charía animadamente, cuenta sus proyectos, comenta los de sus amigos, anima con gesto y gracia de diálogo anecdótico propiamente ajeno.

— Todo el mundo — nos dice — ha quedado entusiasmado. (J. Chabás).

Лорка, как всегда веселый и дружелюбный, оживленно рассказывает о своих планах, обсуждает планы своих друзей, жестикულიруя и пересыпая речь анекдотами.

— Все были в восторге, — говорит он нам.

Переводчику приходится учитывать при подборе эквивалентов три ситуации: сигнификативную, требующую выбора лексического и грамматического эквивалентного материала, денотативную, раскрывающую информативное содержание текста и его предметную сферу, и коннотативную ситуацию, создаваемую участниками коммуникации и программой речевого воздействия на получателя коммуникации. Именно эти три категории образуют ситуацию текста, являющегося объектом перевода. На воспроизведение этой ситуации и направлено внимание переводчика.

В семантической ситуации перевода главной фигурой является сам переводчик, его лингвистическая, социальная и культурная компетенция, его профессиональная подготовка и интуиция. Он становится автором переводимого текста, в котором он должен сохранить те же категории, которые имеются в оригинале. Переводчик в этой второй категории коммуникации сам становится

⁸ *Index Ch. Nida E. A. La traducción: théorie et méthode. C. 34.*

ее отправителем. Его задачей является так воспроизвести переводимый текст, чтобы адресат перевода воспринял его как акт первичной коммуникации.

В ситуации перевода возникает другой набор действующих лиц: автор и адресат оригинала, переводчик и адресат перевода. В ряде случаев адресат оригинала и адресат перевода могут совпасть.

В семантической ситуации перевода сигнификативные, денотативные и коннотативные категории переводимого текста воспроизводятся переводчиком в сравнении с ПД, денотатом для переводчика является тема текста и характер его автора, возникает новая коннотация: перевод зависит от компетенции переводчика и адресата перевода. Если адресат новый, возникает необходимость в коррекции переводимого текста на получателя перевода, на время и место восприятия текста. Сохранение коннотативного значения, сохранение эффекта коммуникации требует учета типа текста.

Для переводчика «...небезразлично, осуществляется ли перевод и оценка перевода спецификации товаров, юридического документа или философского исследования»⁹.

А каждому типу текста присущ собственный коммуникативный эффект, собственное воздействие на получателя перевода.

Перевод как особый вид межязыковой коммуникации — мощное средство обогащения членов общества новой информацией во всех областях социальной и культурной жизни народов, открывающее путь для разнообразных политических, экономических и культурных контактов между народами. Высокая социальная значимость и перспективность перевода привлекает к этому виду лингвистической деятельности внимание ученых разных профилей и направлений.

«...В акте перевода осуществляется своеобразная триединая манифестация двух языковых систем: в нем участвуют тексты на двух языках, то есть функционируют две языковые системы, но они функционируют не независимо друг от друга, а соотносительно, с параллельным использованием коммуникативно равноценных единиц. Другими словами, мы имеем дело с особым типом использования языка (языков) в процессе общения. Исходя из этого, перевод может быть определен в лингвистическом плане как особый вид соотносительного функционирования языков»¹⁰.

⁹ *Pelle Катарины*. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. С. 203.
¹⁰ *Комиссаров В. Н.* Указ. соч. С. 6.

ЭТА МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ НЕПЕРЕВОДИМАЯ «АЛИСА» (ИМПЛИКАТИВНОСТЬ И ПЕРЕВОД)

«...концепция переводимости достигла сейчас такой степени зрелости, что актуальнейшей задачей сделались анализы явлений непереводимости...»

А. В. Федоров

"The question is", said Alice, "whether you can make words mean so many different things."
"The question is", said Humpty Dumpty, "which is to be Master — that's all."

Lewis Carroll

1. К теории имплицитивности

Из математической логики известно, что импликация есть логическая операция, в которой два высказывания связываются в одно сложное высказывание с помощью логической связи «если... то...»: «Если А, то В», по формуле $A \rightarrow B$, где А — антецедент, а В — консеквент, что читается как «А влечет (имплицитует) В» или «В следует из А»¹.

Напротив, лингвистическое понятие имплицитации, которое (как и лингвистическое понятие пресуппозиции, хотя они оба и основаны на логическом понятии) по сути не является операцией вывода, хотя большая часть лингвистических работ по проблеме пресуппозиции и имплицитации завершает нас в этом, а является результатом операции вывода, самим выводом, что весьма существенно. В отличие от логической операции, что весьма существенно — антецедент и консеквент, имплицитика, имея дело с импликацией и пресуппозицией, ставится лишь с одним эксплицитным термом: либо антецедентом, либо консеквентом, и именно это диагностирует, с чем именно лингвист имеет дело — с импликацией (в лингвистическом понимании) или с пресуппозицией. Когда имеется эксплицитный антецедент, из него выводятся имплицитная («А влечет (имплицитует) В»), при наличии эксплицитного консеквента, мы знаем, что он выведен из пресуппозиции (как условия правильного осмысления высказывания В), т. е. «В следует из А». На самом деле А не дано нам в тексте, в высказывании, мы только полагаем (хотя и с достаточными основаниями), что А по необходимости имел в виду говорящий, если он

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.

ожидал правильного осмысления эксплицитного В. Поскольку импликация (импликатура) и пресуппозиция — это понятия науки лингвистики, т. е. результат нашего анализа, — и в том, и в другом случае мы сами делаем вывод: за говорящего (пресуппозиция) и за слушающего (импликатура), — мы связываем эти понятия так тесно с двузначной логической формой.

Если же провести четкое различие между анализом лингвиста, т. е. методом познания явления, и самим явлением — предметом анализа, нам потребуется уже не двузначная, а трехзначная формула: $(A) \rightarrow B \rightarrow (C)$, где В есть эксплицитное высказывание текста, основанное на имплицитном говорящим условии его осмысленности — (А), и где В в то же время само имплицитрует определенный вывод, который делает слушающий — (С). Такая формулировка пресуппозиции и импикатуры, во-первых, четко соответствует имеющемуся в лингвистике представлению об этих явлениях (которые всегда и неизменно связываются с имплицитным в тексте², и, во-вторых, помогает понять, почему возникла необходимость в введении в науку этих двух понятий, тогда как, если приравнивать их к понятию математической логики, было бы вполне достаточно лишь одного. Итак, дадим определения: импликатура есть результат вывода (С), который делает получатель из эксплицитного высказывания текста В, при условии его осмысленности, а пресуппозиция (А) — есть то условие осмысленности эксплицитного высказывания В в тексте, которое имеет в виду говорящий. Таким образом, (А) не тождественно (С)*, пресуппозиция шире и богаче импикатуры, импикатура есть лишь минимальный вывод слушающего, который позволяет понять высказывание В, она и есть понимание, а ее извлечение есть процесс осмысления или понимания. Глубина понимания может быть различной у разных получателей одного и того же текста, она зависит от качества и количества тех импикатур, которые получатель извлекает из текста, из высказывания В.

Мы не затрагиваем здесь далее проблему пресуппозиций, которой посвящена обширная литература³. Дадим лишь еще определение понятию имплицитности, под которой мы будем понимать теоретически возможное множество имплицитных катур, которые идеальный получатель способен извлечь из данного высказывания (или текста).

² См.: Никитин М. В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. 1979. № 1; Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4; Долинин К. А. Импликативное содержание высказывания // Вопросы языкознания, 1983, № 6.

³ (С) находится к (А) в отношении включения.
1. См., например: Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1979, С. 337—369; Lyons John. Semantics. Vol. 2. Cambridge, The Cambridge Press, 1977; McCawley, James D. Everything that Linguists have Always Wanted to Know about Logic * ... * but were Ashamed to Ask. The Cambridge University Press, 1981.

Как уже было отмечено⁴, смысловой вывод, или импикатура, имеет своим источником явления четырех взаимосвязанных, но все же четко различающихся планов. Понимание речевого сообщения есть процесс и результат смысловых выводов, которые слушающий сознательно или подсознательно извлекает при сопоставлении только что воспринятой части сообщения с (а) семантико-смысловой структурой всей ранее состоявшейся части сообщения — языковой вывод; (б) компонентами содержания своей долговременной памяти (тезауруса знаний о мире) — тезаурусный вывод; (в) факторами ситуативного контекста сообщения — ситуативно-дейктический вывод, включения (г) социально-ролевые характеристики говорящего и адресата сообщения — прагматический вывод.

В силу того, что «акт перевода... распадается на два взаимосвязанных коммуникативных акта — коммуникацию между отправителем и переводчиком и коммуникацию между переводчиком и получателем»⁵, первый акт коммуникации — понимание сообщения переводчиком, или извлечение импикатур, составляет неотъемлемую часть процесса перевода, и, следовательно, имплицитность имеет важные следствия для теории перевода. Можно сказать, что теория имплицитности позволяет как бросить некий новый взгляд на уже известные проблемы перевода, так и выявить какие-то новые проблемы.

Укажем на некоторые общие следствия, вытекающие для теории перевода из теории имплицитности. Во-первых, становится возможным определить эквивалентный перевод как такой, при котором имплицитность текста оригинала и текста перевода является совместимой, т. е. такой, при которой множество импикатур, вытекающих из текста ПЯ, находится в состоянии пересечения, а в непересекающихся частях этих множеств нет противоречащих импикатур. Во-вторых, множество (или вероятностный) характер имплицитности объясняет закон множественности вариантов перевода, согласно которому перевод любого текста возможен не в одном, а в неопределенном, часто значительном, числе вариантов.

Внеконтекстные импикатуры в «вывернутом наизнанку» мире «Алисы»

Четыре выделенных выше типа имплицитности по-разному проявляются в текстах и по-разному отражаются на переводе.

Было бы небезынтересно рассмотреть их роль на примере переводов «Алисы» Ульриха Кэрролла на русский язык, тем бо-

⁴ Чернов Г. В. Смысловая имплицитность как основа понимания речевого сообщения. Контекстная семантизация лингвистических единиц // Сб. научных трудов МТИИЯ им. М. Торгеза. Вып. 238. М., 1984.

⁵ Швайцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973, С. 63.

лее, что к уже имеющемуся десятку ее переводов каждое десятилетие добавляет по крайней мере один новый перевод*.

Главным художественным приемом Кэрролла является «наильнейшее внедрение» в текст прямого («буквального») значения при том, что в норме в данном контексте оно должно восприниматься как прямое. При этом происходит навязывание читателю новых фоновых представлений, нетрадиционных, не тривиальных, о мире, в котором разворачивается действие сказки — будь то «Страна Чудес» или «Зазеркалье». Алиса, которая сама постепенно и с трудом осваивает «мир наизнанку», служит для читателя своеобразным «гидом-переводчиком» по этому миру, где не речевая деятельность служит отражением мира реальности, а наоборот, — мир отражает речевые «поступки» персонажей, мир, где отсутствуют переносные значения, где постоянно отражаются так называемые «буквальные» значения высказываний персонажей. Происходит наращивание тезауруса новых представлений у читателя, представлений о мире кэрролловской сказки. В принципе в этом нет ничего нового. Те же процессы внедрения читателя в новый для него мир, мир данного художественного произведения, происходят при чтении любого художественного произведения, особенно фантастики. Специфической особенностью кэрролловского мира является то, что он основан на речевой семантике. Другими словами, тезаурус кэрролловского мира начинает основываться в какой-то мере на языковой форме (пусть — внутренней форме), которая, естественно, является формой английского языка. В этом особая принципиальная трудность перевода сказки Льюиса Кэрролла. Этот факт наводит на мысль о том, что относительноный вес (ранг?) имплицативности каждого из четырех типов имеет прямое отношение к вопросу об относительной переводимости конкретного текста**.

Герои Кэрролла как будто органически неспособны понять не прямое значение высказывания, «когда они берут слово, оно означает то, что они хотят, не больше и не меньше» (Шаттай, с. 176, Н. Д., 79). Делая анализ в терминах более традиционных, у Кэрролла можно найти: 1) «оживление» стертой метафоры,

* Анализ подтвердился пять переводов «Алисы», преимущественно «Алисы в Стране Чудес»: 1) *Lewis Carroll's Alice in Wonderland translated into Russian by Vladimir Nabokov*, N. Y., 1976 (по Берлинскому изданию 1923 г.). Далее — В. Н.; 2) *Льюис Кэрролл. Алиса в Стране Чудес*. Пер. с англ. Александра Оленича-Гененко Ростов/Д., 1960. Далее — А. О.; 3) *Льюис Кэрролл. Алиса в Стране Чудес*. Перевела с англ. Н. Демурова. София, 1967. Далее — Н. Д.; 4) *Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес*. Сказка, рассказанная Борисом Заходером. М., Далее — Б. З.; 5) *Льюис Кэрролл. Алиса в Стране Чудес*. Алиса в Зазеркалье. Издание подготовила Н. М. Демурова. М., 1979. Далее — Н. Д., 79.

** Тот факт, что вопрос о переводимости/непереводимости никогда не ставился на материалах научно-технического перевода, по-видимому, свидетельствует о том, что тезаурусная имплицативность в чистом виде не служит препятствием для перевода и достаточно легко воссоздается в тексте на ЦЯ.

1) «оживление» внутренней формы слова, включая так называемую народную или, по выражению Н. М. Демуровой, «детскую» этимологию, 3) «прозрачные» имена собственные — имена персонажей, которые «определяют их характеры, их ... поведение» (Н. Д., 79, с. 323), 4) в конечном счете, «драматургию книги» (Н. Д., 79, с. 323), 5) персонажи английского фольклора, 6) собственные афоризмы персонажа, основанные на поговориях, или имеющие форму поговория, и 6) игру слов («Для Кэрролла словесная игра чрезвычайно важна сама по себе, она определяет поступки героев и развитие сюжета» Н. Д., 79, с. 324).

Как только высказывание начинает означать нечто парадоксальное, отличное от общепринятого, социально обусловленного, происходит нарушение языковых импликаций. В игру вступают тезаурусные имплицатуры, но не произвольные, а определенные внутренней формой номинации. А поскольку внутренняя форма слов двух языков, даже тех, которые принято считать прямо эквивалентными, в подавляющем большинстве случаев не совпадает, становятся понятными специфические трудности перевода «Алисы».

Другие разрешаются трудности, связанные с внеконтекстными имплицатурами. Внеконтекстная имплицатура хорошо иллюстрируется на примере афоризма — изречения, которое представляет явление как общую истину, как фундаментальный принцип или правило поведения. Приобретая значение всеобщности, афоризм приобретает внеконтекстную имплицативность. Исключительный характер афоризма у Кэрролла доводится до абсурда, но неприменимость даже в данном контексте. Из афоризмов Льюиса Кэрролла (гл. IX «Страны Чудес») в переводах особенно не выделяется перифраза известной английской поговорки: 'Take care of the sense, and the sound will take care of themselves'.

В двух из пяти проанализированных переводов на русском языке появляется перифраза русской поговорки или известного изречения, при полном игнорировании реального смысла афоризма в оригинале. Б. З.: «Не смейся языком, смеши делом», как перифраза мало известной поговорки «Не спеши языком, поспеши делом». В. Н.: «Слова есть — значение темно иль ничтожно» — перифраза строки из дерматовского стихотворения: 'Слова речи — значение темно иль ничтожно! — Но им без волненья внимать невозможно...»

И в том, и в другом случае потеряны тезаурусные имплицатуры афоризма в оригинале. В двух других переводах потеряна форма поговорки, характерной чертой которой является специфическое ритмо-фонетическое оформление. А это означает потерю языковой имплицативности.

Внеконтекстовая имплицатура — это вывод, делаемый в пределах ограниченного контекста и не имеющий специфических следствий для дальнейшего текста. Он может рассматриваться как автономный. В «Алисе» это многочисленные случаи автономной

игры слов, достаточно афористичной как таковой, но не такой реальной следствий для развития сюжета или для развития характеров персонажей. Часто в них тесно переплетаются и языковые и тезаурусные импликатуры, но ни одно из этих мест в принципе не должно оставаться непереверденным. И перевод — дело лишь таланта и трудолюбия переводчика.

В целом отрезки текста с внеконтекстной имплицативностью могут без нарушения законов перевода (к которым, например, относится постоянный учет речевого и внеязыкового контекста) использоваться как материал для переводческих упражнений. Приведем некоторые примеры таких переводов из «Алисы», которые были успешно осуществлены в качестве упражнений на семинарах по переводу. Например, следующие переводы рассматриваемого афоризма Кэрролла удовлетворяют требованиям совместимости и тезаурусных и языковых — внеконтекстных импликатур афоризма оригинала:

«Было бы что сказать, — тогда и слова не занимать.»

«Всеми своей черед: была бы мысль, а слово придет.»

«Словно не воровей: было бы что клеветать — не надо и звани. Посеешь смысл, а слова уродятся сами.»

В ходе аналогичного переводческого упражнения студенты едва ли не лучший вариант перечисления дисциплин, которые преподавались в «морской школе» в гл. IX «Страны чудес» «Служение, почитание, умножение и дурение» (как параллель ряда «сложение, вычитание, умножение и деление») с помощью репликой в ответ на вопрос Алисы: «А что такое "умножение"?» — «Ну как же, что такое "приношение" ты знаешь?»

Случаи внеконтекстных импликатур как раз и охватывают те места в переводах «Алисы», которые оказываются переведенными лучше всего (хотя и не всегда) у большинства переводчиков «Алисы». Великолепно передается игра слов в большинстве таких диалогов у Б. Заходера, много находок и у других переводчиков «Алисы».

3. Контекст. Есть ли у рыбы суставы?

Дело осложняется по мере роста длины контекста, на который распространяется действие соответствующих импликатур, также по мере включения «в игру» других видов имплицативности — прагматической и ситуативной.

Прагматическая имплицативность (из которой вытекает, в частности, речевая характеристика персонажей) тесно связана с «постулатами речевого общения» Грайса, основанными на предположении о том, что говорящий в норме следует ряду правил общения, которые по Грайсу сводятся к четырем категориям колличества (будь информативен равно настолько, насколько это необходимо — не более), качества (не высказывай то, что ты считаешь ложным), релевантности (будь реле-

вантен, говори по существу дела) и способом высказывания (избегай туманности, двусмысленности, будь краток, вы-и-и-и-и-и упорядоченно).

Кэрролл в сказке постоянно нарушает постулаты речевого общения, и вследствие этого появляются парадоксальные, т. е. социально нетривиальные прагматические импликации (они вытекают из уже отмеченного приема — смысл появляется в результате «буквального» осмысления речевых перифразов: из двух возможных смыслов высказывания — прямого и непрямого — персонажи неизменно выбирают «буквальный» смысл).

Прагматическая имплицативность в «Алисе» начинается с имени персонажей.

Предоставим слово Н. М. Демуровой, которая является не только переводчиком, но и исследователем творчества Кэрролла «... "транспонирование" имен в книгах Кэрролла приобретает первостепенное значение. Выбор нового имени должен был опираться на круг ассоциаций, знакомых русскому читателю, которые в то же время не были бы исключительной монополией Грессин. Выбор нового имени вел к "транспонированию" всех персонажей с ним деталей... Выбор нового имени для кэрролловских героев — это определение их характеров, их дальнейшего поведения...» (Н. Д., 79, с. 323).

Особенно не повезло в русских переводах персонажу по имени Mock Turtle, но об этом ниже. Расскажем пока, что происходит с его русским «кузеном» в переводе Б. З., который в целом изобилует многочисленными переводческими находками. Подходя на русский язык имя «Рыбный Деликатес», в ситуации знакомства с Алисой Mock Turtle говорит:

— Был некогда я рыбой, — сказал наконец Деликатес с глубоким вздохом, — настоящей...

«Настоящая рыба» в отношении одушевленного существа подразумевает не те импликации, которые имеет в виду Mock Turtle, с гордостью заявляя: "Once ... I was a real Turtle". Фактически ПЗ диаметрально расходится, становится несовместимым, превращает данный перевод в смысловую ошибку, восходящую к ошибочному выбору имени героя в переводе. Еще более усугубляет ошибку текстовая имплицативность (накопление языковой имплицативности, которая кумулирует в имплицативности тезаурусную, превращается в знания о мире Страны Чудес и населяющих ее персонажей). Деликатес — существо вполне мужского рода, — начинает означать существо мужского пола, а тут возникает... РЫБА, да еще НАСТОЯЩАЯ (!?). Имплицативность имени «рыба», конечно исключала следующий текст в переводе (как, впрочем, и имплицативность «базового» имени морской черепахи):

«...Считалось, что она («старая Мурина».— Г. Ч.) научит Рисковать Угрем и прочей муре — ну, там, Лживопиш, Натюр-Морды, Вечерние Тушею...

— Как-как? — спросила Алиса.

— Ну, я лично не могу тебе показать как, — сказал Деликатес, — старое, *суставы не шугля...*» (курсив мой.— Г. Ч.).

«Суставы» предполагают существо, имеющее суставы, а не рыбу, хотя, конечно, вполне можно было сказать: «...спина не гнется».

4. Ситуативная имплицативность. Всегда ли полезна наглядность? (Так что же украл Вальтер?)

Если ситуативная имплицативность обязательно участвует в процессе понимания и, следовательно, в процессе перевода при устном переводе, синхронном и последовательном, то роль ее в письменном переводе становится лишь эпизодической. В норме при восприятии текста, который был порожден в другой стране при неизвестных переводчику конкретных обстоятельствах, текста, описывающего действительность, неизвестную переводчику в деталях, ситуативные имплицатуры просто не возникают. Представления переводчика о действительности остаются на уровне тезаурусной имплицативности (то есть имплицативности на некотором уровне абстракции), «восхождения к конкретному» не происходит⁶.

Чаше всего ситуативно-действенная имплицативность остается на уровне гипотетическом или вероятностном, как для оригинала, так и для перевода. И это норма. Различные переводы Шекспира не могут вызывать возражений по этому параметру, как не могут вызывать возражений и различные сценические воплощения его произведений. Потребность сделать ситуативно-действенный вывод возникает тогда, когда переводчик сталкивается с проблемой неизвестных ему реалий, хотя в некоторых случаях этой потребности может и не возникнуть. Приведем простейший пример. Во многих и многих контекстах фраза из американского романа "I... rolled up the shade and opened the window" не вызывает никаких вопросов. Она понимается почти автоматически на основании «стандартных» языковых имплицатур глагола *open* и существительного *window* и тезаурусных имплицатур

⁶ В рамках работ по искусственному интеллекту использование ситуативной имплицативности можно сравнить с системой понимания, моделируемой на ЭВМ Виноградом (*Wingard, Terry, A. Procedural Model of Language Understanding*. In R. C. Schank and K. M. Colby (Eds.) *Computer Models of Thought and Language*. San Francisco, 1973. P. 152—186), а использование тезаурусной имплицативности для узких ограниченных областей знания — с системами, разрабатываемыми в рамках так называемого «фреймового» или «сенарного» подхода. См. напр. Шенк Р. и др. Интегральная понимающая система//Новое и перспективное лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 401—449.

натур о том, что такое окно в доме: я... открыла окно; возможно, что для придания некоторой динамичности действию переводчик напишет: я... *распахнула окно*. Первый вариант в принципе остается правильным при любых обстоятельствах. Второй вариант может быть всегда не правильным, но понимания этой ошибки может не быть вообще, если только в тексте ИД не последует далее: *The way the wind blasted the water over me, it was like stepping under a cold shower. I swore and pushed down the window...* Любоко этот последующий контекст содержит конкретную ссылку на типичную конструкцию окна в американском доме, большую на типичную, которое нельзя «распахнуть» и которое можно только поднять или опустить, в зависимости от того, верхнюю или нижнюю раму продвинули соответственно вниз или вверх по специально предусмотренным в конструкции окна ползьям. Если не считать окон в автомобиле, автобусе, вагоне поезда, русский читатель и переводчик знает окна, которые можно распахнуть, открыть, перевести наружу, или открыть внутрь.

Трудность перевода реалий, когда она возникает, связана с ситуативно-действенной имплицативностью, или конкретными представлениями. В течение долгого времени ситуативно-действенная имплицативность текста «Алисы» не служила препятствием для перевода — в силу того, что эквивалентность достигалась (или не достигалась) на языковом, тезаурусном и прагматическом уровнях. При этом ситуативно-действенная имплицативность оставалась нерелевантной. Исползовав классическими переводов из английской детской поэзии С. Я. Маршак («Шалтай-Болтай» и «Происшествие в карточном домике» («Дама Бубен варила бульон...») в переводе Н. Демуровой (Н. Д., 67) было вполне оправданным, ибо оно приводило к полной совместимости указанных выше трех видов имплицативности.

Nimply Dimpity из английского детского стишка, несмотря на краткость последнего, обладает вполне определенной внешностью и внутренностью. *nimply* — не только горб (и у человека, и у биверя, и у верблюда), но и приспущенная капюшон; *dimpity* — не только нечто толстое и бесформенное, но и мрачное настроение (cp. to be in the dumps). О первом *Nimply Dimpity* ср. у Алисы при встрече: "my name means the shade I am — and a good handsome shade it is, too". И все иллюстраторы изображали Шалтая в виде яйца, сидящего на стене, остроконечным концом вверх. Второе воспроизводит Л. Карлсон в характере Шалтая-Болтая определяется его именем.

Ис поведение Шалтай-Болтай, введенный в обиход русской детской литературы С. Я. Маршаком, связан скорее с представлением о пугающей и несерьезности (делать что-то шалтай-валтай, шатать и бол-
25

татъ, шататься и болтаться)*. Но имплицитивной несовместности здесь нет.

Широкая распространенность перевода С. Я. Маршака сделала сравнимым роли Ниптру Диптру и Шалтая-Болтая соответственно в английской и русской детской литературе, но и сама эта распространенность стала следствием сопоставимой имплицитивности перевода и оригинала, афористически прозрачной формы стиха на русском языке. Недаром известный роман Р. П. Уоррена назван по-русски строкой из перевода С. Я. Маршака: «Вся королевская рать...»

Нереальность ситуативно-дейктической имплицитивности порождает до времени приводила к большому разнообразию в выборе русских имен и наименований предметов в переводах главы IX и X «The Mock Turtle's Story» и «The Lobster Quadrille» и главы XI «Who Stole the Tarts?» в «Стране Чудес». Глава XI, на пример, это сцена суда в связи с происшествием, описанным в следующем детском стихе:

"The Queen of Hearts, she made some tarts,
All on a summer day;
The Knave of Hearts, he stole those tarts
And took them quite away!"

Tarts, представляющие собой открытые пирожки со сладкой начинкой, не имеют точного аналога в русской кухне. Поэтому в разных переводах, часто исходящих из стремления дать удачный эквивалент детского стиха, их «эквивалентом» становились пирожки, кексы, пудинг и котлеты (у С. Я. Маршака), крендели (в переводе стиха, сделанном О. А. Седяковой для Н. Д., 79). В связи с использованием классического перевода С. Я. Маршака в переводе «Алисы» (Н. Д., 67) червонные Дама и Король были заменены бунами: *Дама Бунен варила бундов и жарил бунды котлет...* Замена картошкой масти и даже замена тарт котлетами не создавала имплицитивной несовместности. В тех пор, пока в издании 1979 г., вышедшего в серии «Литературные памятники», не было решено использовать оригинальные иллюстрации Джона Тенниза. Последний, как известно, был не только иллюстратором, но и другом, и постоянным критиком и советником Кэрролла в ходе его работы над «Алисой», и его иллюстрации как раз и создавали то конкретно-наглядное представление, которое равносильно появлению ситуативно-дейктической имплицитивности. Иллюстрации Тенниза исключили все вышеуказанные замены и привели к необходимости пересмотреть ранее сделанного перевода (Н. Д., 67). Эта операция, однако, привела лишь к частичному успеху. Если и удалось вернуть

на место картошку масть, то главным предметом судебного разбирательства Короля стали крендели*, хотя на фронтисписе Тенниза, изображающем сцену суда над Валетом, в самом центре на блюде изображены открытые пирожки, из традиционной русской страны больше всего похожие на ватрушки.

Аналогичная судьба в переводах выпала и на долю главного героя глав IX и X — персонажа по имени Mock Turtle. Откуда появилось это существо, изображенное Теннизом в виде морской черепахи с рыловой тележкой и телочками копытцами на задних лапах? Как ни странно, по утверждению Королевы, это существо появилось ... из супа:

"Have you seen the Mock Turtle yet?"
"No", said Alice, "I don't even know what a Mock Turtle is."
"It's the thing Mock Turtle Soup is made from", said the Queen.
Mock Turtle soup (а не Mock Turtle soup, как говорит Королева) — это суп из телочей головы и телочьих ножек, суррогат аристократического (и очень дорогого) черепашьего супа. Английское прилагательное mock легко сочетается с образованным привычных понятий для англичан: a variety of styles from mock Moorish to mock Tudor (разнообразные стили от имитации мавританского до лже-Тюдора), mock swim (отделочный шов), mock modesty (ложная скромность), mock marriage (фигурный брак), и т. д. Эквивалентом этого прилагательного в разных контекстах в русском языке могут быть прилагательные *искусственный, фиктивный, фальшивый, поддельный, ложный, измышленный, существительные подделка, имитация, мимет, модель; приставки лже-, квази-, предлог под*

(в сочетании *под орех* и т. п.). Среди многих «двойников» этого существа: Рыбного Делишеса (Б. З.), Mock-Tartar-Фальшивой Черепахи (А. О.), Червонных (В. Н.), Под-Котика (Н. Д., 67) с точки зрения имплицитивной несовместности (кроме ситуативно-дейктической) Под-Котик был, пожалуй, удачнее всех других — на протяжении двух лет кумулировалась тезаурусная имплицитивность образа Под-Котика. Поскольку, однако, в результате публикации «путешествия» Mock Turtle'a работы Тенниза Под-Котик (то есть «башни» образ Котика) оказался несовместимым с ситуативной имплицитивностью оригинала, в переводе 1979 г. появилась Черепашка с «чуженым» именем Квази. Латинская приставка сразу исключает возможные тезаурусные имплицитивы в круг научных понятий, явно несовместимый с кругом доступных детям обыденных понятий, которые имплицитирует Mock Turtle. Тезаурус-

* Любопытно отметить, что в газете «Правда» от 9 сент. 1985 г. в статье под названием «Аттестовано коллективом. Продолжение разговора» встречается следующее словопотребление: «Нало построить наши отношения на производственных, чтобы рабочему было экономически невыгодно прогуливать, нарушать дисциплину, работать шалтай-болатай...» (разрядка моя. — Л. Ч.).

* Главой главы XI «Кто украл крендели?» стал перевод О. А. Седяковой: «Червей напекла кренделей, Червей попожил денек. Валет Червей отдал семь кренделей, И с тех пор он больше не крал.

ные и соответственно прагматические импликатуры двух имен не пересекаются и, следовательно, несовместимы.

5. Кумуляция импликативности. О карточной Даме и Королеве червей

Кумуляция импликативности создает текстовую импликативность, которая может быть выражена (и даже в какой-то степени формализована) в так называемых «семантических запретах» У. Чейфа⁷, которые он относит к смысловым импликациям языкового типа. Формула Чейфа $X \rightarrow Y$ содержательно истолковывается так: «наличие семантического элемента X требует далее в сообщении семантического элемента Y и влечет за собой его наличие». Контекстуальное (текстовое) правило приобретает вид: $W: X \rightarrow Y: Z$, и содержательно прочитывается так: «наличие семантического элемента W вводит зависимость $X \rightarrow Y$, которая остается в силе до момента появления Z, когда зависимость исчезает». Модифицированное правило Чейфа, касающееся тезаурусных импликаций, приобретает следующий вид:

W: X $\rightarrow$ определенность X: $\neq \neq \dots$

предмет	часть
явление	признак
причина	следствие

и содержательно значит следующее: при упоминании в сообщении целого предмета, явления или причины последующим упоминанием части данного предмета, признака данного явления или следствия, необходимо вытекающего из данной причины, в норме сопровождаются категорией определенности отражающей импликацию одновременного существования (коэкзистенции) части, признака или следствия. Эти ограничения распространяются, по крайней мере, на следующее высказывание, после чего они могут прекратить свое действие, либо сохраниться дальше. Следствием этого правила (отражающего сочетание языковой и тезаурусной импликативности) является чистое тезаурусное правило, согласно которому упоминание в данном сообщении (тексте) какого-либо предмета или явления имплицитно вводит в ситуативный и тезаурусный контекст сообщения некоторую предметную область, с присущими ей реальными связями, которые будут имплицитировать одновременное существование в контексте данного сообщения не только присущие им части и признаки, но и некоторый иной предмет или явление более высокого ранга, частями или признаками которого они являются сами. Если на протяжении какого-либо отрезка сообщения предметы и явления этой предметной области про-

должают эксплицироваться в тексте соответствии с ожидаемым, этот факт усиливает тезаурусную импликативность кумулятивности для всей данной области, если они прекращают эксплицироваться на некотором значительном отрезке сообщения, тезаурусная импликативность для данной области может исчезнуть, а всякое отклонение от этого закона будет ощущаться как нарушение смысла.

Следствие этой семантико-смысловой закономерности для перевода достаточно жестко — на любом участке (отрезке) текста ИЯ и соответствующем участке текста ПЯ эта текстовая импликативность должна быть совместимой.

И снова, на сей раз последний, пример из «Алисы». Известно, что в Стране Чудес персонажи The King and The Queen — это 1) the King and the Queen of Wonderland и одновременно 2) the King and the Queen of Hearts. Если шахматные Король и Королева Зазеркалья с таким же успехом могут оставаться самими собою по-русски, то для Страны Чудес проблема гораздо сложнее, ибо будучи Королем и Королевой этой страны, the King and the Queen вместе с тем являются картонным Королем и карточной ... Дамой. В результате в переводах на русский язык в гл. VIII (первое появление персонажей the King and the Queen of Hearts появляются «Король и Королева (?) червей» (A. O.); «Король и Королева (?) буен» (H. D., 67); «червонный Король и червонная Дамы, то есть Королева (?) — (B. 3.); «Король червей со своей Королевой» (?) — (B. H.) и, наконец, «червонные Король и Королева» (H. D., 79). Только у B. 3. остается весьма отдаленная и проблематичная возможность того, что через две с половиной главы читатель вспомнит «то есть» переводчика и отождествит пострадавшее лицо в обвинительном заключении — Червонную Даму — с Королевой, приказывающей рубить всем голову. Во всех остальных случаях — русских переводах — это разные персонажи. Контекстную импликативность сохранить не удастся.

В заключение, отметим, что отсутствие совместности по данному виду импликативности, релевантной для данного перевода, может расцениваться как смысловая ошибка. Напомним, что всегда релевантна языковая и тезаурусная импликативность, очень часто — прагматическая импликативность, а когда вступает в игру ситуативно-действенная импликативность — в период мы получаем либо Кота без улыбки, либо Улыбку без Кота.

⁷ Chafe W. L. Discourse Structure and Human Knowledge//R. O. Freedle and J. D. Carroll (Eds.) Language Comprehension and Human Knowledge. Washington, D. C., 1972. P. 41—70.

Д. А. Черняховский
(Москва)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОМПОНЕНТЫ ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

Чтобы передать средствами языка перевода смысл текста оригинала, необходимо задать текстом перевода такой комплекс информации, который обеспечит бы аналогичное психическое переживание у нового получателя текста (далее П). Именно по этой причине недостаточно ограничиваться при переводе установлением межязыковых соответствий на любом уровне, если мы хотим уяснить себе суть переводческого процесса даже в рамках чисто лингвистического подхода, не вдаваясь в психологические таинства этого процесса.

Независимо от того, насколько эксплицирована в тексте информация, задающая его смысл, и какая часть ее запрограммирована привлекается текстом из фонового знания П, эта информация задает смысл только в том случае, если обеспечивает психическое отображение некоторой внеязыковой ситуации (принимаемой в самом широком смысле как любое нечто, отображаемое языком — предмет, факт, событие, идея, понятийная структура и пр.). Это отображение задается наличием непосредственно в тексте или в актуализуемом текстом фоновом знании совершенно определенных качественно различных информационных компонентов (далее ИК). Рассмотрим эти компоненты.

1. Любой осмысленный текст содержит сообщение о чем-либо (предмет, факт, событие, идея и пр.). Этот внеязыковый объект — компонент а — имеет то или иное представление в тексте, от отдельного слова до развернутого предложения и целых группы предложений. В последнем случае далее в тексте он может быть представлен дейктисом, субститутом, например:

«Нью-Йорк, 23, ТАСС. К концу века численность населения Земли достигнет почти 6 млн. человек... Этот прогноз содержится в недавно опубликованном докладе Генерального секретаря ООН».

При переходе от исходного языка (ИЯ) к переводящему (ПЯ) переводчику прежде всего приходится учитывать различия в языковых нормах и традициях, благодаря которым внеязыковый объект — компонент а — может именоваться в ИЯ и ПЯ совершенно различным образом (ср. напр., the Nine и страны Божьей Девятки). Кроме того, возможна ситуация, когда компонент а является очевидной принадлежностью фонового знания П оригинала, но неизвестен или смутно известен П перевода. Перевод в таких случаях требует экспликации информации, раскрывающей суть или важные особенности компонента а (cf. *home industry* и русские варианты *промышленность США* и др.).

промышленность Великобритании в зависимости от адреса оригинала).

2. Имя в тексте соотносится с внеязыковым объектом (представляет в тексте компонент а) только в том случае, если в тексте имеется эксплицитное или имплицитное указание на существование этого внеязыкового объекта — информационный компонент е. В зависимости от фонового знания П компонент е может быть представлен в тексте как имплицитный, связанный до минимума (сема) или максимально развернутый (принцип предложений). При переводе, с учетом иного фонового знания нового П, репрезентация е может существенно измениться (ср.: «Существует в английском языке выражение «сейфти фёрст», что означает *безопасность прежде всего*. До недавнего времени это выражение появлялось лишь на спичечных коробках» и *The «pression «safety first» has so far appeared on match boxes* где информация о наличии в английском языке некоего выражения репрезентирована всего лишь определенным артиклем.)

3. Информация типа а репрезентирует в тексте внеязыковый объект, существующий в определенных пространственных и временных параметрах (s и t соответственно). Эта информация также обязательно присутствует либо непосредственно в тексте, либо в фоновом знании П. Параметр t, как правило, содержится в грамматической форме сказуемого (ср.: он читает — *he is reading*), но эта информация может содержаться и во второстепенном члене предложения, и в самостоятельном предложении (ср.: *«Матч» и это случилось недавно* и пр.). С разной степенью грамматической развернутости может быть представлен и компонент s.

Оба параметра или один из них вербально могут и отсутствовать в таком текстовом отрезке, если они упомянуты в предыдущем контексте или предположительно известны П в принципе. Однако в тексте ПЯ, ориентированном на нового адресата, они могут потребовать вербального представления (экспликации) из-за различий в фоновом знании П оригинала и П перевода. Так, следующий текстовый отрезок, взятый из английской газеты и адресованный английскому П, содержит имплицитный компонент s:

The results of the labour conference shocked the establishment and the capitalist press.

В тексте, адресованном русскому читателю, этот компонент получает вербальное представление:

Итоги лейбористской конференции повергли общественность Великобритании и капиталистическую прессу в шок и шоковое состояние.

В зависимости от адресата, эти компоненты в переводе могут быть и имплицитными, но такое имеет место гораздо реже.

1. Внеязыковый объект, отображаемый как объект а, существ-

вующий в параметрах *t* и *s*, характеризуется в тексте по своим качественным особенностям — информация типа *b*. Эти качественные характеристики, присущие самому объекту, вне связей его с другими — внутренне и внешне — характеризуют объект в его связях с другими объектами. Информация типа *b* также может быть по-разному представлена в текстах ИЯ и ПЯ — с разной степенью эксплицитности и различными языковыми средствами. Например:

Territorial Senator Rubi Rauss of the US Virgin Islands recently criticized the Department for not doing its work well.
Руби Раусс — американский сенатор от Виргинских островов, находящийся под опекой США, критиковал министерство за то, что оно плохо работает.

Компонент *b* — качественная характеристика двух взаимосвязанных в этом отрезке внетекстовых объектов Rubi Rauss (*Rubi Rauss*) и the Virgin Islands (*Виргинские острова*). В ИЯ первый объект характеризуется относительно второго как *territorial senator of the US Virgin Islands* в русском — *американский сенатор от Виргинских островов*. Как видно из этого примера, информация *b* может получать весьма различное лексическое и грамматическое представление в ИЯ и ПЯ (ср. также способы выражения в ИЯ и ПЯ качественной характеристики третьего внетекстового объекта, the Department (*министерство*); через английское словосочетание *for not doing its work well* и русское придаточное предложение (*за то, что оно плохо работает*). Кроме того, различна и степень эксплицитности информации *b* в ИЯ и ПЯ (ср. the US Virgin Islands и *Виргинские острова*, *находящиеся под опекой США*), в связи с тем, что, по мнению переводчика, эта информация, имплицитная в ИЯ, поскольку известна получателю вне контекста, может оказывать неизвестной русскому читателю.

Расхождения в способах языковой презентации компонента *b* в ИЯ и ПЯ могут быть связаны с различиями в функционировании стилистических средств ИЯ и ПЯ.

5. Создавая отображение внеязыковой ситуации средствами языка, отправитель дает этому отображению собственную оценку, преломляя его через призму собственного «я». Она может быть весьма разнообразной, но имеет несколько обязательных составляющих, информация о которых так или иначе присутствует в тексте, хотя по-разному и с разной степенью эксплицитности выражается в разных языках. Одна из таких обязательных составляющих — оценка отправителем степени реальности существования того, что отображается в тексте. При этом даже если отправитель бесстрастно констатирует что-либо (что в европейских языках выражается обычно через изыскательное наклонение глагола-сказуемого), констатация есть точка зрения отправителя на отображаемый факт, и она может совпадать или не совпадать с общепринятой, соответствовать или не соответ-

ствовать общепринятому положению вещей. Малейшее сомнение в степени реальности (достоверности) отображаемого (факта, события, уозаключения и пр.) выражается вербально, посредством так называемых модальных слов и оборотов. (Так, фразы типа *I believe this is true* — *я уверен, что это правда* со-держит информацию о неуверенности отправителя (далее — О) и утверждает, что, в противном случае он ограничился бы утверждением *this is true* — *это правда*). Таким образом, обязательная оценка О степени реальности, достоверности отображаемого неизменно опровергается эксплицитной или имплицитной лингвистической уверенности О в достоверности отображаемого и степень эксплицитности, и способы языкового представления той информации могут быть различными в ИЯ и ПЯ). К этим нем обязательным составляющим оценки отображаемого можно добавить: оценка степени желательности или нежелательности отображаемого со стороны О, а также его эмоциональная оценка отображаемого, все эти составляющие личное отношение О к отображаемому. Все эти виды личностной оценки можно объединить в один информационный компонент — модальный, с. информация типа *m*, выделив в нем обязательные и дополнительные составляющие.

Все составляющие *m* могут получить в тексте самую разнообразную презентацию даже в пределах одного языка (компонент *m* может содержаться в семе отдельного слова, в словосочетании, в самостоятельном предложении или даже группе предложений, ср. напр.: *может, не было, может, было*. Если было, то было в скалке...). Тем более вариативным является выражение модального компонента в ИЯ и ПЯ. Так, в следующем примере нереальность события, выражаемого в английском языке истинчески, в русском языке получает грамматическое выражение через модальный глагол-сказуемое:

Columbus never heard of that Calendar. It did not exist until 100 years after he was dead.
Колумб не мог знать об этом календаре. Он появился только спустя 100 лет после смерти великого мореплавателя.

В ИЯ нереальность факта, отображаемого в первом предложении, но обусловленного содержанием и второго предложения, выражается через семантику слова *never* в сочетании со смысловым второго предложения. В ПЯ она требует экспликации через модальный глагол в отрицательной форме (*не мог*), в противном случае очевидность невозможности не имплицитруется смыслом второго предложения, как в английском варианте.

Модальный компонент, как и другие ИК, может иметь в ИЯ имплицитное, и вербальное представление в переводе, но степень обязательного представления этого вида информации вовсе не обязательно должна точно воспроизводиться в переводе, бо-лее того, такая точность может привести к смысловым неточностям (ср.: *Колумб никогда не слышал об этом календаре*, что

подразумевает наличие этого календаря в эпоху Колумба и не оведомленность мореплавателей). Хотя в принципе набор м-дальных слов и оборотов в разных языках более или менее сходен, в тексте, где О часто использует такой прием как имплицитный логический вывод, подводящий П напрямую к пониманию авторской точки зрения, с этой целью в ИЯ и ПЯ используются весьма несовпадающие языковые средства.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что ИК, обеспечивающие отображение текстом внетекстового объекта (в том числе и идеи) могут быть представлены в тексте с разной степенью их вербальной экспликации и весьма разнообразными языковыми способами, чрезвычайно различающимися в ИЯ и ПЯ. Можно говорить о трех существенных причинах различия в способах вербальной презентации этих компонентов в тексте на ИЯ и ПЯ. Одной из них, как отмечалось, является расхождение в объеме фоновых знаний у адресатов ИЯ и ПЯ. Второе — существенной причиной такой вариативности являются различия культурные и языковые традиции представления информации средствами разных языков. (ср. напр.: *the fog storped the traffic and из-за тумана остановилось движение транспорта на дорогах*). Причина таких преобразований может быть и метаязыковой, если хотя бы одним из ИК в тексте является сам язык, его единицы и правила (ср. напр.: *Bridgeown lies along pathow bay spanned by a bridge and «Бриджтаун, что в переводе означает город-мост, расположен по обе стороны залива»*, где ИЯ название города самоочевидно, благодаря семантике слов *bridge*, а в ПЯ это имя требует дополнительной экспликации чтобы стало понятным его происхождение).

Итак, по экстралингвистическим, чисто лингвистическим металингвистическим причинам информационные компоненты оригинала могут получить более или менее эксплицитную презентацию в тексте перевода, возможно, через иной набор языковых средств, но главное — все они должны обязательно воспроизводиться средствами ПЯ, независимо от степени их эксплицитности и способов их вербализации.

Из сказанного выше следует, что ИК текста можно рассматривать как минимальные переводческие единицы в тексте, поскольку они представляют в тексте его смысловые компоненты, которые не связаны прямо и жестко с теми или иными языковыми формами. Однако ИК — далеко не все составляющие смысл текста. Они образуют единое смысловое целое, т. е. отображают внетекстового объекта, если объединены друг с другом в единый информационный комплекс связью так называемой внутренней предикации, в которой имени а приписываются свойства *s, t, m, b*. Отрезок текста только тогда содержит минимальное отображение внетекстового объекта (информацию об этом объекте), или элементарную смысловую единицу, если, независимо от степени эксплицитности и способа вербальной презентации, в его пределах содержатся описанные выше ИК, обеспечивающие

структуру *bstme (a)* или его смысловую структуру, и зависимость степени и способов их экспликации этот отрезок может представлять собой группу предложений, отдельное предложение, словосочетание или даже отдельное слово. Так, предложение, *Москва сегодня хорошая погода* содержит две элементарных смысловых единицы. Имя *Москва* для носителя русского языка в определенных контекстах, а чаще всего и без контекста, ассоциируется именно с названием столицы СССР, и ИК известен. Слово *сегодня* в определенном контексте, из которого взят этот отрезок, является дейктическим указателем определенной даты, известной получателю из контекста, из внетекстовой ситуации. Ее ИК, стало быть, известны П. При переводе, со сменой адресата, некоторые из таких имплицитных ИК могут потребовать вербальной или, если она есть, более подробной экспликации (ср.: *22 июня 1941 года он ушел добровольцем на фронт* и *In 1941, on the day when Nazi attacked his homeland, he went to the front*).

Отображаемые в тексте внетекстовые объекты связываются друг с другом двусторонними связями (так назыв. связь «групповой предикации»). Так, в отрезке *Я дал ему тетрадь* внетекстовые объекты *я* и *ему* связаны между собой как каузатор и объект действия. Языковое представление такой связи может быть вариативным и в пределах одного языка (ср.: *он взял у меня тетрадь, он получил от меня тетрадь*). Тем более вариативно оно в ИЯ и ПЯ. Например:

She has great success with her pupils and says she likes them, too.

Ученики от нее в восторге, и она, по-видимому, тоже довольна ими.

В ПЯ действие как бы повернуто в другую по сравнению с ИЯ сторону, количество предложений и способы презентации ИК в ИЯ также различны. Так, компонент *m*, выражаемый в ИЯ фразой *she says she likes them*, содержащей информацию неуверенности О в позиции учительницы, в ПЯ получает выражение во вводимом модальном слове *no-видимоу*.

Элементарные смысловые единицы и более крупные единицы, в чей состав входят элементарные, объединяемые групповой предикацией, также могут рассматриваться как единицы презентации ИК средствами ПЯ, позволяются новые переводческие единицы. Одна из них — способы языкового представления групповой предикации средствами ПЯ, чьи языковые нормы в этом плане могут существенно отличаться от норм ИЯ (ср. *the doctor was not for и за доктором послали*). Вторая переводческая задача связана с проблемой линейного размещения и лексико-синтаксической презентации взаимосвязанных в тексте отображенных объектов, т. е. с проблемой так называемого актуального членения. Известно, что внетекстовые объекты, отобра-

жаемые в тексте с тематической или рематической характеристикой, могут получить в ИЯ и ПЯ различную лексико-грамматическую презентацию, так же как и объединяющая их связь групповой предикации (ср. напр.: *The school opens its summer courses in June* и *В июне в школе открываются летние курсы*). Эта вариативность, вызываемая как экстралингвистическими так и чисто лингвистическими и металингвистическими причинами, может быть весьма разнообразной, и именно она приводит при переводе к членению и объединению предложений, свертыванию их в словосочетания или развертыванию словосочетаний в самостоятельные предложения, к синтаксическим и лексическим заменам. Например:

Twenty steamships were missing and feared dead after an American tanker broke up and sank without warning within 200 miles off the US coast.

Вчера в Атлантическом океане, в 200 милях от побережья США, неожиданно взорвался и затонул американский танкер. Пропаго без вести двадцать человек экипажа. Есть опасения, что они погибли.

Таким образом, и элементарные смысловые единицы, содержащие информацию об одном внетекстовом объекте, и более крупные смысловые единицы, содержащие информацию о нескольких взаимосвязанных внетекстовых объектах, равно могут рассматриваться как единицы перевода; они не имеют стабильной лексико-семантической и синтаксической презентации и могут содержаться в любых текстовых отрезках, от отдельных слов до группы предложений. Поскольку связи между внетекстовыми объектами могут отображаться в весьма обширных отрезках текста, и в абзацах, и даже в целых страницах и более целесообразно, в целях удобства переводческого оперирования с ними, ввести ограничения на их объем. Неэлементарной переводческой единицей следует считать такой сегмент отображения внетекстовых событий, в пределах которого сохраняется стабильность образуемых им ИК (некоторые из них при этом представляют собой элементарные смысловые единицы). Изменение хотя бы одного из ИК — пространственных, временных или модальных характеристик отображаемого объекта — свидетельствует о границе между смысловыми единицами текста, точнее, между содержащими их текстовыми отрезками. Эти смысловые единицы также можно рассматривать как операционные и реводческие единицы.

Описанные выше смысловые единицы текста объединяются в пределах целого текста в еще более крупные смысловые единицы еще одним видом связей — логическими связями, которыми сами по себе тоже могут рассматриваться как операционные и реводческие единицы. Логические связи в тексте, в принципе сводятся к четырем видам связей — это конъюнкция, дизъюнкция, импликация и тождество. Однако каждый язык использует

или выражения этих связей не только логические связи типа И, или и пр., но и другие весьма разнообразные средства, варьирующиеся от языка к языку. Кроме того, в любом тексте можно обнаружить то, что называют «имплицитным логическим выводом», — логические связи могут быть не прямо выражены в тексте, но должны выводиться из него. При этом, то, что в ИЯ имплицитно и неясно, в ПЯ может быть явно и выводится из точного и полного ответа на этот вопрос. Например:

Being in ags, he bought a new suit of cloths and a donkey and set out to see he Queen.

Формальное воспроизведение в русском варианте причастного оборота привело бы к искажению логической связи между двумя отображаемыми текстом фактами — тем, что Колумб купил одежду, и тем, что на полученные деньги покупает себе новое платье (ф.: *будучи в дохмотях, он купил себе новое платье и оседлал...*). Причинно-следственная связь требует в переводе верной передачи: *Поскольку он был крайне беден, он купил новое платье и оседлал...* Вторая причинно-следственная связь в этом текстовом отрезке, наоборот, эксплицитована в оригинале, но не получает экспликации в переводе: *set out to see the Queen* и *отправился ко двору*, что подразумевает, *чтобы получить аудиенцию у королевы*. Вербальное представление этой логической связи в переводе создало бы смехотворный эффект, отнюдь не заимствованный в оригинале (ср.: *купил оседлал и отправился по имплицитной логической связи в тексте, а также способы их экспликации в ИЯ и ПЯ весьма часто не совпадают*). Поэтому логические связи, объединяющие смысловые единицы текста в более крупные смысловые целые, также можно рассматривать как операционные и реводческие единицы.

* * *

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы отметить следующие: поскольку смысл текста задается эксплицитной и имплицитной текстовой информацией, а цель перевода — воспроизвести смысл текста, а не сумми значений знаков, составляющих текст, целесообразно рассматривать переводческий процесс именно как процесс извлечения смысла из текста (точнее, извлечения эксплицитной и имплицитной информации текста, задающей этот смысл) и процесс переформулирования этого смысла средствами ПЯ, т. е. создание такого текста на ПЯ, который, при его восприятии новым адресатом, давал бы ему тот же качественный состав информации вне зависимости от стилистики и способов ее экспликации в тексте ПЯ. Операционные и реводческие единицами в таком случае должны быть не

языковые единицы любого уровня, но отрезки текста, содержащие описанные выше ИК, смысловые единицы и связи между ними. Все они могут иметь более или менее эксплицированное представление в тексте, получать достаточно вариативную лексическую презентацию средствами ИЯ и ПЯ. Их воспроизведение в тексте ПЯ, независимо от способа и степени экспликации, и должно обеспечивать адекватный перевод.

С. Ф. Гончаренко

(Москва)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Поэтический перевод, как и любая другая разновидность перевода есть прежде всего акт межкультурной коммуникации. Логично предположить поэтому, что именно коммуникативный аспект теории поэтического перевода может выявить глобальную ее проблематику. Равным образом и теории поэтической речи, очевидно, должна быть теорией коммуникативной и текстовой, если исследователь ставит перед собой задачу сколько-нибудь связанного изучения стиха как особой формы и сферы функционирования языковой системы. Дело в том, что именно в поэтической речи смысловое и прагматическое ядро коммуникации наиболее резко отделено от семантики поверхностных структур; смысловая и эстетическая информация, материалы звучащая в поэтической речи и передаваемая ею, находят свое воплощение только в завершенном, связанном и цельном произведении поэтической речи — в поэтическом тексте. И если вообще справедливо, что только текст может быть «полноценной единицей общения»¹, то тем более это верно относительно коммуникативной поэтической. Перефразируя известный постулат Л. Витгенштейна², можно утверждать, что «только стихотворение имеет смысл, только в контексте стихотворения строка и слово обладают значением».

С коммуникативной точки зрения поэтический перевод есть передача информации, содержащейся в тексте поэтического оригинала, реципиенту-носителю ПЯ с помощью текста-посредника т. е. с помощью переводного поэтического текста. Прежде, чем выяснять, какая именно информация при этом передается, какой стеной полностью, каким образом и с какой целью, надо попытаться по возможности точно определить

терминологический метаязык, используемый в ходе рассуждений.

Коммуникация — это процесс общения между партнерами³, в ходе которого происходит передача информации (сообщения) от Источника к Реципиенту⁴.

Коммуникация с помощью языковых знаков именуется **вербальной коммуникацией**. Коммуникация, осуществляемая посредством произведений искусства (в том числе и литературы) называется **художественной коммуникацией**. Художественная коммуникация, осуществляемая с помощью языковых знаков, составляет область **художественно-вербальной коммуникации**. Художественно-вербальная коммуникация, реализуемая с помощью поэтических текстов (поэтических текстов) есть **поэтическая коммуникация** (см. более полное определение на с. 40).

Основной единицей коммуникации практически в любом виде общения выступает текст — целостное произведение речетворного процесса, отвечающее условиям завершенности, цельности и единственности, а в силу этого и коммуникативной целенаправленности⁵.

Цельность текста при этом понимается как его смысловая и коммуникативная целостность, проявляющаяся в относительном единстве темы и коммуникативной целенаправленности⁶.

Связность же есть структурная целостность текста, обеспечиваемая конкретными механизмами текстовой когезии (грамматическими, логическими, ассоциативными, композиционными и проч.).

Завершенность, взгляд за И. Р. Гальпериним, будем понимать как исчерпывающее развитие замысла автора⁷, а в поэтическом тексте — прежде всего, как реализацию замысла в области коммуникативной и эстетической содержания (см. ниже). В этом отношении завершенность противопоставляется категориям за-

³ В случае чистого «самовыражения» одно и то же лицо может выступать функцией передающего и принимающего партнера.

⁴ Ср.: «Коммуникация в своей основе есть нечто иное, как перенос информации в человеческом коллективе» (Колчанский Г. В. Указ. соч., С. 89).

⁵ Мы в данном случае оставляем в стороне вопрос о том, могут ли предполагать на статус текста целостные устные сообщения, не подвергнутые структурной обработке» (Ср. известные дефиниции текста у И. Р. Гальперина: «Текст как объект лингвистического исследования. М., 1961. С. 18; И. А. Черняховской вст. «Смысловая структура текста и ее единицы» // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 117). Ср., с другой стороны: «...полноценной единицей сообщения... может быть только единица, включающая в себя все необходимые признаки: быть носителем полноценной информации и быть структурно организованной. Текст и есть та исходная единица, которая отвечает этим требованиям» (Колчанский Г. В. Указ. соч. С. 90).

⁶ Москва: О. И. Грамматика текста. М., 1981. С. 17—25; а также: Гринина Н. Н. О семантико-синтаксическом аспекте цельности (когерентности) художественного текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории. М., 1982. С. 50—61; Сорокин Ю. С. Текст: цельность, связность, эмотивность. Там же. С. 61—74.

⁷ Гальперин И. Р. Указ. соч. С. 131.

¹ Колчанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М. 1981. С. 90.

² Голдман предложил следующее определение: «Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1935.

конечности и фактуальной концовки. Последняя имеет отношение лишь к поверхности, фактуальной информации.

Содержательная сторона текста (или его условно-самостоятельного с коммуникативной точки зрения сегмента⁸) именуется его **информацией**. Именно такая дефиниция, не вполне совпадающая с кибернетическим определением информации как меры сообщения (а не самого сообщения), по нашему мнению, наиболее приемлема для теории поэтической речи и теории перевода. Не случайно, очевидно, И. Р. Гальперин, пытаясь понятием использовать понятие информации так, как оно употребляется в работах Н. Винера и А. Моля⁹ — все же приходит к тому, что «содержание текста как некоего законченного целого» — это и есть его информация¹⁰. Созвучно этому и замечание В. Н. Кунисарова: «Термин «информация» используется нами как **абсолютный синоним термина «содержание»**»¹¹.

Стиховая речь — это речь, расчлененная на условно-приравняемые между собой отрезки, не обязательно совпадающие с единицами смыслового и синтаксического членения и отличающаяся особой «стиховой» интонацией как при «внутреннем чтении», так и при корректном декламационном исполнении.

Поэтическая речь — это стиховая речь, достигшая такой степени структурно-содержательной организации, при которой обеспечивается **поэтическая коммуникация**, а именно такой вид художественно-вербальной коммуникации, при котором с помощью стиховой речи осуществляется одновременная передача двухвальной смысловой (фактуальной и концептуальной) и многовальной эстетической информации. Подобное многоканальное использование языковых знаков ведет к повышенной информативной плотности поэтической речи¹².

Итак, информация, передаваемая с помощью поэтического текста¹³, может быть условно расчленена на две категории.

Смысловая информация — суть ее можно определить как содержащиеся в тексте сведения, позволяющие установить ее соответственность с некоторым сегментом реальности, с некоторым

⁸ В ходе анализа и интерпретации текст приходится расчленять на такие сегменты, памятуя, однако, о том, что их коммуникативная самостоятельность условна.

⁹ Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., 1974. С. 15, 16, 20.

¹⁰ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 40.

¹¹ Кунисаров В. Н. Лингвистика перевода. М., 1980. С. 30.

¹² Ср.: «...небольшое по объему стихотворение может вместить информации, недоступную для толстых томов нехудожественного текста». (Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 35) или: «Язык лирики в наибольшей степени насыщен поэтической информацией», «...поэтическое сообщение «приспосабливает собой передачу большого количества информации по каналу малопропускной способности» (Славинский И. К теории поэтического языка (структурализм: «за» и «против»). М., 1975. С. 265, 270. Последнее замечание относится к поэтической речи, а не к поэтическому тексту.

¹³ И в принципе и с помощью художественно-прозаического тоже, но в данном вопросе, который мы здесь не затрагиваем.

языковой ситуацией, то есть как астену (идеальных) денотатов¹⁴. Сведения эти объективированы в тексте с помощью языковых знаков (вербальных сигналов, однако объективация эта может носить разную степень эксплицитности. Иными словами, смысловую информацию материалует в тексте система вербальных сигналов, ориентированных на то, чтобы вызвать в сознании Реципиента соответственность того текста с языковой ситуацией. В этом отношении продуктивным оказывается точка зрения Л. А. Черняховской, определяющей смысл как «психическое отображение сегмента реальности, образуемое в сознании индивида в результате взаимодействия текста с фоновым значением индивида»¹⁵ — в немалой степени, со знанием особого поэтического «кода», когда речь идет о поэтическом тексте. К тому же, если теория смысла применительно к практическому языку, оперирует понятиями «усредненного получателя» и «усредненного уровня фонового знания, то в области языка поэзии скорее надо говорить об «идеальной реципиенте» и «идеальном уровне фоновых знаний».

Эстетическая информация — условно ее можно назвать весь тот сложный информативный комплекс, который передается в процессе поэтической коммуникации помимо смысловой информации.

Расчлененность информации художественных текстов на две принципиально различные категории отмечается почти всеми исследователями, хотя при этом имеются и терминологические, и дефинитивные расхождения. Так, А. Моля и Ю. Боров говорят о «семантической» и «эстетической» информации; И. Р. Гальперин — о «логической» и «эстетической», а также об «интеллектуальной» и «чувственной» информации; Р. Якобсон — о «когнитивной» и «эмоциональной», Я. Славинский — о «познавательной» и «поэтической», В. А. Кухаренко — об «интеллектуальной» и «эмоциональной», «художественной» и «нехудожественной» информации.

В свою очередь **смысловая информация** в поэтическом (да и в любом художественном) тексте носит двухуровневый, двухплановый характер. Вслед за И. Р. Гальпериным, назовем эти уровни соответственно **фактуальной** и **концептуальными**.

Фактуальная смысловая информация — это «сообщения о фактах, событиях, процессах, происходивших, происходящих или будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом»¹⁶. Фактуальная информация, как правило, объективируется в тексте вербальными сигналами с высокой степенью эксплицитности. Она сохраняется при перефразировании.

¹⁴ Ср.: Новиков А. И. Лингвистические и экстралингвистические элементы поэтического текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. С. 21.

¹⁵ Черняховская Л. А. Указ. соч. С. 117.

¹⁶ Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 27.

ровании поэтического текста, при переводе его прозаическим текстом — и т. д.

Концептуальная информация — это сообщение авторского понимания отношений между фактами, описанными на уровне фактуальной информации, а также сообщение об авторской экстраполяции этих отношений на систему мира; иными словами, это авторская концепция мира, каким он есть или должен быть. Данная информация носит в значительной мере имплицитный характер, но, однако, она вполне объективируется в тексте, материализуясь с помощью дискретных вербальных сигналов, система которых ориентирована на «идеальный» реципиент, владеющего соответствующим поэтическим кодом. Взаимодействие этих вербальных сигналов с фоновыми знаниями такого реципиента в процессе восприятия и толкования поэтического текста и выявляет эту информацию в ее (относительной) полноте. Таким образом, (1) этот вид информации извлекается из текста только культурно развитым реципиентом, (2) значительная доля ее выявляется только с использованием герменевтических приемов интерпретации, (3) для более или менее полного извлечения этой информации из текста даже подготовленному реципиенту требуется неоднократное его прочтение.

В определенной мере эта информация свойственна имплицитной информации практических текстов, где «описываемая ситуация служит базой для указания на новую ситуацию, идентификация которой составляет цель коммуникации и которая проводится из исходной или ассоциируется с ней»¹⁷. Однако в то же время между концептуальной информацией художественного текста и имплицитной информацией текста практического то имеется непреодолимое различие: концептуальная информация, во-первых, возникает на базе неавтоматизированных ассоциаций; во-вторых, она чаще всего неоднозначна, в-третьих, она не выводится прямо из внешне-ситуационного или образно-вербального контекста, а извлекается из текста в целом с помощью особых интерпретационных процедур и при условии особых знаний; в-четвертых, она не поддается точному перефразированию и вообще полной вербализации. Последнее особенно важно: конечно, как отмечал Л. С. Выготский, «выразить в пересказе мысль и романа, и трагедии... также нельзя, как нельзя пересказать музыку своими словами»¹⁸ и «всякая басня говорит больше, чем то, что заключено в ее морали»¹⁹, — но, с другой стороны, очевидно, прав Ю. Боров, утверждая: «Если бы художественный образ был полностью переводим на язык логики, наука могла бы заменить искусство. С другой стороны, если бы он был абсолютно непереводаем на язык логики, то ни литературоведение, ни искусствознание, ни художественная

критика не существовали бы. В том-то и дело, что образ не переводим и непереводаем на язык логики. Он непереводаем потому, что при анализе остается «сверхсмысловый остаток». Он непереводаем потому, что глубже и глубже проникая в суть произведения, можно все полнее, всестороннее выявлять его внутреннюю мысль»²⁰.

Концептуальная информация, таким образом, свойственна теме и замыслу поэтического текста, являя собой «свертку» его индивидуальной идейной семантики. Трудно она эксплицируется целиком потому, что у нее фактически нет прямых средств языкового воплощения; как образно выразился Г. О. Винокур, ее материальной формой оказывается другое «содержание, выражающееся в звуковой форме»²¹, т. е. фактуальная семантика становится в звуковой форме содержанием.

Иными словами, смысловая информация поэтического текста развертывается ступенчато: фактуальная информация, описывая, дает идентификацию ситуации, описанной внешним, фактуальным слоем коммуникации. Недоподготовленный или «стихийный» реципиент кроме этой информации никакой другой «по-смысловой» информации и не воспримет²². На основе этой «по-смысловой» ситуации компетентным реципиентом реконструируется глубинная, концептуальная ситуация, не всеведущая, впрочем, находящаяся точные вербальные формы экспликации и никогда не подпадающая исчерпывающей вербальной описанности. Очевидно, ситуация эта по природе своей не является полной и опирается скорее на сетку сигнафикаторов, но, тем не менее, основываясь на работе воображения, на производимой функцией мышления, на процессах «опережающего отражения»²³.

Однако именно эта ситуация, в процессе идентификации которой происходит осмысление, прием концептуальной информации, заложенной в текст, и обеспечивает порождение мира коммуникации — во всяком случае, его идейно-смысловой части. Концептуальная информация извлекается из текста посредством анализа (атомирования цельности) и с помощью интерпретации — процесса выявления, толкования и осмысления концептуально-содержательной информации. Основными интерпретационными операциями, как уже говорилось, являются герменевтика и.

Опозиция фактуальной и концептуальной информации, терминологически впервые сформулированная в цитируемой работе И. Р. Гальперина, обнаруживает себя в противополо-

¹⁷ Боров Ю. Эстетика. М., 1981. С. 158.

¹⁸ Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 290.

¹⁹ Это, однако, не означает, что он не воспримет хотя бы частично информации эстетической, о чем см. ниже.

²⁰ Ср.: Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985. С. 238.

²¹ Комиссаров В. Н. Указ. соч. С. 68.
²² Психология искусства. М., 1968. С. 226—227.
²³ Там же. С. 142.

лении «буквального смысла» «действительному смыслу» (Г. Винокур), «материала» «форме» (Л. Выготский), «бытийной темой» «поэтической темой» (Г. Степанов), «эксплицитного» «имплицитного» (М. Кожина, А. Васильева, И. Гальперин), «внешнего плана» «внутреннего плана» (В. Кухаренко).

Информативный комплекс, именуемый эстетической информацией, в свою очередь включает следующие виды:

1. **Собственно-эстетическая информация**, извлекаемая из текста путем оценки соотношения формы и смыслового содержания поэтического текста. Это ценностное отношение М. Бахтин именует эстетическим компонентом, суть которого состоит в том, что «форму я должен пережить как мое активное ценностное отношение к содержанию, чтобы пережить ее эстетически»²⁴. И форма, и двухуровневое смысловое содержание воплощены в тексте; но извлечение из этого текста собственно-эстетической информации, естественно, связано с интеллектуальным усилием культурно развитого реципиента: ведь прежде, чем поставить в соотношение содержание и форму, надо сначала интерпретировать концептуальное содержание и аналитически оценить форму.

2. **Катартическая информация** — информация, объективированная в таких вербальных сигналах, которые ориентированы на катарсис, т. е. на то, чтобы «возбудить в нас два эстетически противоположно направленных и окрашенных чувства и затем разрушить их в той катастрофе... в которой оба эти тока как бы соединяются в коротком замыкании»²⁵. Чтобы обеспечить катартическую функцию поэтического текста²⁶, автор должен обеспечить не столько гармоничное, сколько напряженно-конфликтное взаимодействие его пластов и элементов. Л. Выготский говорил в этом отношении о противоречии между «материалом» и «формой» произведения: «В художественном произведении всегда заложено некоторое противоречие, которое внутреннее несоответствие между материалом и формой... то формальное, которое автор придает этому материалу, направлено не на то, чтобы вскрыть свойства, заложенные в самом материале... а как раз в обратную сторону: к тому, чтобы преодолеть эти свойства»²⁷. Материал и форма — понятия условные. Материалом может выступать фактуально-фабульная линия, а формой — сюжетно-концептуальная развязка. Функцию материала может выполнять лексика стихотворения, а роль формы играть — его комплексная семантика. Материал может быть и ритмика, напряженно контрастирующая с лексикой (формой в данном случае). Наконец, в состоянии напряженного

противоречия может находиться то, что Ю. В. Левин определил как «форма выражения» (материал) и «форма содержания» (форма): классический, спокойный ритм и сумбуриная, «кучковитая» семантика²⁸.

В принципе катартическая информация (во всяком случае, ее определенный объем) извлекается реципиентом без активного участия с его стороны; вернее, без его интеллектуального участия: она заложена в самой плоти и материи текста и может восприниматься неосознанно. Однако при этом в ней нет ничего мистического: она объективирована самой структурой произведения, и исследователь всегда может нащупать ее материальную сущность.

3. **Гелонистическая информация** — информация, объективированная в таких вербальных сигналах, которые ориентированы собственно на «наслаждение» и «удовольствие», испытываемые реципиентом в процессе поэтической коммуникации. Конечно, частично гелонистическую функцию осуществляет и собственно эстетическая, и катартическая информация, однако там она является производной и факультативной. Но поэтическая коммуникация обладает и целенаправленными механизмами гелонистической информации, которая в свою очередь многопланова. Укажем, в частности, лишь на такие ее факторы, как: (4) стечень творческого мастерства и свободы видения языковым (стиховым) материалом²⁹, (5) сложность кода, приобщающая реципиента к творческому процессу, к творческому отношению к языку и миру³⁰, (6) «игровая» структура текста — моделирование целенаправленной деятельности «в игровой, незаинтересованно-бескорыстной форме. Игра же свободных сил человека, являясь еще одним планом проявления свободы в искусстве, также представляет эстетическое наслаждение»³¹.

4. **Аксиологическая информация** — информация, объективированная в вербальных сигналах, нацеленных на формирование ценностного сознания человека, его эстетической ориентации в мире и его способности к образному мышлению.

5. **Суггестивная** — информация, объективированная в вербальных формах, продуцирующих внушающее воздействие текста на реципиента. В разных видах поэтических текстов ее удельный вес различен, но порою она играет роль информативной и коммуникативной доминанты: обрядовая поэзия, военно-патристическая лирика. Будучи ориентирована на подсознание, полу-

²⁴ Левин Ю. И. Лексико-семантический анализ одного стихотворения Мандельштама // Слово в русской советской поэзии. М., 1975. С. 22.

²⁵ Разумеется, вербальные сигналы, свидетельствующие об этой степени, будут корректно восприняты только подготовленным реципиентом, фоновые значения которого включают «ориентир» определения этой степени.

²⁶ Ср.: «интенсивность художественного восприятия и наслаждения прямо пропорциональна упорядоченности и сложности художественного феномена».

²⁷ Боров Ю. Указ. соч. С. 215.

²⁸ Боров Ю. Указ. соч. С. 148.

²⁴ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 58.

²⁵ Выготский Л. С. Указ. соч., с. 208.

²⁶ См.: Боров Ю. Указ. соч. С. 144.

²⁷ Выготский Л. С. Указ. соч. С. 208.

чателя, она не представляет трудностей в рецептивном плане, однако ее тщательный учет необходим в процессе перевода поскольку радикальная смена культурно-языкового и этнического типа рецептора может вызвать необходимость радикальных преобразований структуры подлинника.

6. Структурно-формальная и функционально-формальная информация — объективированная в стилистическом оформлении текста информация о его стилистической структуре и конкретных коммуникативных функциях ее компонентов. В полном объеме этот вид информации извлекается только реципиентом-специалистом (переводчиком или филологом-исследователем), а в полном — каждым подготовленным читателем/слушателем. Даже и в неполном объеме эта информация служит основой (или фоном) для извлечения других видов эстетической информации.

Итак, в процессе поэтической коммуникации с помощью поэтического текста осуществляется передача смысловой (фактуальной и концептуальной) и эстетической (собственно-эстетической, катартической, суггестивной, структурно-формальной и функциональной) информации. Замысел поэта, как правило, включает в себя «свертку» концептуально-тематической и сопряженной с ней эстетической информации. Но чтобы реализовать этот замысел, поэт должен: (1) найти коррелирующую им «фактуальную ситуацию» и вербализовать ее, причем (2) вербализовать ее таким образом, чтобы описание фактуальной ситуации содержало в себе ключ к декодированию концептуальной ситуации и чтобы в тексте оказались объективированы вербализованные сигналы эстетической информации, которую реципиент должен воспринять на пути к идентификации концептуального смысла. Переводчик как реципиент-специалист должен пройти этот путь в обратном направлении, выявить весь информационный комплекс источника и реконструировать замысел поэта. Проведя эту операцию, он оказывается у исходной точки автора оригинала. Ему предстоит реализовать замысел этого автора на переводческом языке, т. е. проделывать его поэтическую работу во всей полноте и к тому же обеспечить передачу **идентичной** комплексной информации. Понятно, что в творческом отношении эта задача, пожалуй, неизмеримо более сложная, нежели сочинение оригинала. Вопрос в другом: осуществима ли она в принципе?

* * *

Передача сложного информационного комплекса с помощью текста, состоящего из нескольких высказываний или нескольких гиперфразовых единиц, возможна только в силу того, что поэтический текст есть текст особого рода, а поэтическая речь есть чрезвычайно специфическая разновидность речи. Даже в рамках поэтической коммуникации она выступает в двух ипостасях.

1. **И.и.**, передавая фактуальную информацию, она функционирует как вполне обычная, практическая речь, то концептуальную и эстетическую информацию она материализует и передает, принимая совсем иное качество: качество собственного поэтического речевого творчества, где все языковые элементы взаимосвязаны и значимы, где радикально модифицируются парадигматические и синтагматические закономерности функционирования знаков «естественного» языка, где меняется сам механизм смыслообразования и коммуникативной ориентации слова и фразы. Иначе говоря, в этой ипостаси поэтическая речь является собой последовательность символов кода, невыводимого *непосредственно* из конвенциональной символики «практического» языка. Все эти метаморфозы происходят с речью благодаря ее организации по моделям особых стиховых структур: метро-ритмических, фонических, метафигурных (т. е. структур, обеспечивающих полисемантическую поэтическую слова при его системно-метафорическом употреблении и при его действительности в «прямом образе»³². В целом механизм кардинальных преобразований, претерпеваемых стиховой и тем более поэтической речью исчерпывающе подтожен в известной книге Ю. М. Лотмана³³: (1) любые элементы речевого уровня (варианты) здесь имеют тенденцию возводиться в ранг системно-значимых существ (инвариантов); (2) любые элементы, являющиеся в практическом языке строевыми, в поэзии имеют тенденцию обрести сверхсмыслы; (3) элементы, которые в «практическом тексте» выступают как несвязанные, принадлежа к структурам разных уровней, в поэтическом тексте оказываются «о-и» или противоположенными. Но именно эта гиперсвязанность и гиперсемантизация всех элементов текста исключает возможность сохранения в переводе всего информативного комплекса, воплощенного в оригинале. Поэтому на практике переводчик поэзии вынужден жертвовать тем или иным аспектом информации.

В зависимости от того, какой тип информации переводчик считает коммуникативно доминантным, возможны три различных метода перевода:

1. Поэтический перевод — перевод, направленный на обеспечение поэтической коммуникации между автором оригинала и читателем перевода. Значит, переводчик в этом случае должен заново средствами переводящего языка создавать **поэтический** текст, эквивалентный оригиналу по своей эстетической и концептуальной информации. Информация фактуальная (а значит и вербальное соответствие) при этом воспроизводится лишь в той мере, в какой она не заглушает канала

³² См., напр.: Ермакова Е. В. Метафоризация мира в поэзии XX века // Контекст. 1976. М., 1977. С. 165, а также Золан С. Т. Семантическая структура слова в поэтической речи // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981, № 6. С. 509—520.

³³ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 36.

лов передачи концептуальной и эстетической информации. Поскольку фактуальная информация есть своего рода «план выражения»³⁴ коммуникативно-поэтического содержания, то ее трансформация (а в случае необходимости и глубинная перестройка) не противоречат даже столь «жесткой» дефиниции перевода, каковой является известная формула профессора Бархударова: «переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания»³⁵.

2. Стихотворный перевод — перевод, воспроизводящий фактуальную информацию с помощью стиховой речи. В вербальном и формально-стилистическом отношении он весьма приближен к оригиналу, но не передает концептуальной и эстетической информации. Иными словами, здесь мы имеем дело со стиховой, но не поэтической речью: достичь уровня упорядоченности и организованности, достаточного для превращения стиховой речи в поэтическую этому виду перевода как раз и не дают установки на максимальное словесное и структурно-формальное тождество с оригиналом. Этот вид перевода вполне пригоден в специальной литературе — для академических изданий литературных памятников, при фрагментарном цитировании источника в научно-филологической литературе и так далее. В собственно литературном обращении он, естественно, бесполезен, так как не осуществляет поэтической коммуникации.

3. Филологический перевод поэзии — перевод, нацеленный на максимально дословную, а потому прозаическую передачу источника. Это подчеркнуто несамостоятельный вид текста — он обычно сопровождается или параллельно приведенным подлинником, или развернутым комментарием и призван выполнять чисто служебные (научные или научно-популярные) функции, которые, впрочем, сами по себе могут быть весьма важными. Естественно, он и не претендует на осуществление поэтической коммуникации, но зато честно представляет реципиенту максимум сведений о том, что именно говорится в подлиннике — то есть максимально бережно передает его фактуальную информацию. Информация концептуальная и эстетическая (в том числе и формально-стилистическая) выносятся при этом за скобки.

Каждый из этих видов перевода следует оценивать по их эффективности в том коммуникативном аспекте, к которому они предназначены. Так, бессмысленно ставить в вину поэтическому переводу искажение фактуальной информации, а от перевода стихотворного требовать эстетической адекватности. Конечно, из всякого правила бывают ис-

ключения, например, может иметь место такой случайный «лучай совпадения коммуникативных механизмов различных текстов, как поэту-переводчику удастся воспроизвести не только концептуальную и эстетическую, но и фактуальную информацию всех ее подробностях. Но в принципе это было бы нелепым, противоречащим закону комбинаторности «математической системы языков и поэтому едва ли не противостоящим». Чрезвычайная вербальная близость поэтического перевода к подлиннику должна скорее разбудить в исследователе и критике подозрение в том, что переводчик пожелтовал некоторой существенной долей концептуальной и/или эстетической информации источника или значительно видоизменил ее. Первое, об этом не всегда приходится сожалеть: наши отечественная школа поэтического перевода знает немало случаев, кои перевод более эффективен в плане поэтической поддержки, нежели оригинал. Но это уже вопрос, имеющий отношение к проблеме переводческой адекватности.

Любой из описанных видов перевода высвечивает подлинник с определенной информативной стороны (концептуально-эстетической, фактуально-стилистической, фактуально-вербальной). Первое, чтобы получить «объемную» информативную картину, надо сопоставить минимум тремя коммуникативно-различными вариантами перевода каждого значительного поэтического текста.

М. П. Брандес
(Москва)

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА

Задачей статьи является описание инвариантной стилистической основы текста оригинала, которая должна оставаться неизменной для текста перевода и понимание которой способствует достижению существенной степени эквивалентности перевода.

Статья имеет постановочный характер и отнюдь не претендует на завершенность и полноту. В центре внимания здесь находится проблема понимания как основа перевода, ибо, чтобы истинный текст при переводе до реципиента, нужно понять сначала его самому, а уже затем путем перевода интерпретировать и объяснить его другому.

Понимание — это ни исходная, ни простейшая операция мышления. Первичную операцию мышления представляет процесс формулирования мысли, который способствует пониманию. Процесс формулирования мысли в свою очередь является основной операцией стилиобразования. Таким образом, понимание и стилиобразование, перевод и стиль сходятся как в фокусе в

³⁴ См. Брандес Г. О. Указ. соч. С. 390.
³⁵ Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975. С. 11.

процессе формулирования мыслей и в законченном высказывании как его результате.

Проблема понимания не возникла бы при переводе, если бы человеческие языки были устроены наподобие номенклатуры, в которой объектам однозначно приписывались бы слова-ярлыки. В этом случае был бы возможен однозначный перевод. Но человеческими языками стоит мир, вернее целый мир, не только предметы и явления и их связи, а целые системы их и порождения и функционирования, которые все отражены в тексте.

Переводчик, выступая в качестве посредника между автором произведений и читателем, должен прежде всего передать в мыслях автора, иными словами сформулированное содержание, а в словесно-выразительной форме — это акт превращения линейной последовательности символов текста в представление их смысла. (Словом установленное понимание и его практическое воплощение является язык, который при переводе выступает как механический дешифровщик смысла в любом исходном тексте. Понимание является комплексной, многоуровневой и многоаспектной и операционной мышлением. В ней есть «зоны», исходные параметры, которые можно ухватиться, чтобы создать инвариантную остроту перевода вообще, т.е. определить границы перевода и в рамках этих границ попытаться найти решение более частных переводческих проблем, и соответственно в рамках этих границ найти место различным переводческим стратегиям.

Понимание связано прежде всего со знанием. Многообразие форм знания можно разделить на две группы. Первая составляют те, которые несут фактуальную информацию о конкретных вещах, свойствах и т.д. (т.е. «знать, что»). Вторая группа — это знание о способах действия, применения, создания и т.д. (т.е. «знать, как и зачем»). Последнее связано с содержанием смысла текста. Таким образом, всякий текст содержит наряду с фактуальной информацией также разного рода команды и алгоритмы действий, в частности такие, как понимание и переживание. Первая оценивается с позиций истинности, вторая — с точки зрения эффективности понимания и деятельности. Это двустороннее единство текста составляет объективное основание понимания.

И хотя понимание зависит в первую очередь от языка, от знания смысла слов, переводческая проблема понимания имеет в виду «исчерпывающее понимание», что в свою очередь предполагает знакомство с конкретными условиями и ситуациями, которые объективированы в тексте и которые мотивируют использование языка в тексте.

Отсюда, существуют два основных подхода к пониманию: философский, связанный с предметно-объективным и входным в ситуацию понимания, и семантический, системно-информационный, связанный с конструктивным входением в ситуацию понимания, когда адекватность ее смыслового потенциала

интерпретируется построением и воссозданием узловых моментов данной ситуации. Современный уровень развития науки позволяет свести в одну систему несколько уровней понимания, сложившихся исторически.

Итак, исходные постулаты, формулирующие проблему понимания и ее «исчерпанности» сводятся к следующему:

1) презумпция «осмысленности», т.е. понять можно то, что имеет смысл и стало быть приобщено к человеческой деятельности, а следовательно и к коммуникации. Смысл — это все то, что имеет воздействующие человеческому труду и хранит в себе потенциал этого труда. Смысл — это социальная функция, за которой стоит интенция, мотивация, цель, т.е. нечто внутреннее, субъективное;

2) понимание — это в какой-то мере повторение процесса понимания текста, его реконструкция. Текст всегда в определенном смысле содержит структуру понимания;

3) понимание как осмысление связано с нормативно-ценными системами общественной практики, иными словами, практиками, которые определяют большую и малую переводческую остроту.

Таким образом, понимание имеет рациональную основу. С помощью реконструкции некоторых инвариантных структур, имеющих в значениях следов человеческой деятельности, которые определяются в словесных произведениях как в социально-исторических образованиях.

Большая стратегия связана с глубинными правилами, которые существуют в виде динамической кибернетической системы, они позволяют человеку воспринимать уникальные коммуникативные ситуации и выражать свои представления о них и о мире. Эти правила предстают как абстрактные инвариантные структуры, в которые вкладывается то или иное смысловое содержание, выраженное в виде поверхностных правил, социальных норм.

Глубинные правила носят универсальный характер аксиом, поверхностные правила, будучи реализацией глубинных, имеют специфическую национальную окраску и различаются в разных языках. Приведенные постулаты отвечают на вопрос «что такое понимание?». Ответ на второй вопрос «как понимать?» носит интерпретируемый характер. В данной статье делается попытка дать ответ на этот вопрос, ориентируясь на модель социальной организации текста, которая составляет стилистический инвариант текста. Под стилистическим инвариантом понимается структура субъективной стороны информации коммуникативных отношений, остающаяся тождественной в различных системах изложения словесных произведений. Стилистический инвариант соотносителей с системным, теоретико-информационным уровнем понимания, пониманием стилистического инварианта системы в рамках законченного произведения.

«социальной» системой понимается система «смысловат», которая не кодифицируется непосредственно в языке, а кодифицирована в структуре текста. Лишь через эту структуру смысла может быть приписан языку.

Текст — явление многокачественное и многомерное. Его самое общее недифференцированное определение: текст — это любое связанное знаковое образование. Такое общее определение текста обозначило в общих чертах предмет изучения лингвистики текста — связность, целостность, интегративность — и поставило вопрос о раскрытии базисных механизмов интеграции целого.

На протяжении почти трех десятков лет существованием лингвистики текста в современном варианте в центре внимания исследователей находился «текст, взятый сам по себе», как единственный языковый объект и его внешние наблюдаемые множества. Такие множества как абзацы, строфы, сверхфразные единства, тоникальные единства и т. д. рассматривались и рассматриваются как категории целостности текста.

Расширение границ научного знания в тексте пошло дальше по линии открытия закономерностей целостности текста как макрообъекта, т. е. текста, взятого как элемента более широкой функционально-коммуникативной системы. Текст начинает рассматриваться как посредник в речевой коммуникации. В этой связи появляется второе, коммуникативно-речевое измерение целостности текста, которое стало предметом изучения психолингвистики, коммуникативной лингвистики, отчасти стилистики текста. Базисом интегративности текста в этом измерении выступает целеназначенность текста, а также ее реализаторы — речевые акты.

И, наконец, микроасштабное представление о природе текста, прагматико-управленческое, кибернетическое видение текста, связано с макроасштабным, функциональным и существующим на его основе. Микроасштабный подход предполагает внутреннюю дифференциацию функциональной системы на основе учета конкретных условий и введения в эту систему параметров управляющего и управляемого объектов. Т. е. речь идет о кибернетической системе в рамках функциональной системы.

Интегративность при таком подходе усматривается в называемой внутренней форме (Гумбольдт, Потебня) или внутренней речи (Выготский), или иными словами в «смысле» (Жинкин). Этот уровень интеграции текста выполняет роль своеобразного генетического кода, который управляет всеми процессами текстообразования и функционирования текста.

Данный смысловой уровень интеграции текста пока еще не нашел практической разработки и только начинает заявлять о себе в науке.

Таким образом, знание о тексте образует некоторую уровневую картину, а именно трехмерное знание о тексте и его про-

ясте «интегративности». В интегративности, целостности текста «содержится» знание о тексте и его понимании, которое также носит целостный характер.

Макроасштабная интегративность текста имеет основанием социальносторону текста, что в свою очередь предполагает рассмотрение текста как продукта коммуникативно-речевой деятельности и следовательно, и носителя социальных обществных функций и прежде всего коммуникативной функции, выполняющейся из функции сообщения и воздействия. Функции воздействия в свою очередь двухмерны: кроме собственно воздействий на нее включается функция управления этим воздействием восприятием текста, а следовательно и пониманием. Целостность этих функций, способом их бытия является текст оформленный в словесное произведение, точнее функционально-структура словесного произведения.

Словесное произведение, исходя из выделения на первый план коммуникативной функции, рассматривается как «смысловый» объект (т. е. не как предмет, а как средство), как «скрытый» код, в котором запрограммирован процесс создания новой функции, процесс многоступенчатый: смысловой, речевой, языковой, кватерный весь диапазон деятельности от производства текста до его восприятия.

Словесное произведение — это комплексное образование, дуально-предметная целостность, в которой выделяются два вида целостности: целостность содержания и целостность формы. Природа ссуждения и природа формы различны, а следовательно различны и принципы, на основе которых создаются эти две целостности: в основе целостности содержания лежит метод отражения действительности, в основе целостности формы — конструктивная человеческая деятельность по созданию системы трансляции этого содержания адресату, иными словами системы изложения этого содержания.

В рамках словесного произведения как комплексного образования помимо целостности как внешней стороны этого образования (это количественная категория) можно выделить внутреннюю, качественную категорию — систему, на которой покоится целостность. Подлинная целостность не является чем-то первичным, а только функцией системы. Под системой понимается та совокупность взаимодействующих компонентов, свойства которой больше суммы свойств составляющих ее элементов. Необходимым признаком системы является интегральное единство, или синфизическим предметом изучения — интегральное свойство объекта.

Понятие «система» и «интеграция» — понятия соотносительные. Понятие «система» подчеркивает объективную сторону целого, а понятие «интеграция» — субъективную, процесс и механизм объединения частей, механизм приобретения целым индивидуальных характеристик.

В соответствии с вышеказанным в словесном произведении присутствуют две системы: моделирующая система, организующая содержание, и система, моделирующая изложение, организующая коммуникацию.

Деятельность по созданию произведения, как и любая деятельность, имеет два фокуса: предмет, подвергающийся обработке, и адресата, потребителя, который также подвергается обработке, но потребляет он только в общении с предметом, т. е. трансформирует предмет (содержания) — это процесс своеобразной обработки людей людьми.

Форма — это не внешний вид, не совокупность чувственно-материальных элементов, а это открытагализовавшаяся целое, вечное содержание, результат переживания целого «сущего» субъектно-объектных отношений, существующих в виде чуждых образованных разной субстанции, идеальной и материальной.

сторона форм известна как способ изложения, способ повествования. Приемнотическом изучении формы она выступает как лингвистическая процессная форма. По структуре форма словесного произнесения двуслойная, она представляет собой взаимопереплетение канровой и стиглевой форм, как объективной и субъективной стороны общей формы.

В процессе создания и функционирования формы происходит сбрасывание одной кодовой формы и замена ее другой: смысловой код (конструкт) заменяется речевым кодом, а затем чинковым. В этих знаковых структурах закодирована программа восприятия и понимания, соответствующая целеназначенности произведения. Она является одновременно нормой, программой организации языка в тексте и понимания языкового текста.

Для изучения текста как искусственной функциональной системы используется новый эвристический язык, который отличается от естественного вербального языка. Этот новый язык является формализованным языком, построенным на основе естественного языка, но он не просто повторяет материальные структуры естественного языка, а создает новые композиции, вымывая передко для этой цели формулы из других областей науки, которые отражают некие структурные формы объективной реальности. К единицам формализованного языка относятся композиционно-речевые формы: описание, сообщение, рассуждение, замствованные из логики и поэтики, тождальности, замствование из теории музыки; архитектонико-речевые формы: монолол, диалог, полилог, замствованные из риторик. Из таких единиц «блоков» строится система изложения.

III. ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

В. А. Новенко
(Москва)

Отсюда нужно различать язык как материал словесного произведения и язык как материальный объект-носитель. Языковой материал есть материально-физическая основа языкового творчества, с помощью которого объективируется понятийное содержание произведения, материальный объект-носитель компонента законченного произведения, носитель, код функционального, социального или смыслового содержания, что одно и то же. Языковому носителю-коду предшествует речевой код, который в свою очередь является производным от формализованного языка, или конструктивного кода.

Понимание как вхождение в конструкцию, стилистическую ситуацию произведения предполагает распознавание языка произведения как объекта-носителя смысловых содержаний, без чего не мыслим адекватный перевод.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ВЫСКАЗЫВАНИИ КАУЗАТИВНОГО СМЫСЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Современный этап развития языкознания характеризуется повышенным вниманием к контрастивным исследованиям, которые, в частности, нацелены на решение двух взаимосвязанных задач. С одной стороны, сопоставительные исследования позволяют выявить закономерности, сходства и различия в структуре и функционировании языков. С другой, они могут служить одним из методов лингвопереводческого анализа¹. В ходе подобных исследований при сопоставлении текстов ИЯ и РЯ определяются причины и типы характерных переводческих преобразований, пути достижения адекватности при переходе от текста ИЯ к тексту РЯ, вырабатываются переводческие фильтры и рекомендации.

В работах последних лет наблюдается тенденция к сопоставлению языков на уровнях системы, нормы и узуса². Иерархия соотношений между взаимодействующими элементами триады «система, норма, узус» отражает объективные процессы языкового парирования. Применимость этой концепции к задачам общей и частных теорий перевода обусловлена тем, что она предназначена для каждого языка, который рассматривается с точки зрения его системных, нормативных и узусных характеристик. Поэтому ее можно использовать в качестве основы сопоставительных и переводческих исследований. Зная существующие расхождения между языками как следствия их несомненности на уровнях системы, нормы и/или узуса, можно выявить способы преодоления межязыковых различий в процессе достиж-

¹ См., напр.: Гас В. Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ // *Переводчик*. Вып. 16. М., 1979.

² Гас В. Г. Межязыковое сопоставление и преподавание иностранного языка. Иностранные языки в школе. 1979. № 3. Вассман Б. И. Норма и тенденция в развитии языка // Структурное и функциональное развитие романских языков. Межкузовский тематический сборник. Калинин, 1981; Латышев Л. К. Типология (эквивалентность перевода и способы ее достижения). М., 1981; Азарович Г. В. К проблеме языкового варьирования (испанский язык Испании). М., 1979; Coseriu E. Sistema, norma, habla // *Teoria del lenguaje general*. Madrid, 1973.

жения адекватности при переходе от текста ИЯ к тексту ПЯ. В данной статье излагаются некоторые результаты ориентированного на задачи перевода сопоставительного анализа 4 тысяч испанских высказываний каузативного смысла и их переводов на русский язык.

Категория каузативности, одним из средств выражения которой выступают лексические каузативы (*conducir, persuadir, ahuyentar, sorprender, fascinar, tranquilizar, etc.*), отражает такие внешневыстигские ситуации, при которых каузирующее причинение субъекта выводит объект из прежней процессуальности, вызывая целенаправленно или неосознанно новые действия или состояния объекта (автономное передвижение, изменение положения в пространстве, новое эмоционально-чувственное, интеллектуально-эмоциональное, психофизиологическое состояние, новая интеллектуальная деятельность).

Системные расхождения между испанским и русским языками в плане выражения понятийной категории каузативности проявляются в частичном несопадении средств выражения каузативных значений в связи с отсутствием в ИЯ и ПЯ ряда лексических каузативов (ЛК). Это объясняется несопадением словообразовательных ресурсов двух языков. Так, в русском языке, в отличие от испанского, не образуются ЛК от таких имен существительных, как «отчаяние, удовольствие, испугление, изголодание, мужество, бовань, грусть, тоска, расерянность, неприязнь, усталость, надежда, гордость, любопытство, молчалие, бег, действие» и др.

Расхождения на уровне системы между сопоставляемыми языками проявляются также в несоответствии объемов значений у некоторых ЛК. В частности, это относится к испанским ЛК с префиксом

des- (dis-): desespetar, desconsolar, disgustar, desalentar, despirar, desahogarse, desanimar, desagradar, descontentar и др. и их соответствиям в русском языке. Подобные ЛК испанского языка характеризуются более широкой семантической структурой, чем соответствующие русские лексемы-конверсивы, так как они в синкретической форме передают идеи «каузатива» и «контрастного проявления новой процессуальности» (ср.: *desespetar* — отчаяться, привести в отчаяние, но не* отгадать кого-л.).

Необходимость преодоления системных расхождений при переходе от текста ИЯ к тексту ПЯ детерминирует использование приемов лексического развертывания, т. е. перифразирования (П), конверсивной трансформации (К), синонимической замены (С) или комбинирования приемов перифразирования и конверсива (П+К).

Перифразирование (П) заключается в том, что в высказывании на ПЯ в зависимости от ситуации вводятся дополнительные глагольная лексема общепринятого значения, которая сочетается с соответствующим существительным каузативного значения.

Los brazos habían desconcertado a los peones (M. Vargas Llosa. La tía Julia y el escribidor).

П: Выпретли привели в замешательство игроков (М. Вальес Льюс: Тетушка Хулия и писака. Пер. Л. Новиковой.) *ese es el único elogio que le satisface oír (M. Otero Silva. Cuando viene llorar por llorar).*

П: ...эт единственная похвала, которая всегда доставляет ему удовольствие (М. Отеро Сильва. Когда хочется плакать, не плачу. Пер. М. Былинкиной).

Системные различия между двумя языками могут характеризовать один из участков парадигмы. Так, глаголы *восторг* и *впечатлять* — однословные в русском языке (несовершенный вид). Употребление глагола *впечатлять*, кроме того, органично разворной речи. Необходимость передачи значения совершенного вида требует использования перифразических приемов *прийти в восторг, наполнить восторгом; произвести (впечатлить) впечатление*:

Nos llegó un poco seco... pero nos encantó (J. Cortázar. Final del juego).

П+К... (записочка) ... была такой сдержанной, даже сухой.

Но так и иначе, мы пришли в полный восторг (Х. Кортазар. Кон игры. Пер Э. Брагинской).

Супа le había impresionado a Tom su relato (J. Gültéitz. Puerto Inón).

П: Вино, большое впечатление произвел на Тома его рассказ (Х.Гульеррес. Пуэрто-Лимон. Пер. Р. Похлебкина).

Конверсивы (К), выражая «обратнопарадигмальные» отношения, выступают в качестве контекстуально-ситуационных синонимов в рет и могут рассматриваться как результаты межречевой асимметрии. Допустимость изменений в способах описания ситуации при конверсиве ограничивается условием сохранения парантативного смысла высказывания в процессе перехода от ИЯ к ПЯ. Изменению подвергается лишь сингификативное значение, иражающее способ описания данной ситуации. Таким образом, идентичность описываемой ситуации — важный, но отнюдь не единственный критерий, определяющий выбор адекватных средств выражения в процессе перевода.

Конверсивная межязыковая трансформация может оказаться одной из следствий несопадения двух языков на уровне системы, когда в переводе вместо отсутствующего в системе русского языка ЛК используется его конверсив:

Una de las caías, al ser abierta, recorrió la luz de la luna en una fota triangular, acortada, cuya revelación estemeció al joven (Sargentier. El siglo de las luces).

К: Когда открыли один из ящиков, лунный луч скользнул

по стальному предмету треугольной формы; при виде его (Эстебан) *sobroguissa* (А. Карпентьер. Век провещения. Пер. Д. Лесюка).

При переходе от текста ИЯ к тексту ПЯ конверсия была связана с межъязыковой транспозицией.

...a su esposa le *maravillaba* escuchar una palabrа *resurgente* «Hérodes» (M. Vargas Llosa. La tía Julia y el escribidor).

К: ... *dividida*нная супруга различала неизменно слово «Ирод» (М. Варгас Льюса. Тетушка Хулия и писака. Пер. Д. Новиковой).

Как известно, в процессе перевода равнозначные отношения устанавливаются не между языковыми единицами, а между речевыми произведениями. Поэтому необходимость использования лексических развертываний или конверсивных трансформаций вследствие расхождений ИЯ и ПЯ на уровне системы возникает только в тех случаях, когда переводчик хочет использовать в соответствии с соответствующим местом текста ПЯ именно то глагольное лексическое каузативное значение, которое отсутствует в системе этого языка. Следовательно, конкретная предметная ситуация, описываемая в тексте ИЯ, имеющая определенное соотношение переводчика набор разнообразных средств оформления мысли, в том числе и отражающих каузативные ситуации, а также возможность неединственности переводческого решения позволяют использовать в каждом конкретном случае различные языковые средства. В частности, можно воспользоваться приемом синонимической замены, при которой вместо недостающей в системе ПЯ глагольной лексемы каузативного значения используется ЛК, выражающий синонимичное значение и входящий в то же лексико-семантическое субмикрополе каузативности, ср.:

i Juventud, cuyo recuerdo *desespera!* (M. Vargas Llosa. La tía Julia y el escribidor).

П: *Молодость!* Воспоминание о тебе *приводит в отчаяние* (М. Варгас Льюса. Тетушка Хулия и писака. Пер. Д. Новиковой).

No fue perder dos incisivos... lo que *desesperó* al Padre (П. С: Но не потеря двух передних зубов... *потряса*... падре (Там же).

В целом, как показывает проведенный нами анализ, системно сопоставляемых языков характеризуются смещенным несоответствием номенклатуры ЛК. Тем не менее испанский и русский языки могут иметь совпадающие в той или иной мере глагольные каузативные лакуны, например: «любопытство — вызвать (возлунить, разжечь) любопытство»: *curiosidad* — *alimentar* (causar и provocar) *curiosidad*.

La *repuesta* en vez de tranquilizarlo, *alimentó* su *curiosidad* (G. Garcé Márquez. Cien años de soledad).

Это объяснение, вместо того, чтобы удовлетворить (Аурелиано Втроего), только *разожгло* его *любопытство* (Г. Гарсиа Маркес. Сто лет одиночества. Пер. Н. Бутыриной и В. Столбова). Выделенные различия между испанским и русским языками на уровне нормы связаны с неодинаковой семантико-синтаксической сочетаемостью элементов в текстах ИЯ и ПЯ, в частности, между глаголом-сказуемым каузативно-акционального значения и именами локальной, темпоральной и событийной семантики. Указанные имена, которые реально имеют функцию объективности места, времени, причины, образа действия или дополнения, в испанском высказывании могут замещать позицию подлежащего. Вследствие несоответствия ИЯ и ПЯ на уровне нормы возникает необходимость использования межъязыковой конверсивной трансформации:

El *Cetro Superior* de Estudios Militares ... *genió* en *semparar* un *conjunto* de *personas* *cualificadas*, *militares* y *razaños* (Gibón).

В высшем центре военных исследований... *состоялся* семинар с участием военных и гражданских специалистов.

Нормативные расхождения в плане выражения категориальности в испанском и русском языках проявляются также в различной сочетаемости между именем субъекта нового действия в функции подлежащего и каузативным предикатом-сказуемым в форме каузативно-пасивного залого. Это связано с ограниченной в русском языке возможностью сохранения каузативно-пасивной структуры с акциональным ЛК из-за семантических факторов залоговой необратимости каузативных предикатов и значениями *стигматизировать* *совместное переживание*, *сопровождать*, *преследовать*:

El médico insistió en *ser llevado* allí (A. Carpentier. El siglo de las luces).

(Оже настоял, чтобы его туда *проводили*) (А. Карпентьер. Век провещения. Пер. Д. Лесюка).

Сочетаемость нормы русского языка не позволяют также охранять в тексте перевода указание на новое состояние объекта и обозначение промежуточной ступени каузативного воздействия в форме инфинитива (указание на интеллектуальную или сенсорную деятельность объекта), требуя его опущения или преобразования в глагол в личной форме, дееспричастие и т. п.:

... Lo *desesperaba* ver en qué *tinieblas* vivía la gente (M. Vargas Llosa. La tía Julia y el escribidor).

К: От приходит в отчаяние, сознавая, в каком невежестве пребывает народ (М. Варгас Льюса. Тетушка Хулия и писака. Пер. Д. Новиковой).

Ср.: *P*: Его приводит в отчаяние мысль о том...
*Его приводит в отчаяние сознать...

Кроме того, русский язык налагает переводческие фильтры и требует перестройки синтаксической организации предложения, не допуская сочетаемости имени субъекта — носителя новой эмоциональной деятельности в функции подлежащего с именем каузатора в функции обстоятельства причины, которое вводится существительным в родительном (творительном) падеже:

Ursula se sentía atormentada por graves dudas... (G. García Márquez. *Cien años de soledad*).

Урсула мучил тяжёлые сомнения... (Г. Гарсия Маркес. *Сто лет одиночества*. Пер. Н. Бутыршиной и В. Стреловой).

Ср.: *Урсула испытывала муки сомнения.*
**Урсула мучилась сомнениями...*

Итак, в данных случаях конверсия выступает как следствие несовпадения ИЯ и ПЯ на уровне языковой нормы и является средством преодоления этих расхождений. Поэтому конверсия может рассматриваться как один из типов равнозначного межъязыкового перефразирования, а также как способ достижения адекватности при переводе, обеспечивающий сохранение инвариантности коммуникативного задания автора оригинала при соответствии высказывания нормам ПЯ.

Различия между испанским и русским языками в плане выражения каузативных значений на уровне уэуса объясняются тем, что оба языковых коллектива имеют свои устойчивые способы описания каузативных ситуаций, которые не всегда совпадают. Преобразования, в частности конверсивные трансформации, мотивированные языковыми различиями ИЯ и ПЯ, имеют вероятностный характер. Частотность использования конверсии при переходе текста ИЯ к тексту ПЯ зависит от тенденций, определяющих преимущественное употребление одного из вариантов, допускаемых нормой языка, и связана с факторами, которые влияют на выбор.

В ходе сопоставительного анализа высказывания установлено, что испанские и русские каузативные высказывания могут по-разному членить экстралингвистические ситуации. Так, если испанский каузатив, как правило, «объективен», т.е. при оформлении высказывания направлен от субъекта к объекту, то русский каузатив, особенно аффективный, часто «субъективен». Такой акцент русского высказывания и достигается использованием в переводе приема конверсии, при котором имя субъекта-объекта выполняет функцию подлежащего, а переходная структура каузативного предиката заменяется на непереходную. При этом структура испанского высказывания с

каузативным смыслом чаще, чем русская фраза, имеет точкой отсчета имя каузатора или субъекта каузирующей пропозиции. Информации о причине каузируемой процессуальности объекта, которая выражается в испанском высказывании, может имплицироваться в русском тексте с его смещением интереса к самому носителю нового признака или к производителю нового действия. В результате при переводе может произойти перестройка информации, и указание на причину, не меняя коммуникативного задания, отодвигается на второй план или выносится и presupпозицию. Отмечено, что чаще всего конверсия в тексте ПЯ возникает при обозначении эмоциональной деятельности, связанной с наличием семьи *ligar*, и встречается при описании подобных ситуаций в русском языке, намного чаще, чем неконверсивный перевод:

... *ella tímido y todo lo asustaba* (M. Vargas Llosa. *La ciudad y los perros*).

... он всегда *trucul* (M. Vargas Llosa. *Город и псы*. Пер. Д. Гарсиа и Н. Трауберг).

Ср.: Он был робким человеком, и все его пугало.

Сопоставление текстов оригиналов и переводов позволило также установить, что не все переводческие преобразования обусловлены расхождениями двух языков на уровнях системы, нормы и/или уэуса. Некоторые преобразования могут быть вызваны другими факторами, которые не связаны с тенденциями ИЯ и ПЯ, определяемыми частотными показателями. Среди таких факторов — необходимость учета внутритекстовых связей, оптимальное стилистическое оформление высказывания на ПЯ и другие.

Характер внутритекстовых связей влияет прежде всего на различное соотношение эксплицитной и имплицитной информации в текстах ИЯ и ПЯ при описании каузативных ситуаций. Так, при переводе на русский язык испанских высказываний акционально-каузативного смысла конверсия сопровождается имплицитированием в русской фразе части эксплицитной каузирующей информации высказывания на ИЯ. При этом испанский язык, в отличие от русского, характеризуется во многих случаях большей конкретностью и эксплицитностью:

Me llevo hasta el lindero (A. M. Matute. *Los niños buenos*).
Мы *došli* до большой дорожки (A. M. Matute. *Хорошие дети*. Пер. Н. Трауберг.)

Подобная структурная экономность и имплицитность некоторых семантических элементов русского высказывания имеет своим следствием в указанных случаях большую зависимость высказывания от ситуации в русском языке по сравнению с испанским и компенсируется указанием на опущенные элементы в тексте или знанием presupпозиции.

В то же время при переводе с испанского языка высказыва-

3 Подробнее об этом см.: Новикова В. А. Конверсия при переводе испанских действительных каузативов на русский язык // Сб. статей, № 17. М., 1981.

ний с обобщенно-неопределенно-личными оттенками каузативно-аффективного смысла с имплицитным именем объекта в русском тексте часто выявляется избыточное указание на имя в значении воспринимавшего субъекта-лица. В данном случае эксплицитно и конкретнее оказывается русский язык:

...pero tú no... a la Casa de Socorro, hala, a molestar a la sueta de la madrugada (M. Delibes. Cinco horas con Mario)
...а ты — ни в какую, ... побежал в «Скорую помощь», поднял всех на ноги в 4 часа ночи (M. Делибес. Пять часов с Марио. Пер. Е. Любимовой)

От характера внутритекстовых связей и описываемой в тексте ИЯ ситуации зависит также степень необходимости использования в тексте ПЯ трансформации «лексический каузатив» → «аналитический каузатив», особенно при переводе на русский язык высказываний с предикатами каузативно-акциональной семантики арагаг, серагаг, согрег:

Lo que me importa es que van a seraraginos (M. Vargas Llosa. La tía Julia y el escribidor).
Для меня самое главное, что нас заставагт расставать (M. Варгас Льоса. Тетушка Хулия и писака. Пер. Л. Новиковой).

Использование в данном случае ЛК *размучить* (наз *размич* чат) не совсем верно отражало бы реальную ситуацию орнитинта. Переводчик, учтя предтекст, справедливо избрал в качестве эквивалента ЛК *серагаг* аналитический каузатив *заставать расставать*. Именно эта форма адекватно описывает события в тексте ИЯ.

С другой стороны, в связи с возможным перераспределением информации, осуществляемым переводчиком с учетом характера внутритекстовых связей, в русском переводе, в отличие от испанского текста, может отсутствовать каузативная конструкция:

... como en las camptañas, cuando lanza a su compaña entre el fango y la haca rampar sobre la hierba (M. Vargas Llosa. La ciudad y los perros).

... как на ученье, когда он загонит роту в грязь, махнет кой или свистнет, и они *подрут* по камням и по мокрой траве (M. Варгас Льоса. Город и псы. Пер. Д. Гарца и Н. Трауберг).

Стилистическими факторами, а именно необходимостью обеспечить завершенность ритмической уравновешенности, стилистической однородности или корректности обусловлено не использование в тексте перевода, особенно в стиле художественной литературы, перифрастических оборотов и пассивных трансформаций.

Итак, составительный анализ позволил не только вскрыть «механизмы» и ориентиры в способах выражения каузативного смысла, но и выявить в испанском и русском языках, обусловленные их происхождением на уровнях системы, нормы и узуса, но и выявить способы преодоления межъязыковых расхождений в целях достижения адекватного перевода.

А. В. Михеев
(Москва)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД И СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЙСКАЯ РИТОРИКА

В современных условиях перевод общественно-политических текстов на английский язык приобретает особое значение, выступая как средство пропаганды и орудие идеологической борьбы. Объем издаваемых ежегодно общественно-политических текстов, ориентированных на иноязычную (англоговорящую) аудиторию достаточно велик и, по мере роста международных связей, продолжает увеличиваться. Здесь и выступления государственных партийных и общественных деятелей, публикации международных, правительственных и общественных организаций; статьи, посвященные борьбе за мир, разрядке международных напряженности, сокращению и ограничению вооружений, нацпонально-освободительному движению, экономическим отношениям и т.д. Целый ряд издательств у нас в стране и за рубежом специализируется на выпуске именно такой литературы на иностранных языках. В частности на английском, например, АПН, Прогресс, Панорама (ГДР), Орбис (ЧССР) и т.д.

Характерной особенностью общественно-политического текста является то, что он выступает не просто как некоторое содержание, цель, т.е. несет информацию о каких-либо событиях, фактах, проблемах и т.д. Общественно-политический текст — это прежде всего определенная точка зрения по данному вопросу; он призван создать некоторое умонастроение, опровергнуть те или иные взгляды, укрепить приверженность каким-либо принципам, сломать предубеждение. Иными словами, общественно-политический текст предназначается для агитационно-пропагандистского воздействия на аудиторию. В отличие от научно-технического текста, который используется для простой передачи информации и выполняет носеологическую функцию, или художественного текста, который рассматривается с точки зрения его эстетической ценности, авторского стиля, в общественно-политическом тексте на первый план выдвигается аксиологический аспект его содержания.

Очевидно, что все это предъявляет особые требования к переводу и прежде всего в плане подачи материала, которая форми-

рует эту специфическую точку зрения и обеспечивает агитационно-пропагандистское воздействие. Успех во многом определяется тем, насколько эффективно используются в переводе языковые средства воздействия и насколько переводной текст отвечает принятым в другом языковом коллективе нормам массовой коммуникации. Всякий перевод, ориентированный на передачу лишь содержания общественно-политического текста и игнорирующий необходимость обеспечить его воздействие, в принципе не может быть признан адекватным.

Проблема воздействия на аудиторию традиционно относится к компетенции риторики, представляющей собой свод отработанных общественно-языковой практикой правил, методов и приемов, использование которых в данной коммуникативной ситуации гарантирует наибольший эффект. Несмотря на то, что сам термин «риторика» приобрел отрицательные коннотации, особенно в современном политическом жаргоне, в англоязычной традиции риторика сохраняет очень сильные позиции. Курс риторики обязательно читается практически в каждом университете и колледже, и по сути дела, вся массовая коммуникация в англоговорящих странах строится по канонам современной риторики, которая понимается как устная или письменная коммуникация, имеющая целью воздействие и убеждение. Существует целый ряд практических курсов и теоретических исследований по риторике, на которые мы будем опираться в изложенном последующего материала.

Опора на современную английскую риторику открывает новые горизонты в переносе общественно-политических текстов, так как дает в руки переводчика упорядоченный и обогащенный общественно-языковой практикой свод правил массовой коммуникации. Это особенно важно, учитывая, что в большинстве случаев переводом общественно-политических текстов занимаются люди, для которых английский язык не является родным, а даже хорошее филологическое образование не обеспечивает тот уровень специализации и профессионализма, который необходим для того, чтобы стать хорошим переводчиком на английский язык. Так, например, в обычном курсе грамматики рассматриваются вопросы правильности, но не отбора наиболее эффективных в плане воздействия грамматических структур, а курс стилистики английского языка строится с акцентом на анализ материала и индивидуальное авторское творчество. Напротив, риторика идет дальше грамматической правильности и «превращает грамматически правильные предложения в хорошую, действенную прозу»², а в отличие от стилистики она делает акцент на процесс производства текста, а не на конечный

продукт, и — что особенно важно — переносит внимание с автора с присущими ему особенностями языкового творчества на саму массу аудитории с ее социальными установками, ожиданиями, культурными, этическими и мировоззренческими ценностями³.

Что же может дать риторика общественно-политическому переводу? Ответ на этот вопрос мы и попытаемся сформулировать ниже, сосредоточив внимание прежде всего на формальных, а не на содержательных аспектах текста, поскольку, как указывал А. В. Федоров, «в произведенных общественно-политической литературе в критике, в публицистике, в ораторской речи, где наряду с общением определенного содержания последуются нели особые агитационно-пропагандистского воздействия на читателя или слушателя, средства синтаксиса играют гораздо более активную роль»⁴. В качестве примеров мы будем использовать переводы, опубликованные на страницах периодической печати, в международных изданиях и т. д., не указывая, однако, их источники. Наша задача не столько в том, чтобы подвергнуть критике отдельные переводы и предъявить претензии их авторам, сколько в том, чтобы показать возможность улучшения качества перевода и привлечь к этому внимание как практиков, так и теоретиков перевода.

По словам Р. Горрелла, «риторику можно рассматривать как исследование выбора среди имеющихся средств дискурса. Выбор предполагает предвосхищение эффекта, и поэтому риторика необходима использовать всю имеющуюся информацию о том, как функционирует язык»⁵. Так, уже на уровне элементарной подлежаще-сказуемости организацией предложения риторически обоснованный выбор конкретных и абстрактных слов оказывается значимым и в плане повышения эффективности переводного текста. Риторика признает, что конкретные слова являются более эффективными в качестве подлежащего, так как облегчают восприятие⁶. Это требование риторики вызывает определенные трудности при переводе на английский язык. Дело в том, что в общественно-политических текстах на русском языке господствуют номинативный стиль, сохранение которого в переводе отрицательно сказывается на его воздейственности:

Переход от «холодной войны», от взрывоопасной конфронтации двух миров к разрядке напряженности был связан прежде всего с изменениями в соотношении сил на мировой арене.

The passage from the cold war, from the explosive confront-

² The New Encyclopedia Britannica. 3rd ed. Vol. 15. P. 789.

³ Федоров А. В. Основы общей теории перевода: Лингвистический очерк, М., 1968. С. 56.

⁴ Риторика. См. цит. Р. 3.

⁵ Норманн М. См. цит. Р. 147; Mollershead E. Get up and Talk. Book 1. Chicago, Ill., 1950. P. 28.

¹ См., напр.: Haistone M. A Contemporary Rhetoric. Boston, etc., 1973. Rhetoric: Theories for Application. Champaign, Ill., 1967; McCloskey J. C. An Introduction to Rhetorical Communication. Englewood Cliffs, New Jersey, 1974. Rhetoric... Op. cit. P. 7.

tation of the two worlds to detente was primarily connected with changes in the correlation of world forces.

Перенос идеологических противоречий в сферу межгосударственных отношений никогда не приносил ничего хорошего тому, кто во внешних делах прибегал к этому. Сейчас же, в ядерный век это просто абсурдно и недопустимо. Превращение противоборства идей в военное противоборство обошлось бы слишком дорого для всего человечества.

The shifting of ideological contradictions to the sphere of interstate relations has never benefited the party who has resorted to it in foreign affairs. At present, in the nuclear age, this is simply absurd and inadmissible. It would be too costly for the whole of mankind to transform the battle of ideas into military confrontation.

С точки зрения драмматики это, безусловно, правильный перевод, но с точки зрения риторики перевод не эффективный именно вследствие того, что в качестве подлежащих используется абстрактные существительные. Вместе с тем существует возможность простейших преобразований, способных значительно усилить их риторический эффект. Здесь можно сформулировать несколько простых правил:

1. Использование слов-заместителей, обеспечивающих переход к глагольным конструкциям, например:

Attempts to bring ideological differences into the sphere of interstate relations have always been counterproductive...

2. Использование грамматических преобразований с переходом к придаточным предложениям условия или времени, которые, кстати говоря, гораздо более частотны в английском языке, например:

When the world moved away from the cold war and abandoned confrontation in favour of detente, it was primarily due to the changing pattern of forces in the international sphere...

3. Использование грамматической инверсии для выделения конкретного слова в позицию подлежащего, например:

Готовность Претории к использованию любых форм террора стала особенно очевидной после провозглашения в стране чрезвычайного положения.

That Pretoria was ready to resort to the extremes of terrorism has been evident ever since the state of emergency was declared in the country.

Абстрактные существительные в позиции подлежащего именуются и то отрицательное послеловие, что влекут за собой отрицательные выборы глагола-сказуемого, и чаще всего таким глаголом становится «пустой» в семантическом отношении глагол

to be⁷. Таким образом, опора на слова конкретной семантики и сочетание глаголами действия⁸, может существенно усилить эффект перевода.

Риторически обоснованный выбор слова тесно связан с проблемой структурной организации предложения, которой в современной английской риторике также уделяется большое внимание. Особый интерес в плане перевода представляет использование пассивных конструкций. Именно выбор абстрактного слова-подлежащего нередко вынуждает переводчика прибегать к пассиву, который, однако, лишь снижает эффект перевода. В некоторых случаях пассивные конструкции в переводе «подказаны» близкими или неопределенно-личными предложениями, которые достаточно широко распространены в русском языке. Однако они вовсе не эквивалентны в риторическом отношении. Так в следующем примере синтаксис русского оригинала как бы «лицетворяет» действие темных, враждебных делу сил, а в переводе мы имеем просто сухое и бесстрастное перечисление:

Под всякими надуманными предлогами расширяется американское военное присутствие за тысячи километров от территории США. Создаются плацдармы для прямого вмешательства с помощью вооруженной силы в дела других государств, для использования американского оружия против любой страны, отвергающей диктат Вашингтона.

American military presence is being extended under pretexts of all sorts thousands of kilometres from US territory. Military bases are set up for the purpose of direct armed interference in the affairs of other states, and for the use of US weapons against any country which rejects Washington's diktat.

Использование пассива в тексте подчиняется нескольким простым риторическим правилам:

1. Субъект действия неизвестен.

2. Субъект действия известен, но по некоторым важным причинам его нельзя или не следует упоминать.

3. Объект действия представляется настолько более важным, чем деятель, что на первый план выдвигается именно объект⁹. В противном случае риторика настойчиво рекомендует использовать активные конструкции, основанные на модели «действующее лицо — действие — объект действия»¹⁰. Несмотря на то, что в приведенном выше примере действующее лицо не указано, оно известно из всего контекста, и поэтому в таких случаях переводчиком следует смело идти на структурные перестройки, с

⁷ Hairstone M. Op. cit. P. 147.

⁸ См.: Пособие по практической стилистике английского языка и стилистическому редактированию перевода/Сост. Стрелкова Н. С. М., 1975. С. 17.

⁹ Gortell R. M. and Laird Ch. Modern English Handbook. N. Y., 1964. P. 239.

¹⁰ Leggett G., Mead C. D. and Charvat W. Prentice-Hall Handbook for Writers. Englewood Cliffs, New Jersey, 1978. P. 256.

тем чтобы сделать перевод более дипломатичным и, следовательно, более воздействием. Перевод выпрыгивает, если в нем используются активные конструкции:

Under far-fetched pretexts the USA has extended its military presence thousands of kilometres from its territory, set up bridgeheads for direct armed interference in the affairs of other states and the use of US weapons against any country which rejects Washington's diktat.

Важным средством воздействия, часто используемым в общественно-политических текстах, служит вопрос. Фактически вопрос представляет собой разновидность эмфазы, так как основан на инверсировании порядка слов. Особого внимания заслуживают вопросы в отрицательной форме, которые имеют одно временно и положительную, и отрицательную предпосылку и «обычно выражают некоторую степень удивления или даже разочарования или раздражения»¹¹. Если переводчик слепо следует за русским оригиналом, то это может привести даже к нежелательному эффекту. Например:

With the approach of the 21st century, there is anxious concern throughout the world over the future of humanity. Couldn't you comment, in this context, on the following problems:

— Don't you believe that the world has been closer to the brink of a world-wide conflagration in the past two years?

Создается впечатление, что задающий вопрос удивлен или раздражен тем, что его собеседник не видит грозившей миру опасности, а в интервью с крупным политическим деятелем, откуда взять данный пример, это просто грубый промах.

Следует сказать также несколько слов и о риторическом вопросе, который используется исключительно для того, чтобы создать эффект, и который не предполагает или не требует ни какого ответа. Риторический вопрос является сильным риторическим средством эмфазы, и поэтому им не следует злоупотреблять.¹² Перевод на английский язык особенно проигрывает в действительности, если вопрос используется для того, чтобы придать тексту полемическую заостренность там, где достаточно простого утверждения или констатации фактов:

As everyone will remember, the SALT-2 Treaty was signed in the summer of 1979. Soon after the signing ceremony, James Carter, and later Ronald Reagan, who succeeded him at the White House, started making allegations that no parity existed and that the USSR had left the USA far behind in strategic arms. How is this turn-about to be explained? Could the Soviet Union, in one or two years have achieved superiority, and

a substantial superiority at that, in strategic arms, which require years and years to produce? Or had some unexpected facts come to light, which had previously been overlooked?

But no new facts had come to light. It was all sheer invention on the part of the Washington Administration leaders.

Нагромождение вопросов в конце абзаца, имеющих к тому же сложную структуру, затрудняет восприятие текста. Вместе с тем вопрос может служить эффективным средством структурной организации абзаца или перехода от одного абзаца к другому.¹³

Перевод значительно выпрыгнул бы, если бы переводчик решил на структурные изменения в тексте: оставил бы только один первый вопрос а все остальные вопросы преобразовал в утверждения и использовал для аргументации ответа, ср.:

Now is it turn-about to be explained?

In one or two years the Soviet Union could not have achieved a massive superiority in strategic arms, which take years and years to develop, and no new facts emerged, which previously could have been overlooked. The allegations of both US Presidents were totally groundless.

Большим риторическим потенциалом обладает отрицание, которое выносятся в тексте ярко выраженную аргументирующую функцию. Нередко оно используется для выделения наиболее значимых элементов высказывания и тоже выступает как средство эмфазы. Однако при переводе на английский язык отрицание может представлять определенные трудности, например, в конструкции «не только не... но и...», которая широко используется в общественно-политических текстах на русском языке. Копирование этой конструкции может иметь антитонический эффект так порождает так называемое «двойное отрицание», ср.:

К сожалению, приходится констатировать, что и сегодня решения Генеральной Ассамблеи не только не реализовались, но на путях реализации возмужали новые препятствия, а палестинский народ стал объектом открытого геноцида.

Unfortunately we must note that even today the decisions of the General Assembly not only have not been implemented but the way to their implementation has been hindered by new obstacles, while the Palestinian people themselves have become the object of blatant genocide.

Использование двух отрицаний в переводе, воспроизводящем структуру русского оригинала, нельзя считать социализмом, по-

¹¹ Leach G. and Scartlett J. A Communicative English Grammar. M., 1983.

¹² Ibid. II p. M. and Laird Ch. Op. cit. p. 247.

¹³ Hirstone A. Op. cit. p. 86; Mollershead E. How to Organize Your Ideas. Book 2. Chicago, 1. 1950. p. 47.

¹⁴ See: Givón T. Negation in Language: Pragmatics. Function. Ontology// Syntax and Semantics. N. Y. etc., 1978. Vol. 9. p. 69—112.

скольку формальный запрет на употребление двух отрицаний имеет некоторые исключения, и все определяется сферой действия отрицания¹⁵. Однако даже если эта структура приемлема в драматическом отношении, то ее нельзя считать риторически эффективной, поскольку по определению эмпатия должна не затруднять, а облегчать восприятие наиболее значимых элементов высказывания.

В английском языке есть еще одно средство эмфазы, пользующееся большой популярностью. Речь идет о так называемом *мейозисе*, т. е. разновидности литоты, которую англичане называют *understatement*. Это прежде всего использование приемов двойного отрицания, например: *not unusual*, *not infrequently*, *not unkind*. Но если в английском языке этот прием используется с избытком¹⁶, то переводчики на английский явно недооценивают его риторический эффект. Вместе с тем возможности для его использования есть:

Буржуазная пресса в эти дни поистине напоминает при двореных андерсеновского голубого короля, сохраняя молчание о беспрецедентном политическом поражении Соединенных Штатов в ООН 15 декабря.

Not unlike the courtiers of the naked emperor in Nan Christian Andersen's fairy tale, the western press maintains a total blackout on the unprecedented political defeat sustained by the USA in the UN General Assembly on December 15.

Говоря о выборе эффективных структур для перевода общественно-политических текстов на английский язык, отметим, что риторически значимыми являются даже тривиальные различия между простыми и сложными предложениями. Так, простые предложения более пригодны для констатации фактов, утверждений и определений, а сложные — для «упаковки» сложных мыслей, выявления всевозможных отношений между ними. Здесь следует отметить, что в воздейственных текстах современные английские риторы рекомендуют опираться на простые синтаксические построения. Поэтому переводчику следует смелее использовать приемы членения, но это, в свою очередь, требует умения использовать языковых средств логической связи и развития мысли, которые нужно использовать экономно, не засоряя текст ненужными «ноnever, moreover, consequently»¹⁷. К сожалению, именно этой смелости не хватает во многих переводах, что, безусловно, снижает их действенность.

В рамках этой статьи можно лишь привлечь внимание к наиболее важным положениям современной английской риторики, касающимся эффективной структурной организации высказывания. Но риторика, разумеется, не ограничивается только этим, и сфера ее компетенции охватывает практически все аспекты функционирования языка — от его звукового строя (адаптация) до структурной организации целого текста.

Подводя итог, можно сказать, что перевод обществено-политического текста на английский язык следует рассматривать как риторическую интерпретацию оригинала, в ходе которой создается новый по форме текст, воспроизводящий содержание оригинала, но обеспечивающий воздействие новыми средствами, в соответствии с правилами эффективной коммуникации, принятыми в другом языковом коллективе. При таком риторическом подходе оригинал не довлеет над переводчиком, и достижение адекватности предполагает значительную творческую свободу переводчика, высокий уровень его языковой подготовки и умение свободно ориентироваться в языковой ситуации.

¹⁵ See: Good English. N. Y., 1982. P. 122.

¹⁶ Мейозис превратился, по-видимому, в настоящую болезнь в английском языке, потому что один автор советовал всем сделать против нее привычку запомнив следующую фразу: "A not unblack dog was chasing a not unusual rabbit across a not ungreen field" (See: Gowers F. The Complete Plain Words. Pinnondsworth, 1973. P. 74.)

¹⁷ Pitstone M. Op. cit. P. 42—59.

¹⁸ Carroll G., Mead C. D. and Charvat W. Op. cit. P. 206.

IV. ВОПРОСЫ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

А. Е. Мосьяков

(Москва)

О РОЛИ ШТАМПОВ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

Как это ни парадоксально, но, хотя перевод и возник тысячелетия тому назад, преподавание теории перевода и методики обучения ему зарождались лишь в нашем веке. Пожалуй, и сейчас обучение осуществляется по принципу: «Дело делу учить». Более того, среди переводчиков-профессионалов бытует мнение, что невозможно подготовиться на научной основе, скажем, переводчика-синхрониста, ибо таковым нужно родиться («*inférets are born, not made.*»).

Не случайно, наверное, одна из фирм, производящих оборудование для синхронного перевода, вынесла в рекламный проспект следующие слова: «Теория — когда все известно, но ничего не работает. Организация — когда ничего не работает и все знают почему. Практика — когда все работает и никто не знает почему».

В рамках настоящей статьи мы не ставим перед собой задачу всестороннего раскрытия всех аспектов синхронного перевода, а предлагаем лишь некоторые возможные подходы к решению сложных и спорных проблем, связанных как с практикой синхронного перевода, так и с методикой его преподавания.

Как известно, в последние годы все чаще наблюдается тенденция использовать синхронный перевод в ходе проведения международных мероприятий, причем начинающие переводчики предпочитают последовательному переводу синхронный и это вполне объяснимо. При последовательном переводе делегаты располагаются рядом с переводчиком; среди них всегда найдутся люди, владеющие тем или иным иностранным языком; надлежащая ошибка переводчика сразу же становится объектом критики, перевод подвергается исправлениям, уточнениям и т. п. При синхронном переводе переводчика практически никто не видит. Делегаты, понимающие тот или иной иностранный язык, не надевают наушники (вообще говоря, они не обращают внимания на то, как переводчик справляется со своей задачей). Что касается делегатов, не владеющих иностранными языками, то у них нет никакой возможности проверить правильность перевода, а посему им приходится поневоле «верить» анонимному голосу, который поступает к ним через наушники. Получая, царящий

в кабине, относительная безнаказанность — все это как раз науку тем, кто считает, что синхронный перевод гораздо легче последовательного. Да, он легче, если переводить плохо. Если же переводчик ошибается (а это случается весьма часто), то мы являемся свидетелями своеобразного диалога «Глухих». Подобно утопающему, который хватается за соломинку, начинающий переводчик цепляется за отдельные слова и в растерянности, утратив всякое чувство самскритичности, начинает абракадабру. К тому же в синхронном переводе нет никакой возможности вернуться назад, подумать, упорядочить свою речь. Переводчик полностью зависит от оратора, воспроизводит все его ошибки (как в плане выражения так и в плане содержания), дополняя их своими собственными.

В этой связи большую роль приобретает задача выработки наиболее эффективных языковых и речевых способов и приемов передачи сообщения. Данная задача теснейшим образом связана с развитием средств массовой информации.

Успех профессиональной деятельности синхронного переводчика зависит не только от его энциклопедических знаний и высокой эрудиции, но и от тех лингвистических установок, которыми он руководствуется в процессе перевода. В частности, синхронный перевод с русского языка на иностранный не представляет собой проблемы, затрагивающей прямым образом русский язык. Это, скорее, проблема, связанная со знанием иностранного языка. Безусловно, знание русского языка необходимо переводчику, но в данном случае оно носит пассивный характер.

Именно поэтому только перевод на иностранный язык позволяет выявить знания, которыми обладает переводчик в области данного иностранного языка. Непосредственной гарантией правильного перевода, по мнению ряда теоретиков и практиков синхронного перевода, является использование переводчиков, для которых язык перевода является родным (общезвестный принцип, практикуемый в ООН). Однако практика устного перевода и, в частности, синхронного говорит о том, что с этой задачей успешно справляются и переводчики, для которых язык перевода не является родным, что представляется весьма парадоксальным, на первый взгляд.

Дело, однако, в том, что в синхронном переводе на иностранный язык «вариативная избирательность» гораздо ниже и с большим успехом «срабатывает» установка на заранее фиксированные соответствия. К тому же переводчик практически на 100% понимает оратора, даже если последний невнятно произносит отдельные слова, или же просто «плотно слышно оратора и наушниках».

Штампованность речи в лучшем смысле этого слова представляется нам неотъемлемым качеством синхронного перевода и, даже, быть может, перевода вообще.

Особые условия, в которые поставлен переводчик, заставля-

ют его действовать по шаблону: поняв смысл — уложить его в прокрустово ложе штампа. Просмотрите наши переводы, и особенности на иностранный язык — вы найдете там массу штампов и чисто формальных по своему значению выражений.

В свое время академик В. В. Виноградов указывал: «В свете современного литературного языка слова по большей части функционируют не как произвольно и неожиданно стилистические и стилистически оформленные компоненты речи, а занимая устойчивые места в традиционных формулах. Большинство людей говорит и пишет с помощью готовых формул, клише»¹.

Данное положение распространяется не только на русский, но и на любой другой язык. Говоря об автоматизации языковых и речевых средств выражения в синхронном переводе, мы не должны забывать о том, что в общем арсенале языковых и речевых средств «готовые формулы» или клише занимают одно из главных мест.

Сам процесс синхронного перевода теснейшим образом связан с устойчивыми конструкциями. Услышав *Vous n'avez rien à dire...*, переводчик уже в состоянии начать перевод, поскольку подсознательно ожидает услышать и услышит *vos efforts*.

Безусловно, одна и та же мысль может быть выражена по-разному в двух языках. Но суть остается прежней. Так, *franco советская дружба* может быть переведена и как *l'amitié franco-soviétique*, и как *l'amitié qui unit la France et l'URSS*.

Правда, некоторые синхронные переводчики склонны переводить разных по стилю авторов с использованием одних и тех же переводческих приемов (штампы, синтаксические зачины и т. п.). Делается это в ущерб стилистической адекватности, причем в качестве оправдания выдвигается и фактор времени, и особые условия, в которых поставлен синхронный переводчик, и невозможность обратной корректировки и т. д. Все это характерно не только для перевода на иностранный язык, но и для перевода на русский.

Следует отметить, что стилистическая адекватность в синхронном переводе достигается во многом путем использования фразеологизмов, расчитанных на возбуждение привычных реакций у слушателей. Фразеология в системе синхронного перевода является чрезвычайно важным фактором, во многом определяющим его специфику. Именно фразеология сообщает соответствующую функционально-стилистическую окраску и всем другим языковым и речевым средствам, используемым синхронным переводчиком.

Кстати, некоторые исследователи рассматривают вообще стилистические единицы как речевые штампы. Так, С. И. Аббакумов указывал в свое время: «Фразеологизмы — это словесные

шаблоны, готовые словесные клише, механически повторяемые в однородных случаях»².

Фразеологизмы (в особенности, фразеологизмы идиоматического характера) часто позволяют дать краткую, но точную характеристику сложных психологически состояний, абстрактное описание которых было бы гораздо сложнее и менее выразительно. Скажем, смысл таких фразеологизмов, как *лить воду на чью-л. мельницу*, *валить с большой головы на здоровую* и т. п., тотчас же воспринимается слушателем. Фразеологизмы-штампы позволяют максимально экономить средства выражения, кратко и выразительно передают содержание самых сложных событий общественной жизни, типизируют факты и законодизируют речь.

К фразеологизмам применимы слова, сказанные В. И. Лениным о «крылатых словах»: они «с удивительной меткостью выражают суть, содержат довольно сложные явления»³.

Безусловно, фразеологизмы-штампы связаны с экстралингвистическим фактором — актуальность вопроса на данный текущий момент времени. С этим связан и начальный этап превращения «необходимых словосочетаний во фразеологические: именно данные словосочетания приобретают в общественной жизни исключительное важное значение и путем частого повторения превращаются в устойчивые выражения.

Ярким примером подобного явления можно считать выражение *sous le signe de...*, имевшее ранее весьма образное значение: «под знаком...», «под знаком звезды». Именно в таком значении употребил его Жорж Дюамель: «Une grande association s'est formée sous le signe de la Croix-Rouge» (1957). Теперь же данное выражение превратилось в довольно избитый штамп (ср. с русским *под знаком...*).

Говоря о практических аспектах синхронного перевода, следует прежде всего отметить, что с точки зрения чисто психологической, слушатель, обучающийся синхронному переводу, должен постоянно чувствовать уверенность в том, что он правильно выполняет свою задачу. Можно напомнить в этой связи, что, по подсчетам канадских исследователей, в современных языках приблизительно 50% слов приходится на долю слов бесполого рода, слов-паразитов, слов, не содержащих никакой информации⁴. Уже сам этот факт свидетельствует о том, что синхронный перевод возможен, хотя бы в плане обеспечения процесса говорения. И пусть начинающий синхронный переводчик не думает, что он никогда не будет говорить так, как оратор, которого он переводит. К этому следует добавить, что хорошие ораторы встречаются редко.

Чрезвычайно важно, чтобы начинающий переводчик понимал

² Аббакумов С. И. Современный русский литературный язык. М., 1942.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, С. 138.

⁴ См.: Cahiers de traductologie. Ottawa, 1981, N 4.

не только, скажем, «Queen's English», но и английский язык делегатов стран Америки, Азии, Африки и Австралии. Подчас некоторые переводчики утверждают, что оратор невозможно перевести на русский язык в силу того, что он «неправильно» в заглавие владения английским языком, прекрасно понимая оратора, поскольку им знакомы тема выступления, позиция страны, которую представляет оратор, равно как и цель, которую преследует он в своем выступлении, а посему, несмотря на грамматико-синтаксические ошибки данного оратора, все присутствует внятное, за исключением синхронного переводчика, воспринимает почти на 100% все мысли оратора).

С первых занятий стоит обратить внимание студентов на то что и в кабине следует, как и в последовательном переводе, со средоточиваться на главном, и, если нужно, записывать: цифру, какое-то научное понятие, фамилию, название организации и т.п. Если в английском языке прилагательное обычно предшествует существительному, то во французском наоборот. (Правда сейчас под воздействием английского подобное явление наблюдается и во французском). Возникает определенная трудность, поскольку, употребив существительное, переводчик вынужден как бы вернуться назад к своему первому переводу. В этом случае и предлагаю решать проблему следующим образом: либо интонационно (*этот вопрос, этот важный вопрос*), либо прибегая к помощи дополнительных слов (*этот вопрос, имеющий важное значение*).

В трудном случае (отсутствие глагола, непонимание и т.п.) можно использовать следующие словосочетания: *в данном случае, в том, что касается, в этом плане, мне думается* и т.п., так как молчание синхронного переводчика, как бы оправданно оно ни было, создает у слушающих впечатление, что что-то было опущено. Поэтому переводчик, даже если его молчание оправдывается паузой оратора, должен продолжать свой перевод и скажем, повторить в несколько измененной, а желательно уточненной форме предыдущую фразу.

Безусловно, в переводе не должно быть незаконченных фраз. В синхронном переводе эта проблема еще больше усложняется из-за того, что некоторые ораторы сами не заканчивают начатых ими фраз. Вина же в любом случае всегда ложится на переводчика. Поэтому синхронному переводчику надлежит всегда заканчивать фразы, а если они не закончены автором, доводить их до точки за него как можно более нейтрально.

Особое внимание, с первых же занятий и в ходе практической деятельности, синхронный переводчик должен уделять проблеме интернациональных слов («*laux-amis*»). Весьма часто, в условиях крайнего напряжения и усталости синхронные переводчики механически употребляют одно и то же интернациональное слово при переводе с одного языка на другой, руководствуясь при этом сходством и некоторым совпадением в значении

длинных слов. Это приводит к очень серьезным ошибкам и стилистическим погрешностям. Например: французское *idéologie* (*идеология*) не всегда переводится как *идеализм*, но чаще *приверженность высоким идеалам* и т.п.

Конечно, список практических рекомендаций можно было бы продолжить. Однако всегда нужно помнить, что преподавание синхронного перевода нельзя вписать в какие-то строгие рамки, поскольку одни переводчики хорошо воспринимают мысль, другие же прекрасно осознают связь между мыслями. В идеале мы должны подготовить человека, передвигаясь не только мысли, но и умело связывающего их в том порядке и в той логической практике, как этого хотел оратор.

В несколько грубой форме, «идеальный» синхронный переводчик — это человек в совершенстве владеющий искусством нахождения штампа. Штамп может передавать в предельно краткой форме информацию + оценочные средства.

В конечном счете, успех в синхронном переводе обеспечивается не знанием грамматических правил или словарным запасом, а тем фондом устойчивых конструкций и клише, которыми обладает переводчик. В качестве прогностического длинного, перифразам и т.п. мы выдвигаем принцип использования в синхронном переводе штампов. Таким образом, гарантия успеха в синхронном переводе, на наш взгляд, заключается в самой широкой автоматизации языковых и речевых средств выражения.

И. В. Подуян

(Москва)

ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПРОВЕРКИ ИНТРОСПЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ

В отличие от других видов переводческой деятельности, таких как письменный или синхронный перевод, где наблюдателю даны только исходное и выходное сообщения (тексты), устный последовательный перевод с записью (ПП) позволяет, так сказать, заглянуть в «черный ящик», где скрывается «механизм» перевода. Это объясняется тем, что запись, сделанная по специально разработанной системе¹, является эксплицитно выраженным промежуточным этапом психической деятельности переводчика. В силу этого обстоятельства данный вид перевода может быть использован для эмпирической проверки некоторых интроспективных предположений как из области теории перевода, так и общей лингвистики.

В данной статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

¹ Миньор-Белоручев Р. К. Последовательный перевод. М., 1969.

1. Что собой представляет промежуточный уровень, зафиксированный в виде сокращенной записи в ПП?

2. Какая из существующих моделей перевода лучше всего описывает ПП?

3. Существование каких интуитивно выделенных уровней лингвистического анализа подтверждается эмпирическим изучением сокращенной записи в ПП?

Последний вопрос, так же как и два первых, имеет непосредственное отношение как к теории, так и к методике преподавания перевода, так как ответ на него позволил бы идентифицировать те формальные уровни языкового описания и их единицы, на которых следовало бы сосредоточить первоочередное внимание при подготовке переводчиков.

Прежде чем перейти к рассмотрению поставленных вопросов, следует отметить, что нас интересует в первую очередь тот аспект объяснительной силы модели, который позволяет использовать ее для описания того или иного вида переводческой деятельности как процесса в его динамике. Пригодность модели для описания способов преодоления тех или иных переводческих трудностей выходит за рамки данного исследования.

Как уже было отмечено исследователями этого вида деятельности², последовательный перевод распадается на два реально данных этапа, отделенных друг от друга довольно значительным промежуточным временем: 1. Рабочее аудирование (анализ) исходного сообщения с одновременным оформлением его в виде сокращенной записи и 2. Продуктивное (синтез) выходного сообщения с опорой на записи и память. Оставшаяся пока в стороне психолингвистические процессы, имеющие место между крайними пунктами этих двух этапов, рассмотрим точку, общую для них, т. е. записи.

В первую очередь следует подчеркнуть, что объектом данного рассмотрения будет являться не система записи, а некоторый корпус реальных записей реальных исходных сообщений³. Такая сокращенная запись является *статической и графической* структурой.

Первое означает, что как элементы записи, так и вся она в целом, являясь, с одной стороны, конечным результатом некоторых операций, совершенных переводчиком над текстом ИД, и с другой, отправной точкой для некоторых операций, которые переводчику предстоит совершить, чтобы синтезировать текст на ПД. (Природа этих операций будет кратко рассмотрена ниже). Второе означает, что, в отличие от интуитивно постулируемых «внутренних кодов речи», запись делается с помощью реального знакового кода или метаязыка.

² Миньяр-Белоручев Р. К. Указ. соч.; *Seleškovitch D. Langage, langues et pensée*, Р., 1975.

³ Для читателей, не знакомых с этой системой, в конце статьи приводятся примеры, заимствованные из книги Р. К. Миньяр-Белоручева «Пособие по учебному переводу», М., 1969.

Для выяснения сущности сокращенной записи и идентификации ее единиц в терминах современной лингвистической теории сопоставим ее с известными уровнями лингвистического описания. Иерархия уровней представления языка, предложенная Д. Личем⁴, которой мы воспользуемся для этой цели, является наиболее полной, так как включает уровни, выделенные генеративной и интерпретирующей семантикой, а также трансформационной грамматикой. Эта иерархия, выстраиваемая над эксплицитивной реальностью, включает в себя глубинную семантику, поверхностную семантику, глубинный синтаксис, поверхностный синтаксис, глубинную фонологию и поверхностную фонологию. Оставляя в стороне два фонологических уровня как не имеющие непосредственного отношения к теме данной статьи, рассмотрим определения остальных четырех уровней.

Уровень глубинной семантики, впервые предложенный Д. Личем в самом предварительном плане и строго в порядке обсуждения, представляется неким подобием структуры событий в окружающем мире. Репрезентации данного уровня поэтому имеют вид «реляционных сетей» (*relational networks*), в которых «терминалы» (*terminals*) являются фактически отображением участников экстралингвистической ситуации, а «связи» (*links*) устанавливают отношения между ними.

Уровень выведен как объясняющий тождество смыслов, например, следующих трех поверхностных структур:

Brutus killed Caesar because he loved Rome.

Brutus killed Caesar. This was because he loved Rome.

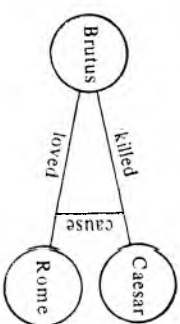
Brutus loved Rome. For this reason he killed Caesar.⁵

Таким образом, глубинная семантика призвана демонстрировать синонимно последовательностей предложений и отдельных предложений, или одних последовательностей предложений другим последовательностям предложений. Одним из выводов, вытекающих из этого, является то, что единицей глубинной семантики становится скорее целый дискурс, чем отдельное предложение.

Поверхностный семантический уровень формируется предложениями, состоящими из аргументов и предикатов, которые в свою очередь представляют собой наборы сем, выявленных с помощью компонентного анализа. На этом уровне устанавливаются

⁴ Leech G. *Semantics*. Harmondsworth, 1977.

⁵ На уровне глубинной семантики эти предложения представляются в виде следующей реляционной сети:

ся конверсные отношения и отношения синонимии между словами. В целом он соответствует семантическому уровню, достаточно хорошо изученному различными школами современной лингвистики и переводоведения, и не нуждается в более подробном описании здесь.

Глубинный синтаксический уровень — это уровень так называемых ядерных предложений, чьи позиции заполнены конкретными лексическим материалом. На нем действуют правила «синтаксической субкаторизации» (дифференциация переходных и переходных глаголов, исчисляемых и неисчисляемых существительных и т. п.), а также определяются понятия подлежащего, сказуемого, дополнения и т. д. Этот уровень является отправной точкой для синтаксических трансформаций.

На уровне **поверхностного синтаксиса** сложные предложения делаются на простые. Непосредственно составляющими последними являются номинативные и глагольные словосочетания, а также прилагательные и наречия (или словосочетания с ними). Сюда же входят средства выражения таких грамматических категорий как единственное и множественное число, настоящее и прошедшее время и т. д.

Дополнительным свойством синтаксических уровней является линейность, в то время как семантические уровни характеризуются иной пространственной упорядоченностью.

Уже одного взгляда на образец сокращенной записи, приведенный в конце статьи, достаточно, чтобы стало ясным, что она обладает чертами всех четырех уровней.

К чертам уровня глубинной семантики относятся прежде всего:

— представление текста оригинала в виде пространственно упорядоченной системы (не только по горизонтали, но и по вертикали), с возможным обозначением временных и пространственных маркеров на особом специально зарезервированном месте. Нерелевантность линейности на этом уровне подтверждается тем, что это место может быть в правой, левой или любой другой части страницы, на которой осуществляется запись;

— использование реляционных символов: горизонтальных или косых линий, стрелок и т. п. в комбинации с определенным пространственным расположением компонентов смысла для указания на такие предметно-логические отношения как сопоставление, каузальность, уступительность, цель и т. п.

— использование линейных-сносок, которые не только позволяют обойтись без повторной фиксации уже упоминавшихся в тексте ИД компонентов смысла, но и обеспечивают когезию дискурса, в частности давая указания об актуальном членении предложений.

Черты уровня поверхностной семантики, пожалуй, наиболее многочисленны. К ним относятся:

— фиксация с помощью соответствующего (ступенчатого) пространственного расположения аргументов и предиката,

— фиксация главной, наиболее релевантной в данном контексте семы выделенной из компонентного состава важных элементов смыслового отношения лексических единиц текста исходного сообщения. Это достигается с помощью специальных символов сокращений общепринятых аббревиатур, а также целых слов безразличных ИД или ПД, так как они предназначены в первую очередь для фиксации аргументов и редикатов и в меньшей степени для подматки эквивалента (те называемое переключение) в слове если записано слово на ИД, или для включения и поверхностную синтаксическую структуру выходящего сообщения в случае записи слова на ПД (в этом случае переключение было уже завершено в ходе рабочего аудирования). Например, символ → может означать «передать отправитель, вводит, экспортирует, уезжать» и т. п. в соответствующих контекстах, хотя в невыражена с некоторой степенью мотивированности лишь идея (сема) движения в направлении от субъекта.

— использование символов степеней (усиление качества, превосходная степень, ослабление качества — аналогично семантическому параметру Марп. в семантической модели перевода).

К немногочисленным чертам глубинного синтаксиса в принципе нами еще определению относятся:

— сведение сложных синтаксических структур к более простым (их можно было бы приравнять к когезивным в трансформационной модели перевода).

— записи лексем на ИД и ПД без указания на их синтаксические связи (именительный падеж, отсутствие предлогов и т. п.), хо, как мы указали выше, их первоочередная функция заключается не в этом, и они вполне могут оказаться отсутствующими в тексте выходящего сообщения, что подтверждает справедливое замечание Р. К. Миньяра-Бегичева о том, что «определяющие навыки при оформлении выходящего сообщения в последовательном переводе являются... е навыки переключения, и навыки приращивания устной речи»⁶.

К чертам поверхностного синтаксиса относятся:

— разбивание записи в линейной временной последовательности, используемой синтаксисом ИД,

— обозначение позиций, которые могут заполняться исключительно именительными или глагольными словосочетаниями, что также служит указанием на возможный выбор синтаксической модели предложения,

— запись (крайне редкая) флексивно оформленных слов, — фиксация (также крайне редкая) предлогов и союзов.

Столь многочисленные и редкие проявления черт глубинного и поверхностного синтаксиса в сокращенной записи свидетель-

ствуют о преимущественно смысловом характере последней, и как следствие этого, необходимости овладения переводчиком навыками смыслового анализа текста и продуцирования устного сообщения по смысловым вехам, или, другими словами, умением переходить с уровня поверхностного синтаксиса на семантический уровень и наоборот.

Частое употребление в записи большого числа идеограмм, мотивированных и немотивированных символов говорит также о целесообразности выделения еще одного, символического или семиотического уровня. Хотя такой уровень не является лингвистическим и включение его в иерархию лингвистических уровней лишено смысла, тем не менее можно себе представить выработку навыка продуцирования выходного сообщения по смысловым вехам, заданным сложными семиотическими структурами — комбинациями специально разработанных рисунков, идеограмм, символов, графиков, цифрового материала и т. п. — подобно тому как вырабатываются навыки спонтанной устной речи в методе Берлица.

Итак, в ответ на первый вопрос, поставленный нами в начале статьи, можно ответить, что промежуточный уровень, зафиксированный в сокращенной записи, является сложным образованием, включающим черты по крайней мере четырех лингвистических уровней и одного экстралингвистического уровня.

Тот факт, что запись не является зеркальным отражением экстралингвистической ситуации (промежуточный уровень, ситуативной модели), не содержит структур, которые можно было бы корректно классифицировать в качестве ядерных предложений (промежуточный уровень в трансформационной модели) и изобилует признаками семантического уровня, говорит о том, что, очевидно, ПП было бы удобнее всего рассматривать в терминах семантической модели перевода.

Однако семантическая модель перевода в том виде, в каком она описана в литературе⁷, оказывается лишь частично применимой к объекту данного исследования. Глубинная структура и семантической модели перевода включает глубинный синтаксис и глубинную лексику. Шесть типов отношений, рассматриваемых глубинным синтаксисом этой модели, отражают элементарные смысловые связи между предикатом, субъектом и объектом, а также атрибутивную и сочинительную связи. Это сближает данный уровень с уровнями глубинной и поверхностной семантики в принятых нами выше определениях, т. е. по существу является семантическим, а не синтаксическим.

Общие черты между системой сокращенной записи и глубинным уровнем семантической модели наиболее выпуклы в «глубинной лексике» последней.

⁷ См. напр.: Шейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.

В первую очередь напрашивается аналогия между незафиксированными словами модели и наиболее релевантными семанти, фиксируемыми в записи в виде сокращений, символов и т. д. Выше мы уже указали на сходство способов усвоения качества в записи с семантическим параметром Магп. в семантической модели. Что касается второго компонента «глубинной лексики» — лексических функций, то они заслуживают того, чтобы на них остановиться подробнее.

Напомним, что лексические функции подразделяются на «эквивалентные замены», т. е. подбор синонимов (поставить — заменить), «инверсивов» (богаться — страшить) и синтаксических дериватов (ошибаться — ошибочно, начать — вначале), и «семантические параметры», обеспечивающие присоединение к смыслу единицы глубинной лексики некоторого дополнительного элементарного смысла (напр. параметр Орег, соединяет единицу «сделать» с единицей «штан» или единицу «задать» с единицей «вопрос»).

Из этого описания следует, что «лексические функции» являются лингвистическим компонентом уровня глубинной лексики, причем описания (конверсные и другие трансформации) осуществляются с единицами одного языка. Так как выше мы констатировали, что сокращенная запись является статической структурой, здесь кончается ее сходство с уровнем глубинной лексики семантической модели. Однако «лексические функции» имеют прямое отношение к описанию двух упомянутых выше этапов процесса последовательного перевода. Например, различные типы эквивалентных замен могут осуществляться на этапе рабочего аудирования, а использование семантических параметров, т. е. фактически реализация правил лексико-синтаксической сочетаемости, является непременным условием правильного синтеза выходного сообщения.

Итак, хотя сокращенная запись в ПП обладает чертами различных уровней лингвистического описания, сам процесс последовательного перевода лучше всего описывается в терминах семантической модели, причем этап рабочего аудирования лучше описывается в терминах, восходящих к подходу интерпретирующей семантики, а синтез выходного сообщения — в терминах генеративной семантики.

Еще одним, парадоксальным, выводом из данного обсуждения является то, что ПП с записью можно было бы охарактеризовать 1) как процесс, имеющий мало общего с переводом, так как чисто переводческие акты переклечения между единицами ПП и ПП как естественных языков осуществляются лишь эпизодически, частично в ходе рабочего аудирования и частично на этапе синтеза, или 2) как процесс двойного перевода или перекодирования: с ИЯ на метаязык записи, и с языка записи на ПЯ, где на первый план выступают иные навыки и умения.

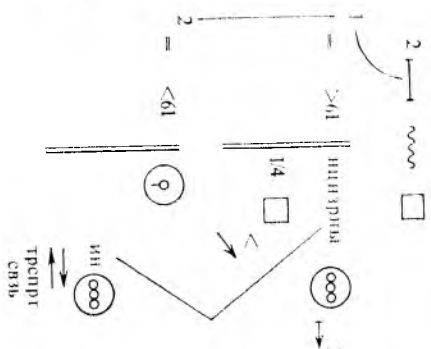
Впрочем, как это чаще всего бывает, истина скорее всего находится где-то на пересечении этих двух крайних взглядов.

Текст ИЯ

Запись

Хочется отметить два этапа национального становления моей Родины. Первый — это отрезок времени по 1960 год, когда были национализированы все предприятия и имущество агресоров. В это же время зарождается и начинает расти государственный сектор.

Второй этап начинается с 1961 года, когда правительство провело полную национализацию всего иностранного капитала, банков, страховых компаний, взяло в свои руки экспорт, импорт, внутреннюю торговлю, транспорт и средства связи.

Г. В. Ейсер, [В. Л. Юхт]
(Харьков)

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОНОВЫХ И ЯЗЫКОВЫХ ЗНАНИЙ ПЕРЕВОДЧИКА)

Психолингвистическое исследование процесса перевода научно-технической литературы имеет большое практическое значение: подлинно научная подготовка и совершенствование технических переводчиков возможно только на основе подхода к переводу как к эвристическому процессу¹. Поскольку научно-технический перевод осуществляется в значительной мере переводчиками-лингвистами, существенный интерес представляет изучение вопроса о соотношении фоновых и языковых знаний в процессе переводческой деятельности.

Для построения моделей речевой деятельности переводчика любого текста первостепенное значение имеет сопоставление процесса межъязыковой коммуникации, при котором переводчик является посредствующим звеном между отправителем и получателем информации, с процессом внутриязыковой коммуникации, при котором отправитель и получатель информации пользуются одним кодом. Такое сопоставление вскрывает как общие закономерности, присущие этим двум видам коммуникации, так и характерные черты каждого из них.

В условиях внутриязыковой коммуникации возможность осуществления сообщения, т. е. установления соответствия между высказываниями и описываемыми им фактами некоторой предметной области, определяется уже тем, что получатель информации владеет языковым кодом. Однако глубина восприятия сообщения во многом зависит от того, в какой степени фоновые знания получателя сообщения соответствуют фоновым знаниям отправителя сообщения.

При межъязыковой коммуникации наличие переводчика расчленяет процесс коммуникации на два сопоставимых акта: в первом переводчик является получателем сообщения на ИЯ во втором — отправителем сообщения на ПЯ.

¹ *Исследования М. Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков/Чтение. Перевод. Устная речь. Л., 1977. С. 172—179.*

Наличие переводчика как посредствующего звена между пользующимися разными кодами отправителем и получателем информации существенно усложняет процесс коммуникации. Это обусловлено не только тем, что сам факт взаимодействия двух языковых систем при перекодировании неизбежно влечет за собой утрату, приращение или преобразование информации², но и тем, что усиливается влияние субъективного фактора, определяющего восприятие сообщения на каждом из двух этапов межъязыковой коммуникации.

Исследование перевода научно-технической литературы не может не учитывать специфику научно-технических текстов, место в общей типологии текстов³ и их своеобразие в прагматическом аспекте. В классификации исходных текстов на основную прагматическую функцию научно-технические тексты занимают особое место как тексты, ориентированные не столько на носителей определенного языка, сколько на носителей определенных экстралингвистических знаний⁴. Общность фоновых знаний является необходимой предпосылкой правильного понимания научно-технического текста как при внутриязыковой, так и при междъязыковой коммуникации. Однако в последнем случае существенно роль играет не только степень осведомленности переводчика в специфике данной предметной области, но и наличие в этой области уже сложившейся системы соответствий между двумя языками.

При исследовании процесса перевода научно-технической литературы существенно учитывать, выступает ли в качестве переводчика специалист в данной предметной области или переводчик-лингвист, знакомый с этой областью знания. Поскольку подавляющее большинство переводчиков-практиков имеет филологическое образование, а также в связи с тем, что вопросам подготовки технических переводчиков реально вузы и факультеты филологического профиля не занимаются, представляется особый интерес анализ восприятия и перекодирования научно-технического текста переводчиком, деятельность которого протекает в условиях неполного знания предметной области. Это имеет тем более важное значение, что позволяет наметить оптимальную стратегию подготовки переводчиков, способных самостоятельно решать сложные задачи в условиях научно-технической революции, и совершенствования качества перевода научно-технической литературы.

Одним из основных требований, предъявляемых к переводчику научно-технического текста, является, наряду со знанием исходного и переводящего языка, также знание той реальной дей-

ствительности (экстралингвистической ситуации), которая отражается в переводимом материале. В идеальном случае переводчик должен сочетать в себе качества специалиста в определенной области знания, лингвиста и собственно переводчика, т. е. специалиста в особой предметной области, содержанием которой является перекодирование языкового сообщения с одного языка на другой. Практически, однако, эти требования вряд ли могут быть полностью реализованы. С одной стороны, переводчик лишь в редких случаях бывает «чистым» лингвистом: как правило, лишь один из языков является для него родным, это накладывает определенные ограничения на возможность переводчика. С другой стороны, даже занимаясь переводами в одной предметной области, переводчик не обладает той полнотой знаний, которая предполагается у специалиста в отличие от последнего, отношение которого к описываемому в тексте фрагменту предметной области носит активный характер, позволяя творчески использовать извлеченную из текста информацию, переводчик обладает пассивным знанием лишь в том объеме, который предполагает ему переходить от ИЯ к ПЯ.

В этом отношении роль переводчика аналогична роли информационного работника, который для осуществления новых источников информации должен обладать запасом фактической информации в данной научно-технической области и в некоторых смежных, причем отгнанные объема и характера информации, необходимой для информационного работника, в отличие от специалиста в данной предметной области, может быть описано в терминах, соответственно, информации о приближенной теории и информации о конкретных моделях,⁵ которых эта теория во-площается⁶.

В связи с характерным для современного состояния науки и техники тесным взаимодействием и преложением различных, нередко весьма отдаленных друг от друга отраслей знания, переводчик вынужден постоянно расширять сферу своих пассивных знаний в таком диапазоне, активное творческое овладение которым не под силу ни одному специалисту⁷. Поэтому даже в тех случаях, когда переводчиком является специалист в определенной предметной области, его собственно переводческая деятельность не может не идти по тому же пути универсализации (т. е. приобретения дополнительных пассивных знаний в других областях), который характерен для переводчика-лингвиста.

Ситуация неполного знания определенной предметной области, в условиях которой нередко протекает деятельность переводчика, в большей или меньшей степени присуща всякому коммуникативному акту. Вместе с тем, обладая неполным знанием по-

² См.: Nida E. A. Principles of translation as exemplified by Bible translation. (Ed.) Translation. 1959. P. 13.

³ О роли типологии текстов для теории перевода см.: Raiss K. Übersetzung und Sprachwissenschaft — eine Orientierung. Babel, 1973. V. 19. N. 2. S. 75—86.

⁴ См. Neubert A. Pragmatische Aspekte der Übersetzung. Beihefte zur Zeitschrift „Linguistische Grundfragen“, Leipzig, 1968. S. 30—31.

⁵ Шрейер Ю. А. Логика знаковых систем М., 1974. С. 60. Он же — Язык как инструмент и объект науки // Природа. 1972. № 6. С. 68—69.

⁶ Давидов М. И. О некоторых вопросах технической лексикографии // Теория перевода. Вып. 13. М., 1976. С. 116.

стоянно сокращается по мере овладения переводчиком фактической информацией.

В силу ряда культурно-исторических условий неполное знание определенной области может быть характерным для всех носителей первого языка. В таких случаях невозможность или крайняя затруднительность «прагматической адаптации текста»⁷ заставляет иногда отказаться от перевода отдельных частей текста⁸. Следует отметить, что отказ от перевода частей текста свидетельствует не о невозможности, а лишь о нецелесообразности перевода: текст, который явился бы результатом перевода, не опирающегося на определенную априорную информацию (фоновые знания), должен был бы включать в себя эту информацию как часть своего содержания и, таким образом, вступал бы в противоречие с одним из основных постулатов нормальной коммуникации — постулатом о неполноте описания (текст описывает действительность с определенной степенью редукции)⁹.

Психолингвистический анализ позволяет выявить некоторые специфические черты деятельности переводчика в условиях неполного знания предметной области. Первостепенное значение приобретает при этом изучение переводческих ошибок как фактического, так и лингвистического характера, в которых реализуется определенное (хотя и неверное) понимание текста переводчиком. Если причины возникновения этих ошибок могут быть установлены с достаточной степенью надежности, то выявление их становится эквивалентным эксперименту: зная правильное решение, исследователь может проследить за ходом мысли переводчика и точно определить факторы, обуславливающие неверное понимание текста.

Ниже описываются некоторые результаты анализа деятельности переводчика, полученные на основе сравнения переводов с редакторской правкой, бесед с переводчиками научно-технической литературы, психолингвистического эксперимента и наблюдений, проведенных авторами в процессе обучения переводу в ХГУ им. Горького.

1. В условиях неполного знания четко прослеживается тенденция к абсолютизации текста, проявляющаяся в повышении «доверия» переводчика к тексту: не имея возможности воспользо-

⁷ Шейдер А. Д. Семантико-стилистические и прагматические аспекты перевода // Иностранные языки в школе. 1971. № 3. С. 14—16.

⁸ Ср. замечание И. М. Яглова, редактора русского перевода книги «Введение в конечную математику», что в ряде случаев «пришлось пойти на полное исключение задач, содержание которых (достаточно близкое, по-видимому, американским студентам) не смогли понять ни редактор, ни переводчик (и, в этих задачах шла о малознакомых в нашей стране правящих играх бейсбол)» (Кежени Дж., Снеда Дж., Томсон Дж. Введение в конечную математику. М., 1963. С. 9).

⁹ Радзюнас О. Г., Ревзин И. И. Семантический эксперимент на сцене (Нормы постулата нормального общения как драматургический прием) // Труды по лингвистическим системам. Т. V. Тарту, 1971. С. 232—254.

ваться в полном объеме наличествующую фактическую информацию, переводчик ориентируется в большей степени на информацию лингвистическую. Это проявляется, в частности, в переоценке содержащейся в слове информации, в восприятии синонимов как слов с различными референтным значением, в восприятии информации пустых фраз (или их фрагментов) как значимых, в игнорировании воздействия отдельных фрагментов и графических средств выделения в тексте и т. д.¹⁰. Переводчик, таким образом, пытается компенсировать недостаток фактической информации предельно полным воспроизведением лингвистической, аспрозражая постулат об информативности сообщения на все элементы языкового уровня. Понятно, что исчерпывающий анализ лингвистической информации является в этих условиях необходимой предпосылкой перекодирования сообщения. В этом отношении представляет большой интерес попытка смоделировать поведение переводчика, который, не понимая существа текста, не используя «энциклопедических знаний», лингвистического вырда и т. п., обладает способностью анализировать его на языковом уровне с учетом широкого контекста; как Ю. Ю. Казаго специально исследованное, для перевода математического текста во многих случаях (в частности, при семантическом анализе формул) достаточно дешифровочной работы на языковом уровне¹¹.

2. В условиях неполного знания резко возрастает число принимаемых переводчиком гипотез относительно содержания того или иного отрезка текста. Если в процессе дальнейшего восприятия теста гипотеза оказывается ложной, то соответствующий отрезок текста (а нередко и предшествующий) подвергается рентерпретации. Как и в других эвристических процессах, быстрое движение гипотез происходит не путем перебора всех возможных гипотез и отсеивания части из них, а на основе субъективно чувствительного правдоподобия, которое тем в большей степени может служить основой правильного выбора, чем и большей теплеи оно опирается на фактическую информацию. Для расширения объема фактической информации переводчик использует необходимо увеличивать поле информационного поиска; онз большей степени, чем переводчик-специалист, обращается к процессу перевода к энциклопедиям, справочникам, словарям; него чаще возникает обращение к словарю, имеющее самостоятельное значение — необходимость лингвистического поиска (информационный поиск), ценных общей деятельности перевода¹².

Естественно, что вероятностное прогнозирование при перево-

¹⁰ См.: Kitz F. Über die Sprachvermittlung des Denkens. Berlin, 1972.

¹¹ Гольдсман С. А., Дрейзин Ф. А., Тер-Микаелян З. Т. Математические формулы в широком контексте // ИТЛ. Сер. 2. 1971, № 3, С. 33—38.

¹² Горбин Д. И. Психолингвистика и порождающая лексикология // Труды переводчика. Вып. 14. М., 1977. С. 104.

де не исключает возможности возникновения ошибок, вызванных действием сопутствующих факторов. Так, при чтении и переводе оглавления одного из выпусков журнала «*Deutsche Vierteljahrsschrift*», содержащего главление сделанного В. Брехтом стихотворного изложения «Манифеста Коммунистической партии (Verfassung des Kommunistischen Manifests)», студенты могли ших курсов, опирающихся в большей степени на анализ элементов языкового уровня, перевели главление правильно («стихотворное изложение»); студенты же старших курсов, у которых выработалась способность к прогнозированию, использовали наиболее вероятную модель («создание» — *Verfassung*); решающую роль в возникновении ошибок сыграло здесь, как и во многих других случаях, наличие паронимической связи.

3. «Открытый» характер художественного текста, который может включать в себя элементы любой подсистемы языка, а также отсутствие четкой границы, отделяющей фонд общеязыковых понятий, на который ориентированы художественные тексты, от терминологии специальных подсистем, обуславливают проникновение в художественную речь элементов терминологии и номенклатуры различных специальных областей знания. При переводе соответствующих фрагментов текста переводчик оказывается в ситуации неполного знания, т. е. не обладает фактической информацией, необходимой для точной интерпретации данного текста¹³. В ряде случаев переводчик оказывается не в состоянии определить даже предметную область, к которой относится элемент текста. Так, в русском переводе книги Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой»¹⁴ сочетание *Enzian schnapps distilled from mountain gentian* переведено как «анзейский шнапс, который гнали из горной горечавки» (с. 129): элемент немецкой ботанической номенклатуры воспринимается переводчиком как топоним, чему в значительной степени способствует наличие ряда топонимов в ближайшем контексте. «Установка на топоним» оказывается настолько сильной, что переводчик создает фантастический топоним, не замечая почти полной графической тождественности немецкого *Enzian* и его английского аналога *gentian*. В том же переводе сочетание *spinal fracture* had not become common переведено как «спинальные переломы были редкостью» (с. 128): специальный термин (*spinal*) воспринимается и воспроизводится переводчиком как общеязыковый элемент (*spinal*); наряду с влиянием паронимической связи этих слов здесь сказывается и своеобразная «инерция синтаксической структуры», позволяющая воспроизвести структуру исходного сочетания, без трансформаций (ср. «спиральные переломы» и «переломы позвоночника»).

4. Интересные результаты дает проверка способности переводчика решать задачи, связанные со снятием неоднозначности фрагмента текста, восстановлением нарушенного фрагмента текста, а также исправлением введенных в исходный текст «диагностических ошибок». Качественный анализ корректурных ошибок показал, что большинство из них относится к неверно установленным основным дескрипторам информационного языка, описывающего данную область знания. В связи с этим представляется необходимым ориентировать обучение (и самообучение) переводчиков на ядро информационного языка. В этом случае формирование тезауруса переводчика будет носить не фрагментарный, а системный характер. Желательно, чтобы структура такого тезауруса была организована с помощью аппарата лингвистических функций, который позволяет в явном виде фиксировать связи одного понятия со многими другими¹⁵. Хотя конкретный набор этих функций может меняться при переходе от одной области к другой, существенно, что определенная часть отношений остается неизменной при любой тематике.

Представляется, что способность переводчика-специалиста решать указанные выше задачи может рассматриваться как показатель достижения им такого уровня владения фактической информацией, при котором становится возможным успешное осуществление переводческой деятельности.

¹³ Леоньева Н. Н. и др. Словарь лингвистических функций и его роль в автоматическом индексировании//ИТИ. Сер. 2. 1978. № 7. С. 28.

¹⁴ Об ошибках подобного рода, относящихся к предметной области истории США, см.: Бархударов Л. С. Что нужно знать переводчику?//Тетради по переводчику. Вып. 15. М., 1978. С. 18—22.

¹⁵ Пер. Брука М., Петрова Л., Розенталя Ф. М., 1965.

VI. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА

Д. И. Ермолович

(Москва)

О ПРАКТИКЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Переводческий профессионализм обязательно предполагает и навыки редакторской работы. Они необходимы переводчику хотя бы для того, чтобы править собственные переводы.

Нельзя сказать, что редактированию не уделяется внимания в учебных курсах перевода. При обсуждении любых вариантов перевода на практических занятиях студенты так или иначе сталкиваются с редактированием: фактически это то, что делает преподаватель при обсуждении и правке их переводов. В процессе обсуждения одни варианты признаются приемлемыми, другие отвергаются, и соответствующая аргументация преподавателя отчасти приучает их к редакторскому мышлению.

Однако обучение навыкам редактирования не является специфическим видом работы по курсу письменного перевода¹ и не отвечает учебная задача не ставится в учебных программах. Тем не менее такая задача существует и состоит в том, чтобы привить будущим переводчикам умение сделать правильный выбор между стилистически и функционально неравноценными вариантами средств выражения, подчинить отдельные элементы плана выражения общей коммуникативной функции текста.

Представляется, что выполнение этой задачи не достигается автоматически в ходе практического обучения переводу. Оно не новизна, конечно, на навыках перевода (а также знание теории перевода, сопоставительной стилистики и русского языка), но, поскольку задача ставится специфическая, то и решаться она должна в особых методологических рамках.

Рассмотрим, как традиционно проходит обучение редактированию в рамках занятий по письменному переводу на переводческом факультете Института иностранных языков. Обычный урок строится таким образом: студентам на дом задается текст для перевода, и на урок они приходят с переведенным текстом

¹ Речь идет о редактировании переводов на русский язык, а не на иностранный; в последнем случае студенты не владеют свободными средствами и стилистикой, и задача редакторской правки занимает подчиненное место в отношении к задаче научить студентов давать пусть не виртуозно красивые, но все же прямо грамотные переводы.

Преподаватель усит то одного, то другого студента зачитать свой перевод предположительных отрезков текста (в одно — три предложения).¹ Стремится выявить остальных студентов в суждении достоять и недостатков зачитанных вариантов. Если мнения разнятся, преподаватель нередко завершает дискуссию собственным «вердиктом», стараясь, естественно, объяснить причины, которыми он отдает предпочтение тому, а не иному варианту. Здесь, собственно, и учат редактированию, т. е. выбору какого-либо варианта из ряда возможных при четком обосновании это выбора, настойчивой работе над улучшением перевода.

Описанный год работы на занятиях по письменному переводу испытан временем и приносит свои плоды. Тем не менее у него есть и существенные методологические стороны:

1. Не секретно переводы, которые выслушивает преподаватель на занятии — весьма сырой материал. Студенты делают их, как правило, наугад и редко когда подвергают дополнительной правке преподавателем, работа на уроке по «доводке», усовершенствованию перевода практически неотделима от исправления грубых смысловых ошибок, описок, результатов невнимательного чтения текста и плохого владения элементарной переводческой хитростью. Как следствие этого — студенты не видят разницы между обыкновенной ошибкой и переводом, который теоретически можно сконструировать по словарю и грамматике, но который не соответствует общей интонации текста, стилистически знорен, не передает смысловых акцентов оригинала или еще их и т. д.

2. Преподаватель, естественно, лишен возможности провести методом устного опроса все варианты всех студентов и обдумать их. Обсуждение основывается на выборочном опросе. Конечно, опыт преподавателя подсказывает ему, кого именно следует опросить при проверке того либо иного предложения. Он обычно чувствует, какой студент даст приемлемый вариант, и какой обязательно «споткнется» на трудностях данного отрезка текста. Все е нередко студенты не знают, как им следует рассуждать о переводе, которые не были зачитаны и обсуждены: то ли рассуждать их как приемлемые (а не исключенные, что они содержат какую-то неожиданную погрешность), то ли, наоборот, испрять их на тот вариант, который при обсуждении был признан лучшим (и в этом случае плохо то, что в их сознании укореняется ложный тезис о наличии для любого текста какого-то естественного правильного, универсально-стандартного перевода).

3. Оценка переводов, выполненных студентами, тесно связана с личностным моментом. Сколько бы преподаватель ни приложил объективных доводов в пользу или против того или иного варианта, студенты воспринимает критику переводов еще и как субъективную оценку их работы, а нередко и их подхода к переводу как таковому (что часто как раз и следует критиковать).

Поэтому, с одной стороны, студентам бывает трудно согласиться с преподавателем, отвергающим их перевод, а через это и отрицать негативной оценки — и понять достоинства какого-то другого варианта. С другой стороны, когда заходит речь о сравнении разных вариантов, студенты очень неохотно идут на то, чтобы критиковать чужие переводы, так как это работа их товарищей, которых они, разумеется, не хотят обидеть. При этом грубый промах выявляется и признается легче, поскольку от вопиющей неадекватности нигде не денешься. А вот при обсуждении тонкостей, которые как раз и составляют предмет собственно стилистического редактирования, убедить начинающего переводчика, что его перевод искажает суть и дух оригинала бывает очень трудно. Думаю, каждому преподавателю переводов приходилось иметь дело с заковылистыми спорщиками, которые готовы были признать незначительность при смысловой ошибке, но ни за что не принимали критику неверной трактовки текста.

Перечисление слабых мест в методике аудиторного опроса (обсуждения) домашних переводов ни в коей мере не должно под сомнение практическую ценность этого метода. Оно подталкивает лишь, что собственно стилистическое редактирование переводов — это специфический вид работы, особый навык, который только отчасти отрабатывается при комплексной практике переводов, выполненных студентами самостоятельно.

Вывод, который отсюда следует, состоит в том, чтобы уделять редактированию особое место в курсе практических занятий по переводу с иностранного языка на русский. Вряд ли имеет смысл выделять редактирование в отдельный аспект подготовки студентов на переводческом факультете, но включение его как вида работы в курс письменного перевода было бы весьма желательным.

В какой форме можно это сделать? Одним из видов работы предлагавшейся мной на 5-м курсе переводческого факультета МПНИИ, было обсуждение параллельных текстов — оригинала и перевода. Ниже приводится образец такого материала. Слева — отрывок из пародийно-фантастического романа Д. Адамса², справа — перевод, опубликованный на русском языке журналом «Англия» (1981, № 1).

The improbability-proof control cabin of the Heart of Gold looked like a perfectly conventional spaceship except that it was perfectly clean because it was so new. Some of the control seats hadn't had the plastic wrapping taken off

Оснащенная невероятной по-защитным устройством бина управления «Золотого сердца» своим видом походила на совершенно обыкновенный космический корабль, зато из-за того, что здесь было абсолютно чисто, пластик на сиденьях еще не снят.

² Adams D. The Hitchhiker's Guide to the Galaxy. L. & Sydney. Pan Books, 1981. P. 70.

yet. The cabin was mostly white, oblong, and about the size of a small restaurant. In fact it wasn't perfectly oblong: the two long walls were tucked round in a slight parallel curve, and all the angles and corners were contoured in excitingly shapely shapes.

кий. У некоторых сидений управления еще не сняли пластиковые чехлы. Кабина управления была почти вся белая, прямоугольная, размером с небольшой ресторан. Собственно она была не строго прямоугольной: две продолговатые ее стены имели легкий изгиб параллельного профиля и все ее углы и линии были обволакуты изящными

При обсуждении этого отрывка студенты первоначально воспринимали перевод как приемлемый и не нуждающийся в правке. Действительно, смысловых ошибок русский текст не содержит и нормам русского языка не противоречит. Однако при более внимательном анализе (стояло лишь привлечь внимание студентов к звучанию некоторых фраз) в нем обнаруживались: 1) терминологические неточности («кабина управления» вместо «пульт управления», «пластиковые чехлы» вместо «подпигильники» либо «целлофановые чехлы»); 2) неудачная сочетаемость («сидения управления»); 3) семантически избыточные и стилистически неуклюжие обороты («в своем виде походила», «изгиб параллельного профиля»). При сравнении с оригиналом выявлялись также неоправданность повтора слова «абсолютно» (несмотря на повтор в английском тексте), различные логические ограничения в плане выражения русского и английского языка (например, если по-английски можно сказать The cabin looked like a spaceship, то по-русски равенство «кабина... походила на... корабль» нелогично, а надо сказать что-нибудь вроде «отсек управления был как в обычном космическом корабле»). Наконец, анализ выражений «невероятно-защитное устройство» и «обволакуты изящными чехлами» потребовал обращения к общей жанрово-стилистической характеристике текста, пародирующего одновременно язык научной фантастики и язык рекламы, причем студенты, как правило, могли предложить и виды более интересные варианты.

Кроме переводов, выполненных иностранцами (как в данном случае), для редактирования могут предлагаться отрывки из научных и дипломных работ, выполненных студентами прошлых лет (разумеется, без указания фамилий), старые контрольные переводы, а в некоторых случаях и опубликованные переводы (особенно если одно и то же произведение переводилось не один раз). Ясно, что предлагаться для анализа могут не только «отрицательные», но и «положительные» примеры, т. е. удачные решения переводчиков, хотя в этом случае у студентов меньше возможностей для собственного творчества. Еще одной формой работы может быть изучение выдающихся образцов редактор-

ского анализа — таких, например, какой мы находим в дном из старых сборников «Мастерство перевода»³, где В. М. Ошер методически, фразу за фразой разбирает один из переводов Ч. Дикенса, неизменно соотнося частные, казалось бы, переводческие решения с характером целого произведения. Чрезвычайно глубокой представляется мысль видной советской переводчицы М. Ф. Лорие, которая в предисловии к этой пубкации написала: «Возразить на эти замечания, по существу, невозможно, именно потому, что они не только умны и четки сами по себе, но неукоснительно подчинены общей концепции произведения, которая, безусловно, есть у рецензента и которая должна выработаться у всякого переводчика, прежде чем он напишет хотя бы первую строку своего перевода»⁴.

Мы видим, таким образом, что обучение редакториальному служит и умению хорошо переводить. Вот почему, по моему мнению, студенты должны не только быть в состоянии переводить сами, но и квалифицированно оценивать чужие переводы.

С методической точки зрения практика редактирования в этом анализе параллельных текстов с последующим исправлением перевода имеет ряд выпрыгивших сторон, позволяющих в какой-то мере компенсировать перечисленные в начале статьи трудности комплексной правки домашних переводов.

Во-первых, такая форма работы позволяет как бы отделить «черновую» работу переводчика (связанную, в частности, с подбором слов в словарях, определением значения многочисленных слов и конструкций и т. п.) от последующей работы над стилистическим единством перевода и его эквивалентностью оригиналу. Начинаясь переводчик еще не в состоянии справиться сразу и с тем, и с другим. Естественно, что преподаватели уделяют первоочередное внимание «технике», но на каком-то этапе нужно начать работать и над «артистизмом». Редактирование готовых переводов дает в руки студенту наименьшей мере подстроичник (хотя и в нем могут быть ошибки и даже должны быть, чтобы не усыплялось внимание к членовой и технической стороне перевода), который он должен «отшлифовать». Студентам такая работа доставляет немалое удовольствие.

Во-вторых, обсуждается не сразу много переводов (что рождает призрак некоего абстрактного идеального перевода). Один, совершенно конкретный перевод, который требуется оценить и, если надо, исправить и улучшить. Тем самым, на мой взгляд, ставится более правильный акцент на отношении оригинала и перевода, студенты приучаются к конкретному анализу. В-третьих, устраняется нежелательный личностный момент из оценки перевода. Студенты весьма охотно обсуждают не-

статки переводов, выполненных кем-то чужим, и с гораздо большей готовностью соглашаются с замечаниями преподавателя, чем если бы речь шла об их собственных переводах. Есть все основания думать, что, научившись анализировать чужие переводы, начинающий переводчик сможет более объективно смотреть и на свои.

Наконец, практика редактирования вносит известное разнообразие в фоль работы на уроке перевода, из которых доминирующими являются обсуждение домашних переводов и переводов с листа. Она уместна, видимо, к концу урока: требуя не меньшего внимания, чем эти два вида работы, редактирование тем не менее имеет напряженность, связанную с боязнью студента чего-то не понять или что-то перепутать, как это бывает при переводе листа. Здесь, впрочем, важно не передозировать, и, возможно, редактированием следует заниматься не каждый урок. Однако полезность этого вида работы требует его регулярного включения в занятия по письменному переводу.

А. Л. Коралова
(Москва)

ОСТОРОЖНО. — ФРАЗЕОЛОГИЗМ!

Термин «чужие друзья переводчика» является по сути дела метафорой, как любая метафора, может допускать различные толкования. Возможность многообразной интерпретации этого термина оказывается даже удобной, когда предметом исследования становятся фразеологизмы, эти «капризы языка», но многом определяющие его колорит и специфику.

Если на лекционном уровне проблема «чужих друзей переводчика» ужурасматривалась и неоднократно, то на уровне фразеологии и лишь затрагивалась и притом очень бегло. А между тем фразеологизмы при передаче фразеологизмов с одного языка на другой, как в учебник, так и в опубликованных переделах немалое количество, и сам этот факт говорит о том, что проблема стоит достаточно остро.

Отнюдь не претендуя дать полное разрешение данного вопроса, мы стараемся вскрыть причины наиболее типичных ошибок, наметить так называемые «зоны повышенной опасности». В этом смысле можно сказать, что настоящая статья носит скорее «этико-профилактический», нежели научно-теоретический характер, хотя, возможно, некоторые наблюдения могут оказать полезными и для общей теории перевода.

³ Тонер В. Из архива редактора // Мастерство перевода. 1966. М., 196. С. 337—362.

⁴ Там же. С. 337.

¹ См., напр. Рейкер Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский. М., 198 С. 38.

Под фразеологизмом принято понимать сверхсловные устойчивые образования с полностью или частично переосмысленным значением².

Иносказательность содержания, свойственная фразеологической единице (ФЕ), уже как будто призвана выделить ее из речевого потока, в большей мере фиксировать на себе внимание получателя сообщения. Правда, это в первую очередь относится к фразеологизмам с частично переосмысленным значением, в которых нарушена лексическая (реже лексико-грамматическая) дистрибуция. Отсутствие прототипов в числе свободных словосочетаний служит гарантеей того, что «ложными друзьями переводчика» никогда не окажутся такие ФЕ, как *sun's eyelashes* — *сны солнечных лучей* *skewз туи*, *make head against...* — *испешно сопротивляться, подниматься, восставать против*, *go the whole hog* — *делать (что-л.) основательно, доводить до конца*, *hit the headlines* — *стать темой газетных заголовков*, *попасть на страницы газет* и т. п. Даже если переводчик не знаком с тем или иным оборотом, его насторожит нарушение привычной логической связи и он непременно заглянет в словарь.

Иные обстоит дело с устойчивыми выражениями, имеющими прототип в виде свободного словосочетания (чаще это относится к пельнопересмысленным ФЕ). Правда, во многих случаях на вырчку приходится контекст³. Из него нередко постулат ситиды к недопустимости буквального толкования фразеологизма надо только эти сигналы не просмотреть. Однако иногда отрицательность объема контекста или отсутствие специфически выраженной связи с ним фразеологизма приводят к грубым переводческим ошибкам. Все компоненты выражения воспринимаются буквально, и смысл соответственно искажается. Очевидно это «зона наиболее повышенной опасности» для переводчика которую мы обозначим как зону № 1.

1. Например, не во всех контекстах легко узнать такие ФЕ как *to hang up one's hat* — *поселиться или надолго остановиться (у кого-л.)*, *to measure one's length* — *растянуться во время* *rest, groхнуться, to hold the baby* — *отдывать за кого-л.* и т. д. Предложения *He measured his length* или *He left the holding the baby* не содержат в себе необходимых сигналов на то, что их надо понимать иносказательно.

² Такого понимания придерживаются А. В. Кунин (Английская фразеология, М., 1970), И. И. Чернышова (Фразеология современного немецкого языка, М., 1970), В. Г. Так и Я. И. Рейкер (Предисловие к французско-русскому фразеологическому словарю, М., 1963).

³ Тут мы позволим себе не согласиться с утверждением С. Вайсманна о том, что связь между ФЕ и контекстом, за непониманием значения, «ничем не замечательная» (Вайсманн С., Флорин С. Непереводимые периоды, М., 1980, С. 180). Противоречие этому доказательству и приращению принципов в одной из своих статей. См.: Рудова А. Д. Смысловая структура фразеологизма и контекст. Сб. науч. Рудова М. П. ИИЯ, вып. 1983. Проблемы фразеологической лингвистики посвящена диссертация А. Э. Зыбарова «Устойчивые фразеологические средства активизации семантики фразеологизмов», М., 1984.

Фразеологизм *to dine with Duke Humphrey* — *уст. оставаться без обеда* мог по ошибке быть истолкован буквально в таком отрезке текста: «He will have no choice but to dine again with Duke Humphrey» (Ch. Dickens, *Marthin Chuzzlewit*, ch. 1).

Выражение *let one's hair down* (*букв.* «распустить волосы») подверглось двойному переосмыслению, что дало в результате фразеологизм, наделенный двумя значениями: 1. вести себя непринужденно, не считаясь с условностями; 2. разоткровенничаться, излить душу. Однако не всегда легко разграничить свободное и гуральное значения в контексте. Например: *Jane is a very nice girl. I'm sorry I've never seen her let her hair down.* Только тщательный учет всех текстовых и ситуативных факторов может помочь найти правильное решение, когда фразовый контекст оказывается недостаточным.

2. «Ложный дружба» можно назвать фразеологизмом и в тех случаях, когда они вызывают в ПД ошибочные, ложные ассоциации кареологического, так и нефразеологического характера.

Английск выражение *more dead than alive*, иногда ошибочно переведено как *ни живя, ни мертв*, означает в самом деле состояние крайней усталости.

Фразеологизм *to pull the devil by the tail* (*быть в затруднительном положении, в стесненных обстоятельствах*) может напавить русско читателя, пытающегося опереться на его выт-ренного фор, по ложному следу. Эту фразу по аналогии с русскими выражениями «держат бога за бороду» или «поймать за хвост жаптицу» можно ошибочно истолковать чуть ли не в обратном смысле («быть хозяином положения», «быть везучим»).

Образ, лежащий в основе английской идиомы *a heart of oak* также может привести к ложным ассоциациям, связанным с представлением о душевной глухоте, черствости или даже жестокости человека. В действительности же идиома имеет определенно положительную оценочность и характеризует человека как храброго мужественного, отважного.

Встретив стойчивый оборот *to pass the time of the day*, неинтересный переводчик может пойти по самому легкому пути и по аналогии с русским, формально напоминающим его «свет-нетствием», предать как «проводить время, проводить доску», (особенно, еи в контексте не имеется к этому никаких про-тивопоказаний, как, например, в предложении: *He was passing the time of di with one of his secretaries*.

На самом деле фразеологизм означает следующее: 1. злородиться, обмыватьсь приветствиями с кем-л.; 2. поболтать, проводить время кем-л.

Если не икаленным, то, по крайней мере, неточным окажется перевод *Every so often* оборотом «очень часто». Синни-мом данного выражения является фразеологизм *every now and then*, и правильным переводом предложения *Every so often he*

and I go to a football match together будет: *Время от времени (иногда)* мы вместе с ним ходим на футбол.

Не следует опираться на буквальные значения компонентов и при переводе устойчивого комплекса to give the lie to smb., так как это может привести к прямо противоположному результату, т. е. к семантическому антониму исходного выражения. Данная ФЕ означает не «обмануть кого-л.», а *уличить, изобличить кого-л. во лжи*.

3. Другая опасная зона — представлена оборотами, имеющими в рамках ИЯ сходные по форме выражения, надлежные совершенно отличной семантикой. Неумение внимательно вчитаться в текст и увидеть в каждом выражении самостоятельную языковую единицу с определенным кругом значений является причиной того, что такие фразеологизмы могут превратиться в «ложных друзей» и сослужить неблагодарную службу. Строго говоря, «ложными друзьями» они становятся опосредованно, именно из-за наличия в ИЯ сходных с ними по форме оборотов, и не будь этих «ложных связей», данные ФЕ не представляли бы для переводчика никакой опасности.

Многочетная практика преподавания перевода показывает, что выражение to wait on smb. нередко принимается студентами за очень схожее сочетание с другим пословицей — to wait for smb. и в результате простейшая фраза A beautiful girl was waiting on me in this cafe может быть переведена неправильно: «В этом кафе меня ждала (а надо: *обслуживала*) очень красивая девушка (лучше: *официантка*)».

ФЕ to make good time в таком нейтральном предложении, как We made very good time on our trip to Florida может быть ошибочно принято за выражение to have a good time. На самом деле первое относится только к быстрой езде и означает: *быстро пройти или проехать какое-л. расстояние, развить (большую) скорость*. Эту фразу следовало бы перевести так: *Мы очень быстро добрались до Флориды*.

Фразеологизм to put one's nose in означает *показываться, появляться где-л.*, и его не следует путать с выражением to put one's nose into smb's affairs — *совать нос в чужие дела*.

Этот пример, как нетрудно заметить, можно было бы отнести и к одной из двух предыдущих категорий, что лишней раз доказывает, что любая классификация условна и между группами нет непреодолимой границы.

4. К четвертой «зоне повышенной опасности» мы отнесем фразеологизмы, у которых в ПЯ имеются ложные двойники, т. е. ФЕ, совпадающие с ними по форме, но полностью расходящиеся по содержанию.

Это такие выражения, как:

wind in the head — *пустое воображение, зандайств*
(а не «ветер в голове»);

see eye eye (with smb.) — *быть полностью согласным с кем-л.* (а не «видеться с глазу на глаз»);

lead by the nose — *всечело подчинить себе* (а не «водить за нос»);

stretch one's legs — *размять ноги, прогуляться* (а не «протянуть ноги»);

stew in one's own juice — *страдать по своей собственной вине*, *губить себя кашей, которую сам заварил* (а не «варить собственным соком»);

tip smb.) earth — *разыскать, достать из-под земли* (а не «загнать кого-л. в землю»);

under one's hand — *собственноручно, за собственной подписью* (а не «под рукой»);

put (thru) salt on smb's tail — *поймать, изловить кого-л.* (а не «ссыпать соли на хвост», т. е. сделать неприятность, сильно досадить кому-л.).

Эти ФЕ — ложные друзья⁴ настолько ловушки для переводчиков, но, счастливо, число таких совпадений в сопоставляемой нами паре языков невелико, и количество ошибок относительно невелико.

Внутри дарго класса фразеологизмов можно выделить подгруппу, представляющую единицами, имеющими в ПЯ сходные по форме и осмысленно сходные по содержанию обороты, которые однако, е могут считаться эквивалентами в силу различий их семантических структур. Это выражения типа to throw dust into smb's eyes и *пускать пыль в глаза*. Общей доминирующей семой той и другого фразеологизма является «умышленность обмана». Эта тема фактически заполняет собой семантическую структуру английского оборота, что является из его дефиниции: «сивать кого-л. с толку, вводить в заблуждение = *втирать чьи*». Русский фразеологизм имеет более узкое и специфическое значение: «создавать ложное впечатление о себе у кого-л., представляя себя, свое положение и т. п. лучше, чем есть на самом деле».

Еще дальше отстоит друг от друга в смысловом отношении английская и русская идиомы with a heavy hand и с *тяжелой рукой*. Но эта семантическая отдаленность может оказаться незамеченной, к примеру, в следующем предложении: If you don't behave I'll sore down on you with a heavy hand, при переводе которого легко ошибиться: «Будешь себя плохо вести — узнаешь, какая у меня тяжелая рука». На самом деле в английской фразе речь идет об избиении, хотя в ней и содержится угроза: «Если ты себя будешь плохо вести, то тебе придется не сладко». Исходная авербальная ФЕ with a heavy hand имеет

⁴ Раньше выражениями именно такого типа ограничивался круг «ложных друзей перевода» на уровне фразеологии. См.: Рецкер Я. Н. Указ. соч. с. 38.

два значения: 1) жестоко, сурово; 2) неуклюже, неловко, грубо. Вато, — первое из которых реализуется в анализируемом предложении. Русский оборот *с тяжелой рукой* означает человека, который обладает большой силой удара, больно бьет.

5. К пятой зоне мы отнесем многозначные ФЕ, у которых и ПЯ имеются соответствия, совпадающие по форме и частично по содержанию. Собственно говоря, «ложными друзьями» называются фразео-семантические варианты⁵ этих выражений, т. е. те значения ФЕ, которые не совпадают в двух языках. К примеру, английский фразеологизм *over smb's head* — *через чью-то голову*, совпадает с русским только в одном из своих значений — «не посоветовавшись с кем-л., обойдя кого-л.», но не совпадает в других значениях: 1. выше чье-л. понимания; 2. *амер.* не по средствам; не имея возможности расплатиться.

Устойчивый оборот *on the side* имеет с русским фразеологизмом *на стороне* два совпадающих значения: 1. дополнительно, в придачу: *to take money on the side* — зарабатывать *на стороне*; 2. тайком по секрету: *"I hated it when you had your little affairs on the side."* (N. Coward. *We Were Dancing*, sc. 1) — «Я ненавижу все эти твои любовные интрижки *на стороне*». По видимому, в русском языке эти два значения более тесно связаны (первое обычно подразумевает второе, как бы включает его в себя)⁶. Английской ФЕ свойственна более четкая дифференциация значений и одновременно бо́льшая широта семантики, она наделена еще и третьим значением, которое отсутствует у русской ФЕ: 3. *амер. разг.* = с небольшим добавлением чего-л. (к основной части или порции): *A drink of whiskey with water on the side.* — «Виски, *немного разбавленное* водой».

Устойчивая императивная фраза *hands up!* совпадает с русской командой «*руки вверх!*», но русский оборот моносемантичен и не имеет второго значения, свойственного английской ФЕ: *"please, raise your hands to show your agreement"*. Например: *"Hands up if you are willing to go in for the swimming competition."* (L. D. E. 1)

6. В последнюю группу «ложных друзей» включены соответствия, которые можно было бы назвать «формально-семантическими», т. е. это ФЕ, совпадающие в соотносимой паре языков как по форме, так и по содержанию. Но по целому ряду причин — либо в силу расхождения объема содержания, либо из-за различий в лексико-грамматических дистрибуциях, либо из-за специфики оценочных нюансов значений, переводчик нередко вынужден отказываться от таких соответствий.

⁵ Этот термин построен нами по аналогии с термином «лексико-семантический вариант».

⁶ Фразеологический словарь русского языка под редакцией А. И. Молоткова включает данную ФЕ однозначно: *не у себя, не дома, в чужом месте (и др.)* — *с трудом и т. п.*

Так, английскому фразеологизму *get out of hand* соответствием можно считать совпадающую по значению и сходный по форме (за исключением числа существительного) русский оборот *отбиться от рук*. Это соответствие нас вполне устраивает при переводе следующей фразы:

"The children got out of hand the their parents were away" — «За время отсутствия родной дити совсем отбилась от рук».

Но в предложении *What caused a meeting to get out of hand yesterday?* мы вынуждены отказать от этого соответствия. «Почему собрание вчера *цпло* так неорганизовано?» — вот один из возможных вариантов перевода этого предложения. Следовательно, объем семантики сопоставляемых единиц различен. В английском язык сфера употребления фразеологизма шире: *to get out of hand* = *to get out of control*.

Несколько различна дистрибуция у следующих как будто бы абсолютных эквивалентов: *to get between the lines* и *читать между строк*. Английское выражение можно употребить как в отношении книги, статьи или иного письменного документа (что вполне соответствует негативному употреблению русской эквивалентной единицы), пример: *"To understand that columnist you have to read between the lines, otherwise his words mean nothing"*, так и в отношении устного выступления или при оценке сложившейся ситуации (что несвойственно русскому соответствию), например, *"Pressor Elton was a good speaker but you had to be able to get between the lines to follow what he said"*. Очевидно, использование русского соответствия при переводе последней фразы мешает бо́льшая буквализация глагола *читать*, или, иными словами, меньшая степень фразеологической абстракции у данной единицы в целом.

Относительным оказывается соответствие в целом *head* и *повесить голову*. И русская, английская ФЕ означают один и тот же «жест», но в английском языке он связан с чувством стыда или вины (*"his act is a sign of shame of guilt"* — LDEI, DA1), а в русском является символом горести и печали. Текстовая дистрибуция, т. е. противопоставленность использования этих оборотов в рамках ширкого контекста, по-видимому, будет различной. Ср.: «Весь *нод* повесил голову. Стоит по деревьям» (Некрасов А. Жоробейники) и *"Johnnuping his head when the teacher ask him if he broke the window"* (DA1). Для перевода английской фразы лучше использовать выражение *потупил голову* и заменить формальное соответствие свободным словосочетанием: *виновато опустил голову*.

Приходится усомниться в абсолютной полноте эквивалентности и такой ФЕ, как *to kill time*. Во время, как оценочность данного выражения нейтральна, у русского соответствия она в зависимости от ситуации в бо́льшей или меньшей степени от-

рицательна. Русское выражение *уйти время* — означает 'заполнить свободный промежуток времени каким-л. (часто пустым и никчемным) занятием'. В этом смысле оно полностью устроит нас в переводе, к примеру, следующей фразы: "To kill time, my brother and I counted all the red automobiles that passed us on the highway".

Но по крайней мере странно прозвучит дословный перевод английского предложения "What is your favorite way of killing time?" — «Как ты больше всего любишь убивать время?».

Странно потому, что *убивать время* в русском языке означает не очень приятную необходимость, тогда как в семантике английского оборота содержится явно положительная оценка, которая отмечается и в его словарной дефиниции: kill time — try to fill otherwise empty time in as interesting a manner as possible, таким образом, более точным переводом последней фразы будет: «Как ты любишь проводить свободное время?»

Давая краткий обзор вышеказанному, мы считаем нужным еще раз остановиться на следующих моментах:

Фразеологизмы — как и слова — могут оказываться «ложными друзьями переводчика». Разнообразие их типов велико, и это, к сожалению, приводит к многочисленным переводческим ошибкам. Мы попытались выделить несколько «зон повышенной опасности» при переводе ФЕ, т. е. вскрыть следующие наиболее типичные причины, ведущие к ошибочному переводу:

1. Буквальное восприятие фразеологизма и, соответственно, покомпонентный перевод его как свободного словосочетания
2. Перевод ФЕ по ложной ассоциации оборотом как фразеологического, так и нефразеологического характера.
3. Смещение в рамках ИД на этапе восприятия текста сходных по форме, но различных по содержанию ФЕ.
4. Перевод ФЕ формальным соответствием, т. е. идиоматичным оборотом, имеющим ту же форму, но другое содержание
5. Полное отождествление частичных соответствий, имеющих несовпадающие фразео-семантические варианты.
6. Использование для перевода ФЕ формально-семантических эквивалентов без учета специфики их дистрибуции, семантических нюансов и оценочных факторов.

Представляется, что внимательный подход к проблеме перевода фразеологических оборотов помог бы значительно сократить число переводческих ошибок.

При написании статьи были использованы следующие источники: Кукин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984. Фразеологический словарь русского языка под редакцией А. И. Молотова. М., 1978. Longman Dictionary of English Idioms (LDEI). A Dictionary of American Idioms by Maxell Hull Boatner and John Edward Gates (Update Editor: Adnan Makki) DAI).

Е. В. Брус, А. А. Деметев, Е. Н. Сладковская
(Москва)

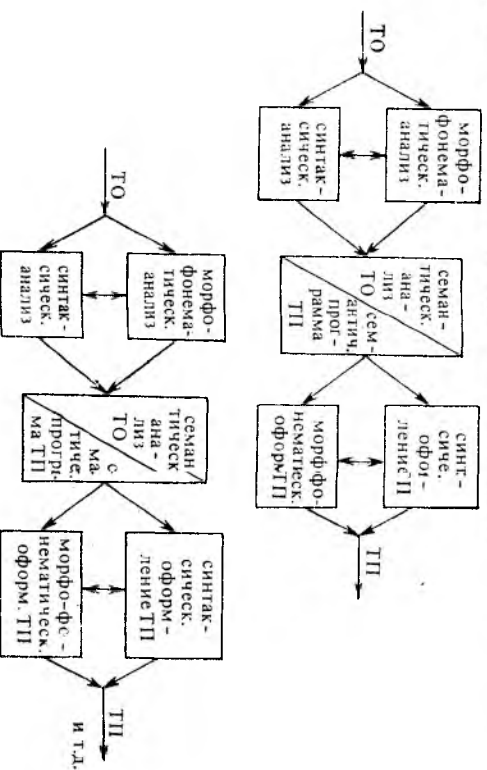
СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД: ПУТИ ОВЛАДЕНИЯ ПРОФЕССИЕЙ

Вопросы подготовки синхронных переводчиков приобретают все большее значение в свете предельно многочисленных международных мероприятий, успешная работа которых в значительной мере определяется профессиональным уровнем синхронного перевода. Особо важным является начальный этап обучения навыкам синхронного перевода, в ходе которого закладываются основы для дальнейшего развития и совершенствования профессиональной квалификации устного переводчика в ходе последующей практической деятельности.

Несмотря на имеющийся опыт подготовки синхронистов на курсах переводчиков ООН и Высших курсах переводчиков при МПНИИ им. М. Тореза, методически основы обучения навыкам синхронного перевода еще не сжигались, что приводит к определенным трудностям, особенно в создании новых учебных центров для подготовки устных переводчиков таких, например, как Высшие курсы переводчиков при Тбилиском государственном педагогическом институте иностранных языков им. И. Чавчавадзе.

В этой связи представляется целесообразным изложить некоторые соображения методического характера по данной проблеме с учетом опыта подготовки синхронных переводчиков на Высших курсах переводчиков МПНИИ им. М. Тореза и обучения навыкам синхронного перевода студентов V курса переводческого факультета упомянутого института.

Для практических целей обучения процесс синхронного перевода (СП) можно представить в вид ряда последовательных операций с текстом оригинала (ТО) текстом перевода (ТП), представленных на следующей ниже схеме.

Предлагаемая схема СП имеет весьма упрощенный вид, и ней, в частности опущены операции, или блоки, самоконтроль, не учитывается вероятный прогноз переводчика на всех уровнях восприятия и порождения речи, не отражена работа оперативной памяти. Тем не менее она содержит узловые моменты переводческого процесса, которые необходимо прежде всего иметь в виду при разработке методики подготовки синхронного переводчика. Как видно из схемы (вертикальное расположение блоков подразумевает одновременность выполнения операций), СП начинается с морфо-фонематического и параллельно идущего синтаксического анализа ТО, в процессе которого линейная последовательность развертывающихся во времени лексических и синтаксических единиц речи, поступающих в слуховой анализатор переводчика, подвергается фонематической, морфологической и синтаксической обработке. В процессе этой обработки определяются фонетические и просодические характеристики речи: темп, интонационно выраженная или невыраженная эмоциональность оратора, акцент, наличие или отсутствие фонетических искажений и т. п. Кроме того, устанавливается круг референциальных и грамматических значений, идентифицируются грамматические и синтаксические структуры.

На этапе семантического анализа происходит уяснение смысла содержания воспринятого отрезка ТО на основе просодического морфофонематического и синтаксического анализа и с учетом коннотативных и прагматических значений и коммуникативной направленности ТО, заранее известной переводчику или прогнозируемой им. Иными словами, воспринятая и обработанная на первом этапе анализа развернутая поверхностная структура речевого сегмента преобразуется в свернутую глубинную семантическую структуру, которая и послужит семантической программой для построения поверхностной структуры соответствующего отрезка ПП.

Семантическая программа на следующем этапе переводческого процесса получает синтаксическое и морфо-фонематическое оформление в соответствии с нормой языка перевода и вербализуется переводчиком.

Все перечисленные этапы переводческого процесса при СП, кроме анализа начального сегмента ТО, происходят одновременно с проговариванием ПП, т. е. оформлением и вербализацией семантической программы соответствующего речевого отрезка. Одновременность восприятия устной речи и порождения перевода и представляет собой главную особенность СП по сравнению с другими видами перевода и обуславливает необходимость, приобретения специфических навыков и знаний.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что методика обучения синхронному переводу прежде всего должна быть ориентирована на развитие у слушателей базового навыка от непосредственного восприятия устной речи и порождения перевода. Освоение этого навыка требует длительной и дифференцирован-

ной подготовки, основанной на комплексном подходе к проблемам поэтапного усвоения и развития навыков одновременного слушания и говорения, умения распределять и переключать внимание, быстрой переводческой реакции в экстремальных условиях синхронного перевода.

Развитию навыка одновременности восприятия и проговаривания помогают так называемые упражнения «слежения», при которых слушателем зачитывается цепочка слов, которые следует повторять за преподавателем без отставания на языке оригинала. Обязательным условием этого упражнения является то, чтобы слова в цепочке были связаны одним понятийным или ассоциативным полем или описывали некоторый предмет деятельности. В этом случае слушателю дается задание по окончании упражнения ответить на вопрос: что было ключевым понятием в цепочке? или какой предмет можно описать с помощью этой цепочки слов? и т. п. В этом случае само упражнение нацеливает не на механическое повторение и удержание в памяти некоторых лексических единиц, а на осмысление некоторой воображаемой ситуации, что, во-первых, развивает верностный прогноз, а, во-вторых, тренирует навыки семантического анализа в условиях одновременного слушания и говорения. Это упражнение способствует развитию оперативной памяти будущих переводчиков и, что немаловажно, расширяет тематический словарный запас, способствуя переводческой активизации словаря. Упражнение на слежение обязательно получает логическое завершение в упражнении на перевод.

Развитию оперативной памяти способствует упражнение по резюмированию изложенного содержания небольшого (не более 5 минут звучания) отрывка, который зачитывает преподаватель. Последующим этапом является аудирование более продолжительных отрывков оригинальных выступлений с последующим резюмированным переводом при особом акценте на необходимость передачи вековой информации. Предшествовать такому упражнению может также упражнение на «слежение», но уже не на цепочках слов, а на связанном тексте, который затем может резюмироваться на языке перевода.

Параллельно с развитием базового навыка синхронности восприятия и перевода проводится кропотливая работа по стабильности и укреплению навыков, связанных с каждым из описанных выше этапов СП. Так, для выработки у слушателей умения воспринимать быструю речь или выступления ораторов, говорящих с акцентом, используется упражнение по «слежению», суть которого состоит в том, что переводчик повторяет за выступающим каждое слово, устранив в случае необходимости акцент и другие фонетические неточности. Для такого вида работы безусловно требуются пленки с текстами реальных выступлений. Однако преподаватель может читать текст и сам. В этом случае полезно варьировать скорость чтения, добиваясь от слушателей полного и точного воспроизведения текста при любых условиях

его подачи. При этом не следует ограничивать задание только слежением за оратором. Дополнительным заданием к упражнению по «слежению» обязательно должны быть вопросы, касающиеся содержания стороны текста — самые общие: о чем шла речь? и более конкретные, касающиеся деталей, аргументации приводимых в тексте фактов и, наконец, вопросы, касающиеся коммуникативного задания текста.

Хорошее понимание ТО предполагает наличие у переводчика тезауруса по целому ряду отраслей человеческой деятельности, к числу которых относятся не только социально-политические, но и специальные области знания. Без широких фоновых знаний такая универсальная деятельность, как синхронный перевод, вызывает большие трудности. Однако и при наличии большого тезауруса и обширных фоновых знаний начинающий синхронный переводчик зачастую испытывает определенные трудности и мгновенному нахождению необходимого эквивалента. Субъективно такая трудность воспринимается им как некоторое косновязичие. Причина здесь в том, что при большой концентрации внимания на семантическом анализе ТО и составлении семантической программы ТП на поиск необходимой лексико-грамматической единицы вербализуемой поверхностной структуры языка перевода времени практически нет, она должна быть уже наготове. То есть, желательно уже на этапе семантического программирования иметь готовые структуры, речевые штампы, клише, наиболее частотные фразы и словосочетания (по тематике ТО) на языке перевода, которые займут так хорошо известный начинающему синхронному переводчику вакуум, когда «смысл ясен, а слова нет». Решить эту проблему хотя бы частично помогут упражнения на прямое перекодирование с предшествующим «слежением». Так, у начинающих переводчиков могут возникнуть затруднения при передаче так называемых слов широкой семантики, перевод которых возможен только с опорой на контекст. Для практических целей желательно, чтобы студент имел своего рода «дежурные» русские эквиваленты таких слов, передающие их наиболее часто встречающиеся значения, например:

pattern — закономерность, форма, структура
challenge — задача, проблема, трудность
routine — регулярный
habitat — местообитание, среда
marginal — периферийный, минимальный
philosophy — принципы, подход
history — развитие
inspiring — убедительный, эффективный, конструктивный

При обучении СП с английского языка на русский у студентов также следует вырабатывать навык передачи английских словосочетаний с помощью русских глаголов. Это не только

повышает качество русского текста, но и способствует его компрессии, срапте:

He gave us sharp awareness of the situation. — Он позволил нам глубоко осознать происходящее.
I wish to press my profound concern. — Я глубоко озабочен.

Одна из рудностей перевода вообще и СП в частности, заключается, присущей каждому языку специфической сочетаемости слг. В качестве примера можно назвать английские атрибутивные сочетания, где позицию определяемого элемента нередко занимают слова, не имеющие легю находимого соответствия в русском языке. Слушателей необходимо ознакомить с основными приемами передачи подобных словосочетаний, позволяющими айтн русский эквивалент в условиях предельно ограниченного бюджета времени. Основной подход заключается в определении ядра словосочетания и отскаания его русского эквивалента. Перевод определяемого элемента осуществляется в этом слге с опорой на его общее значение и сочетаемость русского слга в лидерной позиции, сравните:

down-to-elt research — исследование *практического характера*
confusion attempt — попытка *внести путаницу (спутать карты)*
gratituous acts of barbarism — *беспринципные (ничем не спровоцированные)* акты насилия

Другой способ состоит в замене атрибутивной синтаксической связина другой тип связи, чаще всего сочинительной, сравните:

complaining difference of the international community — проявление *посчительства* и равнодушия со стороны международного общества
callous regard — проявление *черствости* и неуважения

Аналогичный подход используется при переводе глагольных словосочетаний, сравните:

to meet threats to international peace — *отразить угрозу* международному миру

Говоря о особенностях этапа порождения ТП, следует отметить, что в двух наиболее существенных его моментах, а именно компрессии и парафразе. Метод мыслговой компрессии исходного текста при СП следует понимать творчески, а не как простое усечение высказываний. В своем стремлении к максимальной сжатой форме ТП переводчик, конечно, использует такие

приемы компрессии, как передача парных синонимов: одним словом, использование антонимического перевода, опущение вспомогательных фраз и «упаковочной» лексики. Но основным резерв компрессии состоит в использовании метода парадфармид под которым понимается возможно более краткое изложение важнейшей информации, заключенной в ТО. Развитию навыков парадфармид помогает упражнение по выявлению информативных «пиков» в небольшом отрывке на иностранном языке, который зачитывает преподаватель, с последующим реферативным пересказом верховой информации на русском языке. Для закрепления навыка парадфармид переработанный текст переводится синхронно. В ходе практических занятий у слушателей необходимо вырабатывать психологическую установку на то, чтобы они не «держались за слово», а стремились к пересказу услышанного в максимально сжатом виде.

Качество СП во многом зависит от переводческого и аналитического, поэтому соответствующий этап перевода заслуживает особого внимания. На начальной стадии обучения СП переводчик выступлений должен предшествовать подробный анализ трудных для синхронного перевода мест, идиоматических сочетаний клише, пословиц, синтаксических комплексов и т. п. В скобках следует заметить, что такой работой достигается двоякая цель. Во-первых, облегчаются задачи СП, и слушатель сможет уделять больше внимания выработке базового навыка, во-вторых, расширяется его словарный запас и общее знание языка оратора. Практика занятий по синхронному переводу в языковом вузе показывает, что их отдача может быть большей при условии вызнания тематики уроков по СП с теми вопросами, которые обсуждаются на занятиях по другим аспектам преподавания языка, в частности, практики письменного перевода на русский и иностранный языки.

Важное значение имеет умение пользоваться контекстом при прогнозировании последующей части высказывания и восполнении пропущенных или неточно понятых слов. Для этих целей полезно упражнение по переводу стандартных текстов с вычлениением неизвестных слов и незавершенных предложений.

На этапе порождения ТП необходимо также уделять особое внимание развитию навыка самоконтроля.

И, наконец, в отношении того, что касается прототипирования ТП, то уже на начальном этапе обучения необходимо выработать правильную манеру перевода, делая особый акцент на устранение шумового фона, обработку дикции, плавность и дачи материала и интонационную оформленность высказывания.

Закрепление и усовершенствование полученных навыков осуществляется на основе усложнения материала для СП, связанного с фонетической, грамматической и стилистической спецификой перевода выступлений представителей развивающихся стран (Индии, Пакистана), стран Африки и Юго-Восточной

Азии, а также ускоренным темпом речи ораторов. Это дает возможность охвата разнообразной тематики выступлений наряду с различными отклонениями от нормативного английского языка.

Особого внимания заслуживает достойная целенаправленная работа над нормативным русским языком перевода с точки зрения структурно-синтаксической строгости конструкции и правильной сочетаемости. В этом плане наряду с регулярным прослушиванием международных обзоров и чтением прессы можно рекомендовать участие в прениях, дискуссиях и развитии у себя навыка выступления перед широкой аудиторией.

Павел Гругко
(Москва)

ПОИСК ЕСТЕСТВЕННОЙ НЕЕСТЕСТВЕННОСТИ
(ВОССОЗДАНИЕ ОБРАЗА ПОЭМЫ ЛУИСА ДЕ ГОНГОРЫ-И-АРГОЕ
«СКАЗАНИЕ О ПОЛИФЕМЕ И ГАЛАТЕЕ» НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Это произведение, одно из наиболее барочных у великого испанского поэта XVII века Луиса де Гонгоры-и-Арготе, требует определенных познаний и немалых усилий даже от читателей испанского оригинала. С избытком наделенная приемами изощренного стиля, поэма избивает темными местами, порой трудно поддающимися расшифровке, — в то же время многие из ее октав светятся неповторимыми, поразительно свежими красками¹. Содержание поэмы — любовный эпизод к Акиду, выдвигая ревность и гнев Полифема, который убивает соперника, — история, пересказанная многими авторами и прежде всего Овидием, однако неро Гонгоры придало этому сюжету редкостную яркость и завершенность.

При переводе главной трудностью и явилось воссоздание образа поэмы, которая должна восприниматься современным русским читателем, как произведение «культуриста», эрудита, не только знакомого со всем объемом позднерококожденческой культуры, но намеренно «затемняющего» свое творение. Сам Гонгора объяснил, почему он это делает: «То, что находится в подсудном данных тропов, будучи открытым, силой завоевательского сознания и, завоевав его, доставляет ему удовольствие». Именно словами, Гонгора хотел пробудить любопытство читателя, разжечь его страсть разгадывать, лезть себе разгадкой.

Что же это за тропы? Каковы способы их воссоздания на русском языке?

Прежде всего рассмотрим лексический материал, словесную массу.

Это, во-первых, широкий круг имен, названий и понятий филологических (таких, как *Талия*, *Полифем*, *Галатея*, *Нептун* и т. п.), географических (*Низбда*, *Уэльва*, *Пиренеи*, *Евфрат*, *Эритрея* и т. п.), космографических (*Солнце*, *созвездие* и т. п.).

¹ Работая над переводом «Сказания» и других произведений Гонгоры, в основном, опирались на труды Дамасо Аюнсо, значительные исследования и переводчиков Гонгоры трудно переоценить.

и т. п.). Они легко поддаются воссозданию и — в силу несколько большей отдаленности русской культуры от античной мифологии и средневековой географии — хорошо «работают» на стиль поэмы в прозе, особенно в случаях придания отдельным именам архаичного написания: *Талья*, *Нептун*. В отдельных местах, из сражений рифмовки и для большего «ритмического удобства» заменяли латинское имя греческим аналогом (*Амур* — *Нидон*) и наоборот, исходя из того, что сам Гонгора не был педователем в этом.

Во-вторых, эвфемизирующее стиль заимствование слов из других языков (все всего из латинского). За невозможностью черпать в большинстве случаев из этого источника (и нерациональностью, ибо русского слуха нет родственной чуждости к латыни, как у испанского), мы решили в данном случае использовать русские анимы и редкие синонимы, зачастую черпая из старославянского, итрающего в данном случае роль «русской латыни».

Это такие глаголы, как *наказывать*, *мнить*, *торить*, *сребрить* и т. д.; существительные *целница*, *чертог*, *зрск*, *аллея*, *овчар*, *нерсты*, *око*, *перлы*, *оратий*, *первоприниматель* и т. д.; прилагательные *полноный*, *норовистый*, *светозарный*, *тороватый* и т. д.; наречия *окей*, *доселе*, *стократ*, *тяжел* и т. д. и другие формы: *сей*, *св*, *вкруж* и т. д.

Из этого материала в сочетании с обычными, общепотребительными словами реконструировались изобразительные гонгоровские приемы.

Во-первых, меторы-затрадки, которые у Гонгоры образуются эпигетом, соединяются с подчас далеким существительным: *de la teta boste* — *земли зевок* (пещера); *la exrptida gta* — *выжатый кин* (вино); *apbas lices bellas* — *два дванных голнца* (глаза); *miño dios* ... *de la venda* — *младенец-бог в новязке* (Амур) и т. д.

Во-вторых, замательные гонгоровские двугленные, распаханые, как крыльбабочки, строки:

reipat el vienicaliga la selva —
ветров не рещи, не згетель дубрав;
que un silvo jua u un repasco sella —
призывом сет, большой валун запором;
o ruputa neva, o pive goja —
снег пурпурный иль пурпур снеговой.

В-третьих, прудливые «волоты» инверсии, как в этом фрагменте октавы

Be как болаша мускулов гор
свелый сей (Нептун сын, сращидла,
чезрак на сфере лба пыла с утра
поч что ровней старшего светла)
цион...

В четвертых, большие, порой переходящие из октавы в октаву периоды.

В пятых, аллитерации, как мягкие, так и обостренные и черкнутые: *перстами идет он густые струи; птиц полнотучиных безобразный сброд; он блещ в златую затоцил подвеску; шерсть как снег, пушит бока вершинам; доныне гордый испрох Гаитеу; обвил стволы и обнял валуны.*

* * *

Лишь в некоторых, особо сложных случаях, мы позволили себе поиск эквивалентов, исходя из функции образа, стараясь при этом посылить сохранить его структуру, а также звуковые и колористические черты, как, например, в этом случае: *quinte e rosas la alba u goscicet el dia — na malheu dia menyet mak k d'v'niца, когда, за отсутствием совпадающих по корню слова и делов, мы заменили пару rosas — goscicet на malhea — макд, переся внимание с корневого подобия на звуковое (при созвучии «цветочной» природы образа) и усилив аллитерационности заряд строки новой парой день — денница.*

Немаловажным сочли мы и воссоздание «плотности» русского поэтического материала с помощью повышенной «компрессии», сжатия, напряжения строки, а порою и целых блоков, что сблизжает, на наш взгляд, перевод с барочным оригиналом и в части с испанским стихосложением вообще, в котором наглядно «синалефы» (соединение воедино последнего слога слова с первым слогом следующего слова) и дифтонгов повышают удельный вес строк: *колы ты уже у стен Уэльвы, граф; столы, в страхе углих, пыл гонит смело; чем, нежа юный вяз лозой, в в пасты; и т. д.* При этом мы исходим, в противовес некоторым нормам «благочтения», из того, что русская речь, при всех консонантных языках, обладает прекрасными артикуляционными возможностями, звуковым символизмом, который в данном случае как нельзя более уместен.

В отдельных случаях нами были намеренно оставлены неточности, встречающиеся у Гонторы, как например: *previene tal filmipante trompa — onpreжает гул сляпаний луг.*

Выбирая способ рифмовки, мы сочли необходимым чередовать от начала до конца поэмы мужские и женские рифмы, что соответствует балансу окончаний в русской поэзии. Перевод с ними женскими рифмами, какие только и наличествуют в оригинале «Полифема», практикой русского стихосложения считается как монотонность.

Для придания ритму менее закованного хода, мы допустили использование ударений, «возбуждающих» канонический и надатисложный ямб, что, к слову сказать, «намекает» на свое акцентированную структуру испанской синтактики. К примеру:

Была как большая мускулов гора... ('— — — — —')

Верней для аспиды в траве засады... ('— — — — —')
Коих и Акид умолитъ спешит... ('— — — — —')
Что зятя, нарекла его рекой... ('— — — — —')

* * *

Избранный метод перевода мы определили бы как формально (но отнюдь не формалистически) «жесткий» метод, максимально использующий приемы самого автора для перевыражения формы, которая является как бы «еще одним содержанием». Иными словами, последовательно заимствуя у Гонторы, как у «интеллектуалиста» несколько странных для языка перевода средства (по примеру его самого, открытию заимствовавшего и других источников), мы таким образом попытались воссоздать образ поэмы.

Разумеется, данный подход уместен далеко не всегда, а лишь в случаях, подобных этому, когда «естественна неестественность», когда имеешь дело с произведением подобного стиля, который Дамасо Алонсо назвал «кондесатом, уплотнением до крайности всех элементов поэзии Возрождения».

ЛУИС ДЕ ГОНТОРА-И-АРТОТЕ

Поэма о Полифеме и Гаитее

(1) Поэт просит графа выслушать его стихи.¹

Стихи, чей звучный мне насканз строй премудрой Тальей, что пастушкой минется, когда — мой граф! — багряною порой на малбву дня менет мак денница, — услышь, злата Нибды мрак сырой, стихи, что извлекла моя цевница, коль ты уже у стен Уэльвы, граф, ветров не режешь, не гнешь дубрав.

(2) Чтобы стихи могли быть услышаны, поэт просит охотничьих животных утомиться.

Пусть на руке сокольника сонливо лопит перо прескщенный ловец или на жердочке, столь тих на диво, что чуткий не очнется бубенец; узду златую — теню — пусть лениво посеребрят арабский жеребец; и пес уймется на шелковой шнуре. А зычный рог уступит цитре в споре.

(3) Поэт просит графа, пользуясь отрывком на охоте, выслушать в августейший твой проник шатер

¹ Для кратких объяснений строф взяты извлечения из работы Дамасо Алонсо «Гонтора и "Полифем"», в скобках — подражательные номера строф.

шать стихи, обещая
достойно прославить
ими господина.

(4) Поэт указывает
место действия поэ-
мы (это Сицилия) и
начинает описание
пещеры Полифема.

(5) Описание пеще-
ры Полифема.

(6) Завершается
описание пещеры.

(7) Описание само-
го Полифема.

(8) Продолжение
описания Полифема.

напев свирепый, спетый исполином.
Твой вкус дай Музам усадить, сеньор,
и пусть моя ликующим зачином
рожка (а он у Фамы — не второй)
в земных пределах род прославит твой

Там, где подолгу Лилибея рьяно
понт сицилийский пеною сребрит
(таит ли эта полость горы Вулкана
иль этот склеп Тифея прах таит?),
где бледный пепла след хранит поляны,
чей тяжким ремеслом унижен вид
или позывом гнусным, — кляпом стала
высокая скала во рту провала.

Убранством скудным стынут над скадой
стволы, их кронам, схожим с дикой
безветрием обязана и мглой
пещера больше, чем скале понурой,
слепое ложе и приток гнилой
для жуткой ночи, а приметой хмурой
птиц полуночных безобразный сбород,
чьи клки скоробы и тяжег погет.

Таков провал, который в толще черной
разъят земли томительным зевком,
где Полифем, гроза округи торной,
глухой чертог обрящет, темный дом
и для овечьих стад загон просторный:
все кражи скрыты мрачные кругом
их массами склепичиним, которым
призывом дикий свист, валун затвором

Был как богища мускулов гора
свирепый сей (Нептунов сын, страшило
чей зрак на сфере лба пылал с утра
почти что ровней старшего светила)
пиклоп, кому сосна, сколь ни храбра,
жердиной легкой став, трусливо льстят
под грузным гнетом, тоньше тростника
день — посох овчара, другой — клока

Чернеющих волос поток волнистый —
подобье сумрачных летейских вод,
терзает пряди ветер норовистый,
спаданшие грязно и вразлет,
а бороды каскад (как сын печистый
спаленных Пиреней) на грудь течет,
чьи неумого, изредка и вусе
перстами педит он густые струи.

(9) Поэт рассказы-
вает, как Полифем
убивает самых сви-
репых зверей.

(10) Плоды из сумы
Полифема.

(11) Перечисление
плодов

(12) Поэт описыва-
ет инструмент Поли-
фема и воздействие
этой дикой музыки.

(13) Любовь Поли-
фема к Галатее.
Описание нимфы.

(14) Продолжение
описания.

же овчиной стал тот, кто пугал
его, кто крался призраком убогим,
олов к загону с пахоты гоня
о смутным тропам меркнувшего дня.

ума, где плод круглится налитой,
неуший с поздней осени все ложа
равы, чья спорит мягкость с добротой:
ябина, чья морщит на сене кожа
груша с колыбели золотой
оломы, чья ревнивая охрана
спрячет плод, и наведет румяна.

3 косматой коже сумы — каштан
с айвой, ни финиковой, ни зеленой)
яблоко, чья розовость — обман
отличне от бледности смущенной
с дуба (гордость гор — он, как тиган,
ыл веку золотому доброй кроной)
кар и еда (хоть груб сей плод и плох)
невиннейшей и лучшей из зпох.

Дес возмущен и на море ненастно,
ломает свой завитый рог Тритон,
оглохли парус и весло от зыка, —
этой Полифема яростна музыка!

Поряды дочь ему всех нимф милей,
когда-либо рожденных в пышной пене,
То Галатея, престель Грэйей ей
Венера подарила в упоенье.
Два светозарных ока, звезд ясеней,
белейшее венчают оперенье:
Юноны лебедь, а равно павин
Венеры, столи Нептуновых глубин.

Аврора в нимфе чистоту лилей
сигела с кармином розы огневой,
смущен Амур: что впору Галатее —

(15) Любовь морских божеств к Галаее. Нимфу полюбил Главк.

снег пурпурный иль пурпур снеговой?
Зря подражает жемчуг Эрипреи
ее чешу: разгневан бог слепой —
на ушке перламутровом, в отместку,
он блеск в златую заточил подвеску.

На зависть нимфам, боги, сколь ни б-
их в море, отдают сердца шадунье:
малыш крылатый горд, всепеню путь
верша на раковине по лагуна.
Зеленокудрый, чью стесняет грудь
не чешуя, а стоны, — Понтий втуне
гордычку на возке из хрусталя
умчать в серебряные минг поля.

(16) Другой морской бог — Палемон (называемый Гонгорой Палемом), тоже влюблен в Галаеку, которая его отвергает.

Морской юнец — лаазурь чела в кораб-
нейших — Палемон, кому казной
вода от Маяка на згибных скалах
до Мыса оконечности иной, —
как Полифем (пусть в меньших, но
терзанных) к ветроногой нимфе той
стремится, что, его заслышав пени,
в цветах быстра, как он в кипищей по-

(17) Продолжение темы предыдущей строфы

Красавице бегущей стать бы рад
плывец влюбленный сладостной преной —
пусть и не аспидом для дивных пят-
плодом златым для быстроты смущен-
но разве лестный блеск и смертный я
вольны пресечь полет стрелы, перен
презрением? Дотоная когда и где
косую на земле дельфин в воде!

(18) Начало описание Сипили.

Сицилия — рог Вакха, сад Помоны,
шедера на все, что прячет и родит:
тот множит пышные гроздей короны
а та румяные дары плодит,
Цереры воз здесь летним целом скл-
пшеничные от веку не шадит,
торят к ее колосьям сырым трофы,
как муравьи, провинции Европы.

(19) Завершается описание Сипили. Любовь, которую испытывают к Галаее все мужчины острова.

Горам завидным Палес воздает
шедрес, чем Церера всем равнинам
Здесь в поле золотого града гнет,
там шерсть, как снег, пушит бока
И все, кто снег стрижет, и злато ж-
и чаны полнит выжатым кармином.

(20) Дары, прине-
нные ей пахарями,
вирами и сад-
никами.

от веры или страсти нимфу тут
за божество, пусть и без храма, чтут.

Но все же есть алтарь: там, где крылатой
волною пенной смочен берега скал, —
первые оставляет там орадай,
овчар — слепое первоплодые стад,
рог Альмаген, в благах товаровой,
садовник ивовой циновке рад
отдать, которую слетала ловко
дочь скромная, сколь ни проста циновка.

(21) Воздействие на
нимфой острова лю-
бви к Галаее.

Пылает младость, и неспешный плут
лишь гладит земли, что взрезал доселе,
волом едва влачимый, чей досуг,
хозяйскому под стать, — бдуждать
без пастухов, что им свистел, на дуг
бредут стада, не слыша, чтоб скрипели
праши: там, где пастух-бедняк исчез,
свистит — зефир, скрипит — дубовый лес.

(22) В отсутствие
многочисленных в Га-
лае пастухов, пси
охраняют стадо,
и волки нападают
на него.

Пес ночью нем, а днем, меж скал блуждая
из тени в тень, где ляжет, там и спит.
Скот блещет, жалким блебнем рождён
тень волка, что из тьмы ночной хрипит.
Он кровь одной, жестокость усталая,
на то, что кормом для другой, кропит.
Свист воскреси, Амур, иль пусть в тенета
хозяйина возьмет, как пса, дремота!

(23) Галаея отды-
хивает у ручья и за-
мечет под напезы
нимф.

А быстроногая, под лавр упав,
чей ствол ожогов солнечных не знает,
жасмины (коих столько, сколько трав,
вкрут снега чресел) над ручьем склоняет.
Со сладким стоном сладкий стон связав,
один другому соловей попевает,
руляной в сон глаза ее маяя,
дабы три солнца не спалили дня.

(24) В разгар жа-
ры, к месту, где
сидит Галаея, при-
ближается Акид:
железавшись к ру-
чью, он пьет, глядя
на спящую нимфу.

Как сатамандра в Солнце, Пес рычаний,
еропилт шкуру звезд своих, когда
(ныль во власах, пот на челе, слепящий,
как молнии из бисерного льда)
явился Акид: видя Запад спящий
двух нежных солнц, чей сон двоят вода, —
он ртом и взором пьет, про все забывший,
хрусталь текущий и хрусталь застывший.

(25) Краткое описание Акида.

Был Акид — Купидонова стрела — рожден Симетис дивной и сатиром, в ком совмещен вид мужа и козла, — и был он чти́м земным и водным миром. Так стал магнит пленительный наш, поклонник — спашим ослеплен кумиром, богатый тем, что дарит бедный сад, дают коровы и дубы растут.

(26) Дары, которые Акид оставляет около спящей Галатеи.

Миндаль с небесной влагой загустел, чья мажорность зелена, но не крепка, близ нимфы ставит он в плетеньке белое и масла ком на листьях тростника, а в легкой пробке, выделки умелой, златое чадо дуба-старика, — сладчайший улей из дупла, в чьи недра весна нектар на воск сочила щедро.

(27) Акид освежает руки и лоб водой из ручья. Робкий ветерок веет над местом, где спит Галатея.

Горюч, ручью он руки отдаст и холод струй ко лбу подносит ими между двух мирт, подобных в пене в зеленым пальтам с перьями седлыми. Фавоний вольной кисей разделит питает льсти́во вздохами своими над ложем (нет воздушней гаммака!) чьи тени свежи, а трава мягка.

(28) Плеск воды, которой умывается Акид, пробуждает испуганную Галатею.

Едва, вскипев, ручей серебрянозвонный нарушил плеском тишину полей, она, обидев свой принят зеленый, косою стала собственных лилей. Бежала бы, но столь студен рождением в груди испуг, разлитый ленью в ней, что стынет быстрой лё́т и легкость от льдистых перьев и капканов снега.

(29) Галатея находит дары Акида, но не видит того, кто их принес.

Мед в пробке видит, стусток молока на тростнике и рядом плод в корзинке, но где дароподатель, чья рука, дара, богиню чтит и сон богини? Сто раз пропасть готова, но пока немалый знак сей льстивой благости, хоть изваянье снега холодней, волненья потеснив, дал думы ей.

(30) Нимфа думает, на чей счет отнести подношение. И тогда Амур решает сообщить, неприязнь, ко-

нет, не Циклоп — виновник лютости, не гнусный фавн и не иной урод, живущий в сельве, чью узду жгет, ослабило, а сон трикрат плетет. Младенец-бог в повязке, — вот чья

торую выказывает
но всем Галатея.

(31) Амур ранит стрелой Галатею, в сердце нимфы возникают сомнения.

пышнейшую добычу, дар высот готовят дереву матери в трофеи — донныне гордый норов Галатеи.

И с веток той, чей больше ствол ручьем оглещен, — мирты, что выросла степенно, в хрустальный тул зланыи острем грудь белую он превратит мгновенно. И ливница непокорная тайком разглядывает щедрый дар смиренно, пеня, что хозяйку даров хозяином — дремучий леса кров.

(32) Галатея не верит имени дароносца. Она ищет, находит Акида, который притворяется спящим.

Она бы позвала, но оробела, не зная, как зовется чаровник, каков, хоть кистью робкою умело творит фантазия желанный лик. Стопы, чей страх утих, пыл гонит смелю в тень, где предстал пугливой в тот же миг на ложе поля — иль на поле брани — юнец, сокрывший сном свое желанье.

(33) В трех (связанных по смыслу) описаниях Галатея видит притворно спящего Акида. Возмущение юношеской красоты на нимфу.

Зрит вид его и, в сне не усомнясь, нависла на одной ноге над сонным (с дремлого мирась, на ложь ярый риторики немой, сокрытой оным), — не так гнездо венчает птичий князь, порою лучем слетая оперенным на коршуненка, коему была укрытием возвышенным скала.

как нимфа, в состязании учтивом, не только спящего венчает сон, но и не рада нежным переливам ручья, чей робкий уняла бы звон. Следы из-за ветвей за этим дивом, — как радужно набросок оживлен, который начертал в ее сознанье Амур, что кистью грудь терзал ей ране, —

получше место выбрав, зорко зрит в чертах его могучих то, что мило не мягкостью, чей не сразил бы вид, а силой, чья краса ее сразила. Волос его копна смущенным льстит лучам почти запавшего светила; пушок у рта его — цветник, чей цвет не столь цветущ, поскольку дремлет свет.

(36) Природная краса мнее приукрашенной: в бесхитростной красоте Акида заключен любовный яд, жадно испытый Галатеей.

(37) Лукавый Акид, притворяясь спящим, внимательно следит за Галатеей.

(38) Акид порывается поцеловать ногу Галатен.

(39) Успокоившись, Галатен позволяет подняться счастью вому Акиду. Описание места, которое станет ложем любви.

(40) Они чувствуют любовное влечение, глядя на двух голубков и слыша их воркование.

(41) Акид порывается приласкать Галатену, та мягко уклоняется, что еще

Верней для аспиды в глуши засады там, где нестрижен милый взору лот, чем тщательно причесанного сада изысканно-приятный уголок,— его мужавый лик Амур для яда быть сладостной привадою обреч; и Галатен, не страшась нимало, пьет все жаднее зелье из фиала.

И юноша, сколь прорезь ни мала для сна дозорного, следя, как разом и неспокойна нимфа, и смега, в лицо ей впился Аргусом столбазым; он линзой в думы ей проник,— чела ни бронзой не укрыть ей ни алмазом в своих пададионах так Эрот, стен не сломав, огонь вовнутрь ведет.

И в тот же миг, покинув дремы лоно, младую гордо он являет стать, к ногам, слоеной кости, пал влюбленно, чтоб золотого котурна целовать. Так моряка не может с небосклона луч предугаданный перекупать, тем паче буря, чьи ясны затей,— нет равной—оторопи Галатен.

Не столь дичилва, а скорей нежна, веля счастливцу разогнуть колени, юнца с улыбочко блазнит она не сну продолжение дать, а раздрых лещи Утес крутой, чья волгута стена, их, как шатер сокрыл в прохладной тени где плещ—его завесы зелены— обвил стволы и обвил валуны.

А на ковре, чьим изумрудным флером унижен Тирский (ведь его шелка не зря, спрядя нити червем спорым, ткала Весна, искусна и ловка),— под миртой, самой пышной, льнут с задором

друг к другу—этот пылок, та легка голубка к голубку, их страсть похороше на рог любви, влюбленных слух тревожит Борканьем хриплым пыл младой развратно Галатен мягкие уклады предел отваге Акида кладут и хору птиц, чьи возбуждают стоны.

больше горячт юношу.

(42) Первый поцелуй Акида. Влюбленный дожжд; цветотв усыпаетместо, ставшее для влюбленных брачным ложем.

(43) Близится день и восход солнца, в эту пору Пифем поднимается к вершину скалы.

(44) Возбравшись на скалу, Пифем играет на свой свирели. Страх имфы, услышавшей умузыка.

(45) Любовь ужас не позволяетГалатее бежать. Поэт Подифем, ежед сыграв на свирели. Чтобы описать это, поэт просит помощи у муз.

(46) Подифе: невозможносниму, чья нежность срывается с гвоздикамиеллизана—с лебелми, а величавость—? павлином.

Он меж плодов и волн как тот, чей труд—вечный голод и огни уроны: не малый ад, когда близ райских нер, хрусталь—уклончив, а плоды—как снег.

Едва позволил голубым задорным рубиновых два клюва слить Эрот,— в гвоздику впишись, Акид этом проворным два лепестка карминовых сосет. Левком белым и фиалкам черным, сколь Книд и Пафос их плодит,—с высот Амур ниспастает дает на то, что позже заменит брачное влюбленным ложем.

Дыханье—дым, а уран—огонь, хотя и в мыле удилла.—Этот пронесся туда, где, грековы столпы злата, коляски жаркой омочил колеса, когда, слеп от любви, гитант, ныхтя, верх гордого обременил утеса, что на берегу застыл скалистом, как немаз вышка и сленой маяк.

Судья горам и брегу,—беззаботно он влил, застыв на выступе крутом, во флейты, кои воск свяжут плотно,дыхание, как мех, огромным ртом; и нимфа, выив им, стала бы охотно былинкой, перстыю на ветру, листом, чем, нежа юный вяз лозой, в напасти не жить от страха, умирать от страсти.

Но лозы рук, хрустальные, крепки,—любовь их вьет и страх неизреченный вкрут бедного ствола, что на куски топор изрубит, ревностью точеный. Меж тем пещеры, холмы и пески, певницей грубою, предвосхищенный, настит, как гром, все пепельный глас: вам, Пифиды, уступил расказа!

«О Галатен, чья краса нежнее Авророй отягчаемых гвоздик и снежных перьев кликуна снежнее, чей сладок над волной последний крик; ты важной пилцы краше и пышнее, чей синий веер столбых глаз тайник, сколь звезд в небесном светится сафире! Но два твоих—прекраснейшие в мире!

(47) Гигант умоляет
Галатею покинуть море и ступить
на берег.

Тетиды светловласых дочерей
и волн бегу, — пусть море подвинется:
хоть свет исчез с колыского лучей,
его двоят в глазах отроковица.

Пускай от безизны твоих ступней
в песке ракушка всякая сребрится, —
им дивная твоя дает нога
зачать — не от росинки — жемчуга.

(48) Полифем молит
выслушать его
папав.

Глухая дочь глубин, как ветру — скалы
не внималешь ты стенающему мне;
крадут ли красностволе кораллы
мой стон, тебя баюкая на дне,
иль под нестройных раковин хоралы
(грубой музыки — да! — нет в глубине)
ты водишь хоровод, — услышишь, сколь
нежест

мой голос, пусть глашатай и отвержси

(49) Полифем пачинает
восхвалять
свои богатства, снача-
ла описывая ста-
да.

Пастух я, но стадами так богат,
что доли полною, сколь ни широки,
уступы исключая горных гряд
и рек сушу обильные потоки;
но вымена сколь щедро ни струят
и сколь в моем ни наконилось оке, —
там молока, здесь слез, — величина
богатств моих и бед моих равна.

(50) Полифем пре-
возносит свои вла-
дения и обилие меда.

Сочась нектаром, глушь, благоухая,
тайком от коз-прожор мне припасла
побольше ульев, чем цветков ниная
сочла, мечась, сметливая пчела,
там, старшие стволы обременяя,
рон в апреле, взмывши из дупла,
членился в мас, чтоб янтарь в усаде
сесть, прядя лучей златые пряди.

(51) Он ставит свои
достоинства, моля
Галатею не отвер-
татъ столъ могу́чего
му́жа.

Юпитера бескрайних волн я сын,
хоть и пастух; ужель не льстит гордыне,
что на хрустальном троне властелин
тебя обнимет, как сноху, в пучине, —
откликнись Полифему, он один
могуч на берегу, таких понине
Феб не видал от Инда жарких вод
до Волги вялой, заточенной в лед.

(52) Циклоп бахва-
лится своим ростом.

Я, сила, не прошу рукой могу́чей
на кроне пальной плод паливной,
а встав, я заслоно тенистой кру́чей
стада бесчисленные в летний зной.
Высок ли я, коль зря покрыться тучей

(53) Полифем рас-
сказывает, как за-
манив в глать спл-
ванного моря, уви-
дел свой огромный
линт.

спешит гора, чтоб вровень быть со мной,
коль на небе могу, как на скижали,
напечатлеть перстом мои печали?

На камне в море кладку бегелга
гнездо венчающая альциона,
когда сафиром светлого стекла
лагуна скрала облик мой влюбленно.
Там, узрив солнце моего чела,
я узрил и зеницу небосклона —
не ведала — чей верх — вода-удья:
циклоп ли в небе иль небесей я.

(54) Полифем гово-
рит, что, подобно,
он сменил жест-
кость на доброту.

С других дверей огонь являет взору
отростки лет, а пасть, где блещет клык, —
зверь, чей крутой хребет размером
с горю —
как вострый частокот гелльветских пик,
а голову — тот, кто в нину гору
за то платился ему, что проник
в грот, где, твоей обязан благостыне,
утратив путь, приют обращет ныне.

(55) В двух октавах
Полифем упоминает
и имени генуэзско-
го корабля, набито-
го посточными тов-
рами

Корабль богатый берега песок,
разбившись в щепы, целовал уныло
богатствами, которые Восток,
прельщаясь, изрыгнул из пастей Нила.
В тот день уздой нежнейшей ярый рот
пучины възблденной остепенела
(и ветер, необузданный досель, —
вожжами сладкими) моя свирель,

когда о глыбы волн ломая реи,
бук лигурийский, что разьят в куски,
благоуханные токи Сабен
и полные Камбая сундуки

(заморский дар, умноживший трофеи
скалстой Сциллы) вынес на пески —
злосчастный хлам, который гарпий своры
два дня от моря уносили в горы.

(56) Полифем рас-
сказывает о приеме,
данном потерпев-
шему кораблекру-
шение, который по-
мирил ему...

Второй доской стал генуэзцу грот —
и телу гостя и его товарам;
лишь эти высохли, оживший тот,
о страшном расказав крушение с жаром,
за лучший мой, в соломее зрелищ, плод
из бивня зверя, что, пугая Гап,
нес башни, сокрушая строй фаланг,

(58) ...искусно выделанные из слоной кости лук и колчан, которые Полифем предлагает в дар Галатее.

(59) Полифем прерывает напев, чтобы прогнать коз, разоряющих виноградник. Крики и камни достигают укрытия Галатеи и Акида.

(60) Галатее и Акида бегут в сторону моря.

(61) Зоркий Полифем замечает Галатею и Акида.

(62) Отложив огромную скалу, он бросает её в Акида.

лук дивный и колчан блестящий — стави искусника, украсившего кость, Малакский принц богине в дар на Янус послал их, как про то поведал гость. Взяв в руки лук, а на плечо оправу, мать превзошла и сыну вызов брось, чтоб тотчас стать под этим небосклоном морской Венерой, горным Купидоном».

Ужасный голос, но не боль певца, об эту пору прерывают козы, чьи рожки мерзкие и чья трусца на Бахусовы посягнули лозы, гроздь нежную губы. Его лица звероподобен вид, страшны угрозы, и столько мечет вадунов праща, что поколеблен занавес плюща.

И два влюбленных сердца сладкозвучны нежнейших уз разрыв тугой клубок, по жесткой гальке, среди тернов тучных, выскучут волн морских крылами ног не так ли, вызволив от птиц докучны посев, неосторожный страж совок и заячьё чету, два дружных пыла, свел конх розный пот, бразда сдружнны

И уэзвив—дикий муж—неслышный сноп испуга снежного к морской пучине (стоить зорек, что на того, пусть даго ливийца зрит, чей легок шит в пустыне) и отрока,—сколь древних буюков мол ревнивый гром смутит, смутил в теснине так, упредив развять мутных туч, опережает гул сплывший луч.

Он в ярости безмерной вырывает из кручи горной болышную из плит метнув ее, он юношу сбивает,— нет урн грузней, тяжеле пирамид. И нимфа слезно к божествам вызывает коих и Акида умолишь спешит, и тут же кровь, что выжал пнет фаталино те обратили в чистый ток хрустальный

(63) Этот поток выдает в море, где и встречен Доридой

Как только плоть его утнетена была столпом ужасного утеса,— столпы дерев, чья дивна толщина, текущий бисер вен омыл белесо. Кость белая,—жемчужная волна,— целую дол, сребрит пески откоса: Дорида, с неизбывною тоской, чья зятя, нарекла его рекой.

(1) El poeta pide al conde que escuche sus versos.

Estas que me dictó rimas sonoras, culta sí, aunque boscólica, Talía — ¡oh excelso conde! —, en las purpúreas horas

que es rosas la alba y rosíder el día, ahora que de luz tu Niebla doras, escucha, al son de la zampónia mía, si ya los muros no te ven, de Hueiva, peinar el viento, fatigar la selva.

(2) Para que puean ser escuchados los versos, el poeta pide ahora quietud a los animales de la casa.

Templado, pula en la maesta mano el generoso pájaro su pluma, o tan mudo en la alcándra, que en vano aun desmentir al cascabel presume; tascando haga el freno de oro, capo, del caballo andaluz la ociosa espuma; gima el lebrei en el cordón de seda. Y al cuerno, al fin, la cítara sucede.

(3) Pide el poeta al conde que aproveche la suspensión de la caza para oír sus versos. En otra ocasión contará como se le recen las alabanzas de tan gran señor.

(4) Nos indica el poeta el lugar de la acción: Sicilia. Al inicio de la estrofa introduce ya la caverna de Polifemo.

Donde espumoso el mar siciliano el pie argenta de plata al Lilibeo (boveda o de las fraguas de Vulcano, o tumba de los huesos de Tifeo), pálidas señas cenizoso un llano — cuando no del sacrilego deseo — del duro oficio da. Allí una alta roca mordaza es a una gruta, de su boca.

(6) Termina la descripción de la caverna.

De este, pues, formidable de la tierra hostezo, el melancólico vacío a Polifemo, horror de aquella sierra, bárbara choza es, albergue umbrío y redil espacioso donde encierra cuanto las cumbres ásperas cabrió, de los montes, esconde: copia bella que un silbo junta y un peñasco sella.

(7) Comienza la descripción de Polifemo.

Un monte era de miembros eminente este (que, de Neptuno hijo fiero, de un ojo ilustra orbe de su frente, émulo casi del mayor lucero) ciclope, a quien el pino más valiente, bastón, le obedecía, tan ligero, y al grave peso junco tan delgado, que un día era bastón y otro cayado.

(8) Continúa la descripción de Polifemo.

Negro el cabello, imitador undoso de las oscuras aguas del Leteo, al viento que lo peina proceloso, vuela sin orden, pende sin aseó; un torrente es su barba impetuoso, que (adusto hijo de este Pirineo) su pecho inunda, o tarde, o en var surcada aun de los dedos de su mano.

(9) Cuenta el poeta cómo Polifemo mata las alimañas más fieras.

No la Trinacria en sus montañas, fiera armó de crueldad, calzó de viento, que redima feroz, salve ligera, su piel manchada de colores ciento: pellico es ya la que en los bosques era mortal horror al que con paso lento los bueyes a su albergue reducía, pisando la dudosa luz del día.

(10) Frutas del zurrón de Polifemo.

Cercado es (cuanto más capaz, más lleno de la fruta, el zurrón, casi abortada, que el tardo otoño deja al blando seno de la piadosa hierba, encomendada: la serba, a quien le da rugas el heno; la pera, de quien fue cuna dorada la rubia paja, y — pálida tutora — la niega avara, y pródiga la dora.

(12) Nos describe el poeta el instrumento de Polifemo y los efectos de su salvaje música.

Cera y cañamo unió (que no debiera) cien cañas, cuyo, bárbaro ruido, de más ecos unió cañamo y cera albugues, duramente es repetido. La selva se confunde, el mar se altera

(13) Amor de Polifemo a Galatea. La descripción de esta ninfa.

rompe Trilón su caracol torcido, sordo huye el bajel a vela y eno: tal la música es de Polifemo

(14) Continúa la descripción de Galatea.

Ninfa, de Doris hija, la más bella, adora, que vio el reino de laespuma. Galatea es su nombre, y dule en ella el terno Venus de sus Graciassuma. Son una y otra luminosa estella lucientes ojos de su blanca puma: si roca de cristal no es de Neptuno, pavón de Venus es, cisne de Jino.

(15) Amor de los dioses marinos a Galatea: Glaucos, enamorado de la ninfa.

Purpúreas rosas sobre Galatea la Alba entre liliros cándidos deshoja: duda el Amor cuál más su cor sea, o púrpura nevada, o nieve roja. De su frente la perla es, erirea, émula vana. El ciego dios se enoja, y, condenado su esplendor, le deja pender en oro al nácar de su ojea.

(18) Una rápida descripción de la isla de Sicilia.

Invidia de las ninfas y cuidado de cuantas honra el mar delicias era; pompa del marinero niño alado que sin fanal conduce su veyera. Verde el cabello, el pecho no escamado, tonco sí, escucha a Glaucos laribera inducir a pisar la bella ingrata, en carro de cristal, campos de plata.

(19) Termina la descripción de Sicilia. El amor que todos los hombres de la isla sienten por Galatea.

Sicilia, en cuanto oculta, en cuanto ofrece, copa es de Baco, huerto de Jomona: tanto de frutas ésta la enriquece, cuanto aquél de racimos la corona. En carro que estival trillo parece, a sus campañas Ceres no perdona, de cuyas siempre fértiles esigas las provinias de Europa sor hormigas.

(21) Efectos que el

A Pales su viciosa cumbre debe lo que a Ceres, y aún más, si vega llana; pues si en la una granos de oro llueve, copos nieva en la otra mil de lana. De cuantos siegan oro, esquían nieve, o en pipas guardan la exprinida grana, bien sea religión, bien amor sea, deidad, aunque sin templo, e Galatea.

amor a Galatea produce entre la juventud de la isla.

(22) Sin pastores, ab-sortos en el amor de Galatea, los perros no vigilan, y los lobos hacen destrozos en los rebaños.

(23) Galatea descansa junto a una fuente, donde, con la música de las aves, queda dormida.

(24) En la mayor fuerza del calor, llega Acis a aquel sitio donde reposa Galatea. Se inclina a beber en la fuente, pero, mientras tanto, mira a la ninfa dormida.

(25) Breve descripción de Acis.

(26) Ofrendas que Acis deja junto a Galatea dormida.

peinan las tierras que surcaron antes, mal conducidos, cuando no arrastrados de tardos bueyes, cual su dueño errante sin pastor que los silbe, los ganados sin cruidos ignoran resonantes, de las hondas, si, en vez del pastor por el céfiro no silba, o cruje el robre.

Mudo la noche el can, el día, dormido de cerro en cerro y sombra en sombra yacía Bala el ganado; al misero balido, nocturno el lobo de las sombras nace. Cébase; y fiero, deja humedecido en sangre de una lo que la otra padece. ¡Revoca, Amor, os silbos, o a su dueño el silencio del can siga, y el sueño!

La fugitiva ninfa, en tanto, donde hurta un laurel su tronco al sol ardiente tantos jazmines cuanta hieba esconde la nieve de sus miembros, da a una fuente Dulce se queja, dulce le responde un ruiseñor a otro, y dulcemente al sueño do sus ojos la armonía, por no abrasar con tres soles el día.

Salamandria del Sol, vestido estrellas, latiendo el Can del cielo estaba, cuando (polvo el cabello, húmidas centellas, si no ardientes aljófares, sudando) llegó Acis; y, de ambas luces bellas dulce Occidente viendo al sueño blando su boca dio, y sus ojos cuanto pudo, al sonoro cristal, al cristal mudo.

Era Acis un venablo de Cupido, de un fauno, medio hombre, medio fieta en Simetis, hermosa ninfa, habido; gloria del mar, honor de su ribera. El bello imán, el ídolo dormido, que acero sigue, idolatra venera, rico de cuanto el huerto ofrece pobre, rinden las vacas y fomenta el robre.

El celestial humor recién cuajado que la alhembra guardó entre verde y blanco en Blanca mimbre se lo puso al lado, y un copo, en verdes juncos, de manito en breve corcho, pero bien labrado,

(27) Acis se refreca las manos y la frente en el arroyo. Un suave vienteillo sopla sobre el sitio donde duerme Galatea.

(28) Al ruido del agua con que se refreca Acis, despierta sobresaltada Galatea.

(29) Galatea encuentra junto a sí las ofrendas de Acis, pero no al que allí había puesto.

(30) La ninfa se queda pensando a quién podrá atribuir la ofrenda. El Amor, entonces, se propone vencer el desdén que todos ha mostrado Galatea.

(31) No sabe Galatea el nombre de quien le había hecho los regalos. Se pone a buscar, y encuentra a Acis que se finge dormido.

(32) Más enamora

un rubio hijo de una encía hueca, dulcísimo panal, a cuya ceca su néctar vinculó la primavera.

Caluroso, al arroyo da las manos, y con ellas las ondas a su frente, entre dos mirtos que, de esuma canos, dos verdes garzas son de a corriente. Vagas cortinas de volante vanos corrió Favonio lisonjeramente a la (de viento cuando no sea) cama de frescas sombras, de metuda grama.

La ninfa, pues, la sonora plata bullir sintió del arroyuelo apenas, cuando, a los verdes márgenes ingrata, segur se hizo de sus azucenas.

Huyera: mas tan frío se desata un temor perezoso por sus venas, que a la precisa fuga, aal psto vuelo, grillos de nieve fue, pluma de hielo.

Fruta en mimbres halló, leche exprimida en juncos, miel en corcho, nas sin dueño; si bien al dueño debe, agrdecida, su deidad culta, venerado l sueño.

A la ausencia mil veces ofendida, este de cortesia no pequeño, indicio la dejó — aunque ecatua helada — más discursiva y menos aterada.

No al Cíclope atribuye, no, a ofrenda; no a sátiro lascivo, ni a o'fo feo morador de las selvas, cuy'rienda el sueño afija, que aflojó l deseo. El niño dios, entonces, de a venda, ostentación gloriosa, alto tofo quiere que al árbol de su padre sea el desdén hasta allí de Galtea.

Llamáralo, aunque muda, las no sabe el nombre articular que má querria; ni lo ha visto, si bien pince siave lo ha bosquejado ya en su antasia. Al pie — no tanto ya, del amor, grave — fia su intento; y, tímida, e la umbría cama de campo y campo depatalla, fingiendo sueño al cauto sárzón halla.

En la rústica greña yace entullo

natural belleza que
la muy adornada: en
la hermosura sin ali-
ño de Acis se oculta
un veneno de amor
que Galatea bebe an-
siosamente.

(37) El astuto Acis
está, en medio de su
fingido sueño, muy
atento a todas las
reacciones de Gala-
tea.

(38) Acis intenta be-
sar el pie de Galatea.
Gran sobresalto de
la ninfa.

(39) Serenada Gala-
tea levanta al dicho-
so Acis. Descripción
del lugar en que se
reclinan los enamo-
rados.

(40) Son incitados
al amor al ver y es-
cuchar cómo se están
arrullando dos palo-
mas.

(42) Primer beso de
Acis. Flores llueven
profusamente sobre
el que ya es tálamo
de los amantes.

el áspid, del intonso prado ameno,
antes que del peinado jardín culto
en el lascivo, regalado seno:
en lo viril desata de su vulto
lo más dulce el Amor, de su veneno;
bébelo Galatea, y da otro paso
por apurarle la ponzoña al vaso.

Acis — aún más de aquello que dispensa
la brújula del sueño vigilante—,
alterada la ninfa esté o suspensa,
Argos es siempre atento a su semblante.
línce penetrador de lo que piensa,
cíñalo bronce o mútelo diamante:
que en sus paladiones Amor ciego,
sin romper muros, introduce fuego.

El sueño de sus miembros sacudido,
gallardo el joven la persona ostenta,
y al marfil luego de sus pies rendido,
el coturno besar dorado intenta.
Menos ofende el rayo prevenido,
al marinero, menos la tormenta
prevista le turbó o pronosticada:
Galatea lo diga, salteada.

Más agradable y menos zahareña,
al mancebo levanta venturoso,
dulce ya concediéndole y risueña,
paces no al sueño, treguas sí al reposo.
Lo cóncavo hacía de una peña
a un fresco sitial dosel umbroso,
y verdes celosías unas hiedras,
trepando troncos y abrazando piedras.

Sobre una alfombra, que imitara en vano
el tírto sus matices (si bien era
de cuantas sedas ya hiló, gusano,
y, artífice, tejó la Primavera)
reclinados, al mito más lozano,
una y otra lasciva, si ligera,
paloma se caló, cuyos gemidos
—trompas de amor— alteran sus oídos.

No a las palomas concedió Cupido
juntar de sus dos picos los rubies,
cuando al clavel el joven atrevido
las dos hojas chupa carmesíes.
Cuantas produce Pafo, engendra Gnido,
negras violas, blancos alhelies,

(43) Ya avanzado el
día y próximo el sol
a la puesta, subió Po-
lifemo a la cima de
un peñasco.

(44) Toca desde la
cima del peñasco su
zampoña Polifemo.
Temor de la ninfa al
oír esta música.

(45) Amor y temor
impiden toda huida a
Galatea. Y comienza
a cantar Polifemo,
cuya voz había sido
preludiada por la
zampoña. Pide el po-
eta ayuda a las mu-
sas para reproducir-
lo.

(46) Polifemo invoca
a Galatea comparán-
dola en suavidad
con los claveles, en
blancura con el cisne
y en majestad con
el pavo real.

(47) Invita el gigan-
te a Galatea a salir
del mar y pisar la
playa.

leven sobre el que Amor quiere que sea
llamo de Acis ya y de Galatea.

S aliento humo, sus relinchos fuego,
s bien su freno espumas, ilustraba
la columnas Etión que erigió el griego,
d el carro de la luz sus ruedas lava,
cando, de amor el fiero jayán ciego,
li cerviz oprimió a una roca brava,
ge a la playa, de escollos no desnuda,
lterna es ciega y atalaya muda.

Abitro de montañas y ribera,
aento dio, en la cumbre de la roca,
a os albugues que agregó la cera,
e prodigioso fuelle de su boca:
la ninfa los oyó, y ser más quisiera
bave flor, hierba humilde, tierra poca,
que de su nuevo tronco víd lasciva,
merta de amor, y de temor no viva.

Ms — cristalinos pámpanos sus brazos —
aor la implica, si el temor la anuda,
alinfelice olmo que pedazos
lasegur de los celos hará aguda.
Ls cavernas en tanto, los ribazos
que ha prevenido la zampoña ruda,
eltrueno de la voz fulminó luego:
inferido. Piérides, os ruego!

¡Oh bella Galatea, más suave
que los claveles que tronchó la aurora;
blanca más que las plumas de aquel ave
que dulce muere y en las aguas mora;
igual en pompa al pájaro que, grave,
sumanto azul de tantos ojos dora
cuantas el celestial zafiro estrellas!
¡Oh tú, que en dos incluyes las más bellas!

Dija las ondas, deja el rubio coro
delas hijas de Tetis, y el mar vea,
cundo niega la luz un carro de oro,
que en dos la restituye Galatea.
Pia la arena, que en la arena adoro
cuantas el blanco pie conchas platea,
curo bello contacto puede hacertas,
sin concebir rocío, parir perlas.

(48) Ruégaie que escuche su canto.

Sorda hija del mar, cuyas orejas a mis gemidos son rocas al viento: o dormida te hurten a mis quejas purpúreos troncos de corales ciento, o al disonante número de almejas —marino, si agradable no, instrumento coros leyendo estés, escucha un día mi voz, por dulce, cuando no por mía.

(49) Comienza Polifemo a ponderar sus riquezas. Y habla primero de sus rebaños.

Pastor soy, mas tan rico de granados, que los valles impido más vacíos, los cerros desaparezo levantados y los caudales seco de los ríos: no los que, de sus ubres desatados, o derivados de los ojos míos, leche corren y lágrimas; que iguales en número a mis bienes son mis males

(50) Continúa Polifemo jactándose de su hacienda. Su abundancia de miel.

Sudando néctar, lambicando olores, senos que ignora aun la golosa cabra, corchos me guardan, más que abeja florífera liba inquieta, ingeniosa labra; troncos me ofrecen árboles mayores, cuyos enjambres, o el abril los abra, o los desate el mayo, ámbar distilan y en rucas de oro rayos del sol hilan.

(52) Jactase el ciclope de su estatura.

Sentado, a la alta palma no perdona su dulce fruto mi robusta mano; en pie, sombra capaz es mi persona de innumerables cabras el verano. ¿Qué mucho, si de nubes se corona por igualarme la montaña en vano, y en los cielos, desde esta roca, puedo escribir mis desdichas con el dedo?

(54) Cuenta Polifemo cómo el amor ha cambiado de cruel en piadoso.

Registra en otras puertas el venado sus años, su cabeza colmilluda la fiera cuyo cerro levantado, de helvecias picas es muralla aguda; la humana suya el caminante errado dio ya a mi cueva, de piedad desnuda, albergue hoy, por tu causa, al peregrino, do halló reparo, si perdió camino.

(59) Interrumpe su canto Polifemo para ahuyentar a unas cabras que estaban dañando unas vides.

Su horrenda voz, no su dolor interno, cabras aquí le interrumpieron, cuanta —vagas el pie, sacrilegas el cuerno a Baco se atrevieron en sus plantas. Mas, conculcado el pámpano más tierno

Llegan las voces y las piedras al lugar donde están Galatea y Acis.

viendo el fiero pastor, voces él tantas, y tantas despidió la honda piedras, que el muro penetraron de las hiedras.

(60) Galatea y Acis huyen hacia el mar.

De los nudos, con esto, irás suaves, los dulces dos amantes desatados, por duras guijas, por espigas graves solicitan el mar con pies alados: tal, redimiento de importunas aves incauto mesguero sus sembrados, de fiebres dirimió copia, así, amiga, que vario sexo unió y un surco abriga.

(61) Descubre a Galatea y Acis la penetrante vista de Polifemo. Lleno de rabia y celos, da un horrible grito.

Viendo el fiero jayán, con paso mudo correr al mar la fugitiva nieve (que a tanta vista el líbico desnudo registra el campo de su adarga breve) y al garzón viendo, cuantas mover pudo celoso trueno, antiguas hayas nueves: tal, antes que la opaca nube rompa, previene rayo fulminante trompa.

(62) Arranca una enorme peña y la lanza sobre Acis. Las deidades marinas hacen que del aplastado cuerpo de Acis salga límpida agua en vez de sangre.

Con violencia desgajó infinita, la mayor punta de la excelsa roca, que al joven, sobre quien la precipita, urna es mucha, pirámide no poca. Con lágrimas la ninfa solicita las deidades del mar, que Acis invoca: concurren todas, y el peñasco duro la sangre que exprimíó, cristal fue puro.

(63) Va corriendo hasta llegar al mar. Allí lo recibe Doris.

Sus miembros lastimosamente opresos del escollo fatal fueron apenas, que los pies de los árboles más gruesos calzó el líquido aljófiar de sus venas. Corriente plata al fin sus blancos huesos, lamiendo flores y argentando arenas, a Doris llega, que, con llanto pio, yerno lo saludó, lo aclamó río.

VIII. НАША ИНФОРМАЦИЯ

В. Н. Комиссаров

(Москва)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ (ФИТ): СОЮЗ ПРАКТИКИ И ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

В декабре 1988 г. Международная федерация переводчиков (ФИТ) будет отмечать 35-ю годовщину своей деятельности. Созданная в 1953 г. на учредительной ассамблее, а работе которой участвовали представители переводческих организаций шести стран, ФИТ за прошедшие годы превратилась в широкую и представительную профессиональную ассоциацию переводчиков всей планеты, объединяющую в настоящее время 49 переводческих союзов из 38 стран. О росте влияния и международного престижа Федерации, на первом конгрессе которой в 1954 г. были представлены лишь десять стран, свидетельствует не только ее количественный рост, но и признание ее заслуг международным сообществом: в 1970 г. ФИТ получила статус неправительственной организации категории «А» при ЮНЕСКО — Организации ООН по вопросам образования, науки и культуры. Всей деятельностью ФИТ руководит Совет Федерации, возглавляемый ее президентом. Президент и члены Совета избираются на Всемирных конгрессах ФИТ, проводимых каждые три — четыре года. С 1981 г. пост президента Федерации занимает известная переводчица и общественная деятельница Болгарии Анна Димова.

Создание Международной федерации переводчиков является выражением осознания переводчиками всего мира общности целей и профессиональной специфики всех видов переводческой деятельности, важной роли и ответственности переводчиков в обмене культурными ценностями и научно-техническими достижениями, в укреплении дружбы и взаимопонимания между всеми народами. С самого начала своего существования Федерация стремилась объединить в своих рядах всех переводчиков как литературных, так и технических, включая в последнюю категорию переводчиков всех видов информативных материалов — научно-технических, экономических, юридических, общественно-политических и тому подобных.

Много сделала ФИТ для повышения престижа переводческой профессии, защиты профессиональных прав переводчиков, улучшения и улучшения условий и оплаты их труда. К десяти-

годовщине создания ФИТ была разработана и принята на четвертом Конгрессе ФИТ, состоявшемся в 1963 г. в Дубровнике (Югославия), Хартия переводчика. Положения этой Хартии легли в основу первого в истории международно-правового документа, посвященного защите прав переводчиков во всем мире, — «Рекомендации по юридической защите переводчиков и переводов и по практическим мерам с целью улучшения условий труда переводчиков», единодушно принятые представителями 143 государств — членов ЮНЕСКО на генеральной конференции этой организации в Найроби в 1976 г.

Характерной чертой всей деятельности ФИТ является стремление Федерации внести существенный вклад во все стороны переводческой деятельности, способствовать улучшению практики перевода и развитию теории перевода, повышению уровня подготовки переводчиков и росту их квалификации. На конгрессах ФИТ, наряду с вопросами, связанными с защитой авторских прав переводчиков и улучшением условий их труда, всесторонне обсуждались проблемы качества переводов, разработки научнотехнической терминологии, лингвистического образования переводчиков, специфики работы переводчиков для театра, телевидения, радио, кино и т. д. Особо следует отметить обсуждение на конгрессах ФИТ таких общественно-значимых тем, как: «Перевод как фактор сближения между народами», «Миссия переводчика в настоящем и будущем», «Переводчики и их положение в обществе» и т. п.

Федерация ведет большую работу по укреплению переводческих организаций в различных странах, организует и подготавливает многочисленные конференции, симпозиумы и другие формы, на которых рассматриваются важнейшие вопросы практики и теории перевода. В рамках Федерации действует ряд специализированных комиссий и комитетов, занимающихся детальным изучением отдельных сторон переводческой деятельности. Значительный вклад в дело развития теории и практики перевода вносит журнал ФИТ «Бейбл» («Вавилон»), другие публикации, издаваемые Федерацией или по ее инициативе.

Важной вехой в истории ФИТ является десятый Конгресс Федерации, проходивший в Вене с 17 по 23 августа 1984 г. На этом юбилейном Конгрессе ФИТ подвел итоги своей тридцатилетней деятельности и наметила основные направления будущей работы. Характер многочисленных докладов и сообщений, сделанных на Конгрессе его участниками, среди которых находились видные теоретики перевода и выдающиеся переводчики со всех концов земного шара, наглядно демонстрирует масштабность и значимость деятельности Федерации. Именно поэтому хотелось бы более подробно ознакомить читателей «Терадей переводчика» с работой этого представительного форума.

Конгресс собрал свыше 500 делегатов из 43 стран. На заседаниях пяти рабочих групп Конгресса было заслушано 62 доклада, представленных докладчиками из различных стран, а

также несколько десятков сообщений по важнейшим вопросам теории и практики перевода. Тексты всех докладов и значительной части сообщений опубликованы в сборнике материалов Конгресса¹.

На торжественном открытии Конгресса с докладом выступил известный австрийский лингвист Марио Вандрушка. Отметив, что попытки заменить «живого» переводчика переводческой машиной, не привели к ожидаемым результатам, М. Вандрушка в то же время подчеркнул, что исследования в этом направлении дали возможность создать «банки данных», «автоматические словари» и ряд других технических усовершенствований, которые отнюдь не заменят переводчика, но окажут ему неоценимую помощь в работе. Значительная часть доклада М. Вандрушки была посвящена рассмотрению таких особенностей естественного языка, как многозначность, нечеткость, имплицитность, метафоричность языковых и речевых единиц, которые по-разному проявляются в многочисленных языках, существующих в нашем мире. Языком свойственна неопределенность, неточность, непоследовательность, и все эти качества, которые с лингвистической точки зрения могут считаться недостатками, на самом деле, способствуют превращению языка в гибкий, творческий, стимулирующий инструмент человеческой мысли, чувства и фантазии. Они создают неограниченные возможности варьирования способов языкового выражения. Именно эти свойства языка делают задачу переводчика чрезвычайно сложной и в то же время столь творческой и увлекательной. Язык — это не просто средство передачи информации. Коммуникация предполагает достижение взаимного понимания между людьми и в обеспечении такого понимания, диалога и заключается высокая миссия перевода и переводчиков. В свою очередь, изучение переводческой деятельности раскрывает новые перспективы для ряда областей познания и прежде всего для лингвистики. Как подчеркнул М. Вандрушка, даже переводческие ошибки отражают важнейшие стороны реальных процессов речевой коммуникации в человеческом обществе.

Основная работа Конгресса проходила в рабочих группах. Первая рабочая группа рассматривала круг вопросов, связанных с различными между художественным и «нехудожественным» переводом. В ряде докладов, прочитанных в этой рабочей группе, рассматривалась специфика каждого из указанных видов перевода, обусловленная прагматической направленностью и языковыми особенностями переводимых текстов, а также требования, которые к видам перевода предъявляет заказчик, знаниями, умениям и литературным способностям переводчика. Вместе с тем большинство выступавших подчеркивали единство переводческой деятельности, общность методов и приемов, ис-

X Weltkongress der FIT. Der Übersetzer und seine Stellung in der Öffentlichkeit. Wilhelm Braumüller, Wien, 1985.

пользуем переводчиками всех типов, наличие в каждом виде переводящих элементов, характерных для другого вида.

Некоторые доклады в первой рабочей группе касались более общих проблем теории перевода, которые выходят за рамки вопросов о этических между указанными видами перевода. Особый интерес в этом отношении представляют выступления И. Найды и С. Янчаренко.

Ю. Нада говорил о четырех подходах к переводу: филологическом, лингвистическом, коммуникативном и социосемiotическом. Центре филологического подхода лежит текст, главным образом, его структура и стилистические особенности. Основная проблема при таком подходе состоит в противоставлении буквального и вольного перевода. Недостаток такого подхода заключается прежде всего в пренебрежении лингвистическими аспектами процесса перевода. При лингвистическом подходе в центре внимания находится соотношение между двумя языками лексическом и синтаксическом уровнях. (В качестве примера приводится работа Дж. Катфорда). Этот подход, по мнению Ю. Нада, не учитывает в достаточной степени функцию коммуникации. Третий подход к переводу, основанный на теории коммуникации, сосредоточивает внимание на участниках, условиях воздействия коммуникативного процесса, но его невозможно сравнить с тем, что не принимаются во внимание социальные условия и особенно межличностные отношения между коммуникантами. В связи с этим Ю. Нада считает наиболее правильным социосемiotический подход, при котором значение переводного текста оценивается с учетом трех главных факторов: зна, референта и интерпретанта. Такой подход включает изучение различия между значениями синонимических знаков, учет препозиции и системы оценок, существующих в говорящем коллективе в связи с обозначаемыми объектами и т. п. Так, в западных странах драконы являются символами грозной опасности а на востоке они обычно выступают как символы процветания и удачи. Ю. Нада особо подчеркивает, что близость коннотенных значений в оригинале и переводе (которую он называет «изоморфизмом»), как правило, относительна, так как изменения структуры всегда влекут за собой изменения значения. Вместе с тем в разных языках существуют функциональные универсалии, на основе которых можно обеспечить достаточную степень эквивалентности.

Высказанные в докладе Ю. Найды соображения о различных подходах к переводу представляют несомненный интерес. В то же время обращает на себя внимание характерное для западных лингвистов весьма узкое понимание предмета и задач языкознания. Фактически все указанные подходы оказываются лингвистическими: позиции современного языкознания, изучающего не только стему языка, но и все аспекты речевой коммуникации.

С. Тчаренко в своем докладе предложил разрабатывать типологию лингвистических переводов на основе трех типов эквива-

лентности: семантической, стилистической и прагматической. Как правило, обеспечить все три типа эквивалентности в поэтическом переводе не удается и один из них выступает в качестве доминантного. Исходя из этого, следует различать: 1) Собственно поэтический перевод, предназначенный для равноценного восприятия, то есть прагматически адекватный. Это — перевод поэзии поэзией, при чем могут быть переданы с достаточной полнотой и семантические, и стилистические аспекты оригинала. 2) Поэтико-филологический перевод, где основное внимание уделяется семантико-стилистической адекватности, что может быть достигнуто за счет меньшей адекватности прагматической. В отличие от первого типа читатель полностью осознает, что он имеет дело с переводной литературой, дающей подробную информацию о иноязычном литературном произведении. Поэтическая форма оригинала воспроизводится, но перевод не рассчитан на широкий круг читателей. 3) Филологический перевод, предназначенный не для замены оригинала, как предыдущие типы перевода, а лишь для передачи семантической или стилистической информации об оригинале. Соответственно, филологический перевод может быть семантически буквальным (перевод поэзии прозой), стилистически буквальным (формалистическое воспроизведение стилистической системы оригинала) или представлять собой нечто среднее между этими разновидностями. Такой перевод предназначается для узкого круга специалистов или читателей. Понятно, что любое поэтическое произведение может существовать в переводах всех трех типов.

Во второй рабочей группе изучалась специфика письменного и устного перевода. Особенно широкое освещение получило проблематика синхронного перевода. Несколько выступлений было посвящено вопросам работы переводчика на радио и телевидении, а также в суде. Основное внимание докладчики уделяли контекстуальной обусловленности устного перевода, избирательности вербальной коммуникации, обеспечивающей взаимность вероятностного прогнозирования (Г. В. Чернов), передачу конкретного смысла высказывания, а не абстрактных значений составляющих его языковых единиц (Д. Селескович). Подобная направленность теоретических концепций в области устного перевода во многом соответствует идеям коммуникативной лингвистики и представляется вполне оправданной и плодотворной. В то же время в некоторых выступлениях во второй рабочей группе Конгресса можно было заметить попытки вообще отрицать роль семантики языковых единиц в формировании смысла речевых высказываний, стремление непосредственно связывать речевые объекты реальной действительности. Подобные абсолютистский отрыв речи от языка вряд ли можно признать конструктивным как в теоретическом, так и в практическом плане.

Заседания третьей рабочей группы были посвящены теоретическим аспектам перевода. В сферу рассмотрения были включены проблемы машинного перевода и вообще в широ-

ком использовании компьютеров как в процессе перевода, так и в качестве вспомогательных инструментов переводчика. В содержательных докладах, прочитанных в этой рабочей группе, были убедительно показаны широкие перспективы компьютеризации переводческой деятельности, особенно с целью быстрого и точного нахождения переводчиком необходимых терминов. Было отмечено, что исследование проблемы машинного перевода привело к заключению о невозможности полностью автоматизировать процесс перевода во всех сферах переводческой деятельности. В большинстве случаев успешное применение машинного перевода возможно лишь при условии включения в процесс перевода человека на стадии подготовки текста к переводу или для последующего редактирования перевода. В связи с этим целесообразно различать три вида перевода, который можно в той или иной степени называть «машинным»: 1) Полностью автоматизированный перевод, применимый лишь для текстов строго ограниченного структурной и словарем. 2) Машинный перевод с участием человека. 3) «Человеческий» перевод с использованием машины, т. е. тех или иных технических средств, главным фазом, компьютеров.

В докладчиках в этой рабочей группе подробно рассматривались задачи и методы организации терминологической службы для обеспечения необходимой терминологической правильности переводовываживаемых в рамках учреждений и предприятий различного типа.

Большое внимание участников Конгресса привлекла работа четвертой рабочей группы, которая занималась широким кругом проблем, связанных с теорией, практикой и преподаванием перевода. Значительная часть докладов в этой рабочей группе была посвящена различным сторонам обучения будущих переводчиков, особенно роли и месту теории перевода в преподавании перевода. Это явилось отражением растущей озабоченности переводческих организаций многих стран и ФИТ в целом подготовкой их кадров высококвалифицированных переводчиков. Кроме того, в докладах было убедительно продемонстрировано, что результаты, полученные в ходе теоретических исследований в области перевода, могут найти непосредственное практическое применение прежде всего при обучении переводу. Обеспечение на необходимость включать в программу обучения специальные курсы теории перевода, а также полностью использовать достижения переводческой теории в преподавании практики перевода. Наряду с этим многие выступавшие подчеркивали, что программа подготовки переводчиков должна включать целый ряд общеобразовательных и специальных дисциплин, формирующих широкую рудинцию будущего переводчика. Особое внимание обращается на развитие у переводчика коммуникативных умений в устной и письменной форме. Перевод — это вид коммуникации, и переводчик должен уметь понимать, излагать, убеждать, успешно осуществлять коммуникативную любую типа.

Канадские участники дискуссии предложили тщательно изучить естественное умение билингвов осуществлять перевод без специальной подготовки. По их наблюдениям успешная подготовка переводчиков зависит не столько от системы обучения, сколько от характера естественного умения переводить, которым обладают обучаемые до начала процесса подготовки. Таким образом, изучение феномена «естественного перевода» позволяет более правильно отбирать кандидатов, из которых после обучения могут получиться квалифицированные профессиональные переводчики.

Пятая рабочая группа рассматривала вопросы социального статуса переводчиков в разных странах. В докладах этой группы освещались положение переводчиков в государственных организациях, фирмах, предприятиях, работающих по соглашениям, контрактам, самостоятельно предлагающих свои услуги или готовые переводы организаторам конференций, издательствам и другим учреждениям. Докладчики указывали на необходимость принятия во всех странах законодательных актов, регламентирующих права и обязанности переводчиков, улучшения материального положения и социального престижа, разработки системы присвоения и повышения переводческой квалификации, обеспечения условий работы и охраны труда переводчиков. Отмечалось, что положение переводчиков в разных странах весьма неодинаково и что переводчики ряда стран, особенно развивающихся, нуждаются в серьезной помощи и поддержке со стороны ФИТ. Особое внимание участников привлек доклад, содержащий результаты международного анализа юридического и социального статуса переводчика, принятого комитетом ФИТ. Составители доклада пришли к выводу, что, хотя за последние годы положение переводчиков в некоторых странах улучшилось, в целом, достигнутый прогресс был незначительным, и национальным союзам переводчиков надо приложить все усилия, чтобы повсеместно была обеспечена законодательная защита переводческого труда в соответствии с рекомендациями ЮНЕСКО и Заключительного акта Европейского совещания о безопасности и сотрудничестве.

Мы ограничимся этим весьма поверхностным обзором работы X Конгресса ФИТ, поскольку рамки статьи не позволяют более подробно остановиться на содержании многочисленных докладов и сообщений, сделанных в ходе Конгресса. Из скрупулезного видно, что деятельность ФИТ охватывает все стороны практической работы переводчиков и все направления теоретического изучения перевода. Материалы Конгресса, как и самого участника, свидетельствуют о постоянстве глобальных масштабах деятельности Федерации, пользующейся уважением и поддержкой переводчиков всех стран мира. Эти материалы с большим вниманием изучаются всеми, кто интересуется проблемами перевода, языка и коммуникации.

Следует отметить, что свой вклад в успех работы X Конгресса

са ФИТ внесли и советские переводоведы, выступавшие в роли авторов ряда основных докладов и сообщений.

После X Конгресса Международная федерация переводчиков продолжает свою деятельность по объединению переводчиков всех стран, повышению их профессионального статуса, укреплению связи между теорией и практикой перевода. Этот новый этап работы Федерации завершится проведением ее XI Конгресса, который состоится в Мaaстрхте в августе 1987 г. Советская переводческая общественность с большим интересом следит за деятельностью ФИТ и желает ей новых успехов.

Г. Л. Рязанова
(Москва)

ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОДЧИКОВ В АВСТРИИ

Переводчик — одна из самых древних на земле профессий. Устные переводчики появились в Древнем Египте, в III тысячелетии до нашего летоисчисления. Первыми «драгоманами» были жители пограничных земель, которые помогали осуществлять контакты, например, между египтянами и нубийцами. С развитием письменности возникла необходимость и в письменных переводчиках. Однако история существования учебных заведений, готовящих профессиональных переводчиков, несравнимо короче.

В наши дни международные контакты на разных уровнях и в разных областях становятся все интенсивнее, и в связи с этим возрастает роль переводчиков в современном мире. Не случайно, но наш век именуют веком перевода. А это, в свою очередь, выдвигает задачу подготовки кадров высокой квалификации, которую призваны решать специальные учебные заведения.

Подготовка переводчиков в Австрии осуществляется в институтах или на факультетах, являющихся, как правило, составной частью соответствующего университета. Наиболее полное представление о системе подготовки профессиональных переводчиков можно получить на примере созданного в 1943 г. Института переводчиков Венского университета. С институтами и факультетами, где готовят «чистых» филологов или преподавателей иностранного языка, Институт переводчиков объединяет общий задача: обучение языку как профессии. Но в отличие от них обучение в Институте переводчиков предполагает постоянное присутствие двух языков, что требует умения сравнивать, оценивать и выбирать языковые «ценности», а также готовности переключаться с одного языка на другой. При составлении учебных программ здесь исходят из того, что устный и письменный перевод представляет собой совершенно различные виды переводческой деятельности, которые предполагают наличие у

будущих специалистов соответствующих способностей. Устный переводчик должен обладать способностью к длительной концентрации внимания, хорошим слухом и дикцией, молниеносной реакцией, памятью особого рода, которая способна на короткое время удерживать отрезок высказывания (иногда довольно продолжительный) и освободиться сразу же после того, как этот отрезок переведен, для восприятия нового отрезка.

Профессия письменного переводчика предполагает наличие высоко развитого чувства языка, способности различать тончайшие стилистические нюансы и стремление найти оптимальную форму их передачи, отличное знание особенностей и выразительных средств ИЯ и ПЯ. Письменный переводчик должен быть одновременно и изобретательным и неслепым.

В Венском Институте переводчиков считают, что все эти способности и наклонности можно развивать и совершенствовать, можно довести умения до автоматизма, но их нельзя привить. Иными словами, тот кто изначально не обладает необходимыми способностями, не может стать переводчиком (успешным или письменным). С этим связана проблема отбора и проблема большого отсева студентов после I-го и II-го курсов.

Горячие споры велись вокруг того, каких специалистов нужно готовить: специалистов по отдельным отраслям знаний, хорошо владеющих иностранным языком (Sprachkundige Fachleute), или специалистов в области иностранных языков, имеющих знания и в какой-либо другой области (Fachkundige Sprachler). Спор решился в пользу последних. Языковая квалификация, которую должен обеспечить институт, имеет две стороны: практическую и научно-теоретическую. Выпускники должны хорошо владеть (как правильно двумя) избранными иностранными языками, знать особенности этих языков в сравнении со своим родным (синтаксические, семантические, стилистические и т. д.), владеть техникой перевода стандартных текстов, знать основы общей и частной теории перевода, иметь представление о социокультурных особенностях стран изучаемых языков.

В соответствии с целями обучения основное внимание уделяется работе над первым и вторым иностранными языками, совершенствованию и углублению знаний родного языка, отработке умений устного и письменного перевода, занятиям по страноведению.

Как упоминалось выше, действующая сегодня в Австрии модель подготовки переводчиков отражает тот факт, что австрийские переводоведы (напр., В. Петикои) рассматривают устный и письменный перевод как различные виды деятельности, а следовательно и методика подготовки устных и письменных переводчиков, по их мнению, должна быть различной. Весь период обучения разделен на два этапа: четыре семестра будущие переводчики учатся вместе, а затем (еще четыре семестра) обучение только устному или только письменному переводу.

Выпускники сдают один вступительный экзамен, на кото-

ром проверяются знания по первому избранному ими иностранному языку (вне зависимости от того, изучали ли они его в гимназии). На экзамене предлагается перевести с иностранного языка на родной и с родного на иностранный небольшие тексты, включающие общепотребительные (или общезыковые) лексемы. Однако экзамен, проводящийся в форме различных письменных и устных заданий по револу с целью проверки знаний по грамматике иностранного языка (например, заданий на склонение или спряжение), не дает возможности в полной мере оценить знания и умения кандидатов, а потому не может служить достаточным основанием для прогноза о профессиональной пригодности экзаменуемых (и это признают в Институте переводчиков).

Да и вообще уровень знаний и умений на момент экзамена едва ли позволяет сделать вывод о том, что эти знания и умения будут развиваться в дальнейшем будут ли они соответствовать требованиям, предъявляемым к переводчику. Ведь гораздо важнее на таком экзамене проверить способность к логическому и аналитическому мышлению, умение делать самостоятельные выводы по аналогии, способность к длительной концентрации внимания. Важнейшее проверить возможности кратковременной (оперативно памяти, быстроту реакции, определить общий уровень развития экзаменуемого. Все это целесообразнее проверять на естественном языке, поскольку при оценке интеллектуальных возможностей кандидатов такой подход, по справедливому утверждению Б. Бендиксена, исключает случайности, связанные с языковыми трудностями, не говоря уже о том, что он позволяет судить об уровне владения родным языком (способность излагать свои мысли, грамотность, словарный запас, владение всеми курсами родного языка). В качестве возможных заданий Б. Бендиксен предлагает составление синонимических рядов, выбор слова из синонимического ряда, подбор антонимов, распутывание ошибок (грамматических, лексических), стилистическая правка и др.¹ Такая форма вступительного экзамена (он, кстати и называется «die Eingangsprüfung» — экзамен на пригодность) представляется особенно целесообразной в наших условиях, т. е. в условиях конкурентного отбора абитуриентов.

По завершении первого этапа обучения (четыре семестра) студенты сдают первый государственный экзамен. Успешная сдача экзамена, включающего перевод с первого иностранного языка на родной и со второго иностранного языка на немецкий, является предпосылкой для последнего раздельного обучения. Еще через четыре семестра студенты сдают второй государственный экзамен по переводу, писав предварительно дипломную работу, касающуюся частных проблем перевода (напр.

¹ Подробнее об этом см.: Bendixen, B. in: Zur Gestaltung von Prüfungsaufgaben für Sprachmittlerstudenten // in: m. d. s. 1984/3, S. 189—191.

«Сокращения в русском и немецком языках»). Получив положительную оценку за дипломную работу и успешно сдав второй государственный экзамен, выпускники получают звание «Магистр филологии».

Венский университет предоставляет возможность получить профессионально переводчика и за более короткий срок (шесть семестров вместо восьми). Свидетельство, которое выдается по окончании такого укороченного курса, дает право работать письменным переводчиком.

В качестве первого или второго языка (в любой комбинации) можно выбрать: английский, французский, итальянский, японский, польский, португальский, румынский, русский, сербохорватский, чешский и венгерский языки. В случае, если один из этих языков является родным языком студента, в качестве первого иностранного он обязательно получает немецкий язык. Все предметы, которые предлагаются в Институте переводчиков, делятся на обязательные (по ним сдают экзамены или зачеты) и факультативные.

На первом этапе обучения (четыре семестра) к обязательным относятся первый (минимум 28 часов в семестр) и второй (18 часов) языки, страноведение (первый и второй языки — 10 часов). Кроме того, студенты должны прослушать ряд теоретических курсов, по которым сдают зачеты: «Научные и профессионально-практические основы перевода», «Основы права и экономики» и один из трех курсов на выбор: «Общее языкознание», «Прикладное языкознание», «Психология языка и речи». Из всех часов, отводимых на первый язык половины (14 часов) отдается переводу.

Программа по языку включает аспекты: работа в фонолаборатории, работа по аудио-визуальной методике, практикум по разговорной речи, фонетика, орфоэпия, грамматика (морфология, синтаксис), контрастивная грамматика, идиоматика, стилистика, лексикология. Четыре последние дисциплины преподаются либо практические занятия, либо лекции. Лекции читаются также по такому предмету как «Язык науки и техники». Он имеет следующие разделы: язык гуманитарных наук, естественных наук, язык техники, язык медицины, язык официальной деловой речи. Студентам предлагается также практикум по написанию сочинений, по ведению протокола и по составлению докладов. Они могут посещать занятия по всем этим предметам (всего 60—100 часов за семестр) или выбрать некоторые из них (но не менее 14 часов).

Переводческие дисциплины на первом этапе обучения включают: упражнения по переводу с немецкого на иностранный, иностранного на немецкий, практикум по двустороннему переводу, семинарские занятия по переводу (с немецкого на иностранный и с иностранного на немецкий), перевод прессы, перевод текстов по экономике и праву, перевод деловых документов. И, кроме того, студенты выбирают те дисциплины, которые им по

ше, но они должны отработать не менее 14 часов из предлагаемых 40—61 часов. Примерно по такой же схеме, только с меньшим количеством часов, построена программа по второму иностранному языку. Занятия по страноведению на первом этапе включают лекции по культуре страны изучаемого языка, географии, экономике, общественному строю, государству и праву, новейшей истории, прессе, а также практикум по литературе.

Интересный набор лекций предлагается по общему и прикладному языкознанию и психологии речи: «Основы языкознания, Введение в общее языкознание, Теория грамматики, Теория фонологии, Семантика, Лингвистика текста, Социолингвистика, Чистота языка, Психолингвистика и психология речи, Методика изучения иностранного языка, Учение о терминологии» и др. всего около 30 часов). Но из этих лекций обязательными для прослушивания являются только две. А поскольку студенты выбирают разные лекции, то нередко случаи, когда на лекции присутствуют 2—3 человека.

Однако сама идея введения большого количества факультативных лекционных курсов, а также практических занятий, отбрасывающих разнообразным интересам и склонностям студентов, представляется нам весьма продуктивной или, во всяком случае, заслуживающей внимания. В качестве факультативных дисциплин на первом этапе обучения студентам рекомендуются: техника научной работы (лекция), история изучаемого языка (лекция), стилистика немецкого языка (практические занятия), история литературы изучаемого языка (лекция и практические занятия), игиена голосовых связок и логопедия (лекция), техника спонтанной речи (практические занятия), педагогическая психология (лекция), международные отношения (лекция или практическое занятие), международное право (лекция) и др.

На втором этапе, где ведется раздельное обучение письменным и устным переводчиков, предметы, по которым сдается экзамен, те же, но изменяется количество учебных часов: по языку и переводу увеличивается на шесть часов, а по страноведению уменьшается на четыре часа. В качестве предмета, по которому сдается зачет, предлагается лекционный курс «Международные организации».

В течение всех четырех семестров на занятиях по языку как для письменных, так и для устных переводчиков отводятся два часа в неделю, на письменный перевод — два часа, а на устный — четыре часа (по два часа на последовательный и синхронный перевод).

Набор дисциплин по первому и второму иностранному языку, а также по письменному и устному переводу примерно такой же, как и на первом этапе обучения. Изменения касаются только количества часов и сложности учебного материала. На этом этапе значительно расширяется тематика лекций по страноведению. Студентам предлагаются, например, такие темы, как: история духовного развития народа в стране изучаемого

языка, направления современной философской мысли, истории искусства, истории живописи и архитектуры, современная музыка, литература и литературоведение в стране изучаемого языка, современный театр и т. д.

Курс «Общие и частные проблемы письменного и устного перевода» включает лекции по следующим темам: теория письменного перевода, теория устного перевода, лингвистическая теория перевода, а также практические занятия по критическому анализу опубликованных переводов, по лексикографии и др.

Список факультативных дисциплин остается тот же, что и для первого этапа обучения. Но студенты выбирают те дисциплины, которые они не изучали в течение первых четырех семестров, т. е. на первом этапе. Как видим, удельный вес теоретических дисциплин невелик. Совсем отсутствуют дисциплины общественно-политического цикла. Большая часть учебного времени отводится практическим занятиям по языку и переводу.

Интенсивная работа над языком, жесткий тренаж, углубленное изучение социо-культурных, экономических и политических особенностей стран изучаемых языков нацелены на решение основной задачи: подготовить высококавалифицированных переводчиков с узкой специализацией, способных выдержать жесточайшую конкуренцию в условиях становящейся все более угрожающей безработицы.

Источники

1. Studienplan für die Studienrichtung Übersetzer- und Dolmetscherausbildung an der Universität in Wien 1974.
2. Universität Wien. Vorlesung-Verszeichnis für das Wintersemester 1981/82.
3. Probleme und Ziele der Sprachmittlernausbildung an der Universität. Zum 25-jährigen Bestehen des Wiener Instituts für Dolmetscherausbildung. Vortrag von Victor Petöky.
4. Bendixen, Bernd «Zur Gestaltung von Eignungsprüfungen für Sprachmittler Studenten» Fremdsprachen. 1984/3. S. 189—191.

Ю. В. Ванников
(Москва)

ВАЖНЫЙ ШАГ В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА*

Развитие теории, возникновение новых и переосмысление старых идей определяются как внутренними — концептуальными, так и внешними — прагматическими факторами. С одной стороны, совершенствуется структура теории уточняется ее понятийный аппарат, обоснование ее объектов и исследовательских методов, выявляются и решаются присущие ей логические противоречия, а с другой стороны, происходит опытное уточнение и верификация отдельных положений теории, претерпевает изменения сама ее предметная область и, соответственно, претерпевают изменения наши знания о ее связях и отношениях с другими сферами действительности, что влечет за собой изменения в представлении об общих целях и конкретных задачах данной науки. В сущности именно эти факторы имел в виду А. Эйпштейн, когда писал, что познавательная ценность теории определяется ее «внутренним совершенством» и «внешним оправданием».

Известно, что перевод является сложным видом человеческой деятельности, а теория перевода, формирующаяся на стыке различных отраслей знания, является междисциплинарной наукой, поэтому на нее должно воздействовать большее количество как внутренних, так и внешних факторов. Действительно, в плане «внутреннего совершенства» на теорию перевода воздействует не только информатика (ибо перевод есть вид информационного процесса, вид преобразования сообщения, изучаемых в теории информации), но и лингвистика (ибо объектом теории перевода являются не всякие преобразования сообщений, но лишь такие, в результате которых текст, написанный или произнесенный на одном естественном языке, преобразуется в текст, написанный или произнесенный на другом естественном языке), а в плане «внешнего оправдания» на содержание и структуру теории перевода возрастающее влияние оказывают новые формы и виды речевого воздействия, развиваю-

* Львовская З. Д. Теоретические проблемы перевода. (На материале испанского языка). М., 1985. 232 С.

шиеся в сфере массовой коммуникации и особенно в сфере научно-информационной деятельности.

Ситуация, сложившаяся к настоящему моменту в области теории перевода, характеризуется как раз тем, что разработанные в разное время концепции, опирающиеся на различные модели переводческого процесса, не удовлетворяют больше требования «внутреннего совершенства» и не получают достаточного «внешнего оправдания». И на самом деле: становление и развитие коммуникативной лингвистики и перемещение центра тяжести исследований от проблемы организации, проблемы устройства языка к проблеме его функционирования, к проблеме «пользования» языком, прогресс смежных с лингвистикой наук, изучающих социальные, психологические и другие аспекты вербальной коммуникации, и, наконец, развитие самой переводческой практики, особенно в области переработки и массового распространения информации, в первую очередь научнотехнической и общественно-политической информации, где под влиянием новых условий общения и новых информационных потребностей идет активный процесс формирования новых видов перевода, разработки нового подхода к адекватности и новым критериям качества перевода, — все это вместе взятое уже как бы предопределило общие контуры пока еще отсутствующей теории, призванной решить комплекс назревших «внутренних» и «внешних» проблем.

Если попытаться выразить одним словом главное содержание этого комплекса, то таким словом будет **коммуникативность** — распространение коммуникативного подхода на переводческую проблематику.

Коммуникативный подход к любому виду речевой деятельности, в том числе и переводческой, включает в качестве обязательных компонентов функционально-прагматический, социальный и психологический аспекты. Попытки переосмысления переводческой проблематики с позиций коммуникативного подхода в одном или нескольких указанных аспектах в последние годы предпринимались неоднократно, однако они были разрозненными и фрагментарными. И лишь вышедшая в свет в 1985 г. книга З. Д. Львовской «Теоретические проблемы перевода являлась развернутым и фундаментальным ответом на все более остро ощущаемую потребность в создании коммуникативной функциональной версии теории перевода.

Особенностью рецензируемой книги является то, что предложенная в ней концепция общей теории перевода разработана не на базе одной языковой комбинации — на материале испанского и русского языков. На первый взгляд такое ограничение противоречит замыслу работы. Достаточно напомнить, что этой связи, что в свое время некоторые авторы выражали сомнение: «Внедрением в теорию перевода? Неправоммерность этого понятия объяснилась тем, что общая лингвистическая теория

перевода не может основываться на материале четырех языков (русском, английском, немецком, французском)¹.

Однако разработка общей модели перевода есть ни что иное как **теоретическое обоснование объекта лингвистического перевода**, поэтому на данной стадии исследования — на стадии введения, поэтому на данной стадии исследования — на стадии разработки коммуникативной модели перевода — языковой материал вполне может быть ограничен рамками какой-либо одной комбинации, поскольку, строго говоря, он выдвигает лишь иллюстративную функцию, что, кстати, лишней раз демонстрирует и рецензируемая книга.

Другое дело, что с соответствующей аргументацией самого автора можно согласиться лишь частично. «Насколько нам известно, — пишет З. Д. Львовская, — вплоть до настоящего времени в отечественном и зарубежном перевоведении не было попыток описания теории перевода на материале испанско-русской комбинации... Положение усугублялось отсутствием практических пособий по переводу для указанных языков, а основу которых была бы положена единая переводческая концепция» (с. 4—5). Последнее обстоятельство привело к тому, указывает автор, что «специалисты, работающие с испанским языком или изучающие испанский язык... оказались, в определенном смысле «обделенными», так как любые общие закономерности перевода находят свое конкретное отражение в каждой комбинации языков» (с. 5). Высказанные соображения и мотивируют выбор испанско-русской комбинации для попытки «обосновать и описать общую теорию перевода» и «включение в книгу значительного количества примеров» (с. 4, 5). Отметим прежде всего, что проблемы русско-испанского и испанско-русского перевода достаточно подробно рассматривались в ряде работ теоретического и практического характера, о чем подробнее будет сказано ниже.

Главное, однако, заключается в том, что в рецензируемой книге могут быть выделены два раздела, или, лучше сказать, два **плана**, которые различаются не только по существу рассматриваемых проблем, но и по ориентированности на разных читателей. Первый план — условно его можно назвать общими проблемами перевода — представлен первыми тремя главами (I. Предпосылки появления науки о переводе; II. Пути развития современной науки о переводе; III. Коммуникативно-функциональная теория перевода); второй аспект, посвященный частным проблемам перевода, представлен заключительной — четвертой — главой книги (IV. Пути достижения адекватности). Подробнее о содержании этой главы можно судить по названию ее подразделов: 1. Требования к переводческим преобразованиям; 2. Причины, обуславливающие необходимость переводческих преобразований; 3. Типы переводческих преобразова-

¹ Ревзиц И. И., Розинская В. Ю. К обоснованию лингвистической теории перевода // Вопросы языкознания, 1962. № 1.

ний; 3.1. Перестановки; 3.2. Замены; 3.3. Добавления; 3.4. Оупущения.

Обоснование и изложение коммуниктивно-функциональной версии представляют интерес для всех специалистов в области перевода, а в том виде, в каком оно выполнено в работе З. Д. Львовской — и для всех тех, кто интересуется различными проблемами вербальной коммуникации или разработкой общей теории общения. Поскольку объекты общетеоретического исследования, вообще говоря, имеют не эмпирическое, а теоретическое обоснование² языковой материал может быть любым. И в той мере, в какой речь идет об изложении концепции коммуниктивно-функционального подхода к анализу и описанию перевода как особого вида речевой деятельности и к обоснованию соответствующей модели переводческого процесса, читатель, не знающий испанского языка, сможет извлечь из этих глав книги не меньше полезного, чем «специалисты, работающие с испанским языком или изучающие его». (Из этого, кстати, следует, что автор значительно усилил бы доходчивость и убедительность своей аргументации, если бы снабдил все иллюстративные примеры русскими переводами). Что же касается второго аспекта — рассмотрения типов переводческих трансформаций, общих условий их применения и конкретных приемов, обеспечивающих достижение адекватности, — то он, конечно, в полной мере полезен и доступен не всякому читателю, но лишь специалистам, работающим с испанским языком или изучающим его. Только с учетом этой двуплановости могут подучить правильную оценку использование языкового материала, структура да, пожалуй, и сам жанр рецензируемой книги. Что касается последнего, то синтез научной монографии и практического пособия по переводу с испанского языка на русский не только не умаляет достоинств работы, но, напротив, придает ей особую ценность, расширяя сферу применения и потенциальную читательскую аудиторию.

Вернемся однако к концептуальному ядру книги — к коммуниктивно-функциональной трактовке перевода, понимаемого как сложный речемыслительный процесс, в котором теснейшим образом взаимодействуют лингвистические и экстралингвистические факторы. Коммуниктивно-функциональный подход к переводу исходит из разграничения и взаимного соотношения понятий языкового значения и речевого смысла, осуществленного как углубление и развитие разграничения языка и речи (= речемыслительной деятельности) и соответствующих основных единиц коммуниктивного уровня — предложения и высказывания. Предложение как единица особого уровня языка — уровня норм реализации языковых единиц — выражает синти-

фактическое (языковое) значение, являющееся результатом взаимодействия денотативного и коннотативного значений и коммуникативного — уровня речемыслительной деятельности (выражает смысловое (речевое) значение, являющееся результатом взаимодействия его основных компонентов — речевой ситуации, прагматической и семантической структур. Смысл высказывания — категория субъективная: он ориентирован на коммуникативное задание автора и на речевую ситуацию в целом. Значение предложения, лежащего в основе высказывания, — категория объективная: оно ориентировано на описываемую им предметную ситуацию действительности. Диалектика взаимосвязи предложения и высказывания проявляется, в частности, в том, что высказывание имеет как бы двойную соотносительность: в плане языкового, предметно-понятийного содержания оно соотносится с предметной ситуацией действительности, а в плане мыслительного содержания оно соотносится с речевой ситуацией. Таким образом, синтифакт высказывания, с одной стороны, является формой выражения смысла, а с другой — одним из компонентов смысловой структуры. Диалектическое единство и взаимосвязь языковых значений и смысла, языкового и мыслительного содержания текста, включает автор, есть частный случай отражения взаимосвязи между философскими категориями формы и сущности (с. 89).

Сословская перспективизация языка (langue-language-rôle), существенно переинтерпретированная в работах Э. Косериу, подучает дальнейшее развитие в рецензируемой книге не только за счет привлечения к анализу высказывания новейших данных психолингвистики, но также и потому, что рассматривая механизм общения, автор не ограничивает себя собственно лингвистическими рамками, а включает в сферу исследования речевую ситуацию в целом, выявляя всю совокупность ее компонентов и их роль в порождении и понимании текста. Однако главное, что определяет принципиальную новизну рецензируемой работы, это последовательное применение коммуниктивно-функционального подхода к анализу наиболее сложного вида речевой деятельности — двуязычной коммуникации, осуществляемой при участии языкового посредника, т. е. к анализу перевода. Центральной проблемой при таком подходе к переводу оказывается соотношение языкового значения и речевого смысла высказывания (текста). Переводчик «передает» в переводе именно смысл высказывания. Суть деятельности переводчика определяется его средним («ключевым») положением в цепочке многократного перекодирования информации, составляющей основу процесса двуязычной коммуникации: смысл → значение → → смысл — значение → смысл.

Для того чтобы более глубоко раскрыть содержание процессов многократного перекодирования, необходимо выявить роль объективных и субъективных факторов, формирующих ре-

² О теоретическом и эмпирическом обосновании объектов теории перевода см. в кн.: Грязнов В. С., Данин В. С., Никитин Е. П. Теория и ее объект. М. 1973. С. 55, 134.

чевую ситуацию двузвучного общения. Детальный анализ формантов речевой ситуации, в рамках которой выделяются ситуации общения и предметная ситуация, дают автору возможность выделить и различные виды информации переводимого текста и указать главные условия, определяющие их релевантность для участников коммуникации.

Форманты речевой ситуации неоднородны и с точки зрения информационного содержания, и с точки зрения выполняемой функции в процессе коммуникации (с. 92).

Взаимодействие мотива и цели автора высказывания определяют коммуникативное задание автора. Мотив и цель, в свою очередь, являются результатом взаимодействия всех формантов речевой ситуации: личности автора текста, предмета речи, места, времени общения, личности партнера по коммуникации.

Поскольку коммуникативное задание автора текста формируется под влиянием всех указанных факторов, то и адекватно интерпретировать, т. е. понять смысл текста можно только при учете всех тех факторов, которые оказываются релевантными для конкретной речевой ситуации.

Однако возникнув под влиянием факторов, формирующих речевую ситуацию, коммуникативное задание, будучи «материализованным» в высказывании, в свою очередь, становится формантом речевой ситуации, предопределяя ее дальнейшее развитие.

Компоненты смысловой структуры текста — его прагматическая и семантическая структуры — определяются речевой ситуацией, так как в конечном счете именно она мотивирует речевой поступок. Прагматическая структура текста, в согласии с современными психолингвистическими воззрениями, представляет собой внутреннюю программу речевого поступка, формирующуюся в сознании автора под влиянием речевой ситуации. Она может быть представлена как иерархическая линейная последовательность коммуникативных заданий, подчиненных главному коммуникативному замыслу автора. Семантическая субструктура представляет собой предметно-понтийное языковое содержание текста и в то же время языковую форму реализации коммуникативного замысла. Семантическая структура представлена высказываниями, объединенными в более крупные смысловые блоки: абзацы, разделы и т. д.

Одним из важнейших понятий излагаемой в книге концепции является коммуникативно-функциональная равнозначность текстов на ИЯ и ПЯ. Основной коммуникативной равнозначности текстов является их смысловая эквивалентность, предполагающая, в первую очередь, инвариантность их прагматических структур. Коммуникативно-функциональная равнозначность текстов на ИЯ и ПЯ рассматривается в книге как основной операционный принцип процесса перевода и, соответственно, выступает как главный критерий адекватности перевода оригинала. В последней главе, посвященной переводческим преобразова-

ниям, показывается, что конечным критерием их целесообразности и эквивалентности является обеспечение инвариантности смысловой структуры текста в целом, или — в более конкретных терминах коммуникативно-функциональной модели перевода — инвариантность соотношения семантической и прагматической структур текстов на ПЯ и на ИЯ. При этом предполагается, что эквивалентность семантической субструктуры текста на ПЯ обеспечивается релевантными формантами речевой ситуации и нормами речевого поведения, которые приняты в иноязычном коллективе для данной речевой ситуации. Наконец, общим условием эквивалентности переводческих преобразований является их соответствие речевым нормам и узусу на ПЯ.

Таковы основные «несущие» элементы теоретической конструкции, излагаемой в рецензируемой работе. Убедительно аргументированная и последовательно осуществленная трактовка переводческой деятельности с позиций коммуникативной лингвистики позволила автору раскрыть психолингвистическую сущность процесса перевода, разработать модель этого процесса, обосновать понятие коммуникативной адекватности и формулировать систему критериев для оценки адекватности текстов на ИЯ и на ПЯ, а также систему критериев оценки смысловой эквивалентности отдельных переводческих преобразований. Таким образом, теоретическую лакуу, наметившуюся в отечественной науке о переводе, в целом можно считать восполненной.

Разумеется, многие положения, доводы, анализ и оценка отдельных примеров могут вызвать у читателей возражения, уточнения, дополнения. Так, например, слишком сильным представляется утверждение автора о том, что «любая модель — теория, поэтому понятия „модель перевода“ и „теория перевода“ употребляются как синонимы» (с. 42). Модель и ее интерпретация — (собственно теория) в общем случае — взаимосвязанные и дополняющие друг друга компоненты научного знания. Другое дело, что с позиций коммуникативно-функционального подхода, когда предметом перевода является определенный вид деятельности, процесс преобразования текста и обусловливающие его внешние и внутренние факторы, ядром теории может выступать именно модель, однако такая редукция требует особых оговорок. Здесь, кстати, возникает интересный вопрос о связи характера теории с типом обоснования ее объектов, но его решение выходит далеко за рамки проблематики рецензируемой работы.

В ряде случаев аргументация автора выглядела бы убедительней при более строгом и последовательном разграничении понятий, относящихся к разным уровням и аспектам описания. Так рассматривается коммуникативное задание (с. 119), то как поведенческая, то как лингвистическая категория. В принципе эти два понимания не обязательно являются взаимоисключающими, но условия их совместности, по-видимому, также следовало оговорить особо.

В тщательно подобранной и представительной библиографии отсутствуют, тем не менее, некоторые работы образующие в каком-то смысле непосредственный контекст рецензируемой книги. Так, среди работ общего характера необходимо было упомянуть фундаментальный труд Ж. Мулена, сыгравший важную роль в формировании лингвистической теории перевода как самостоятельной отрасли научного знания. Изложение проблемы смысловой структуры текста жгательно было бы сопроводить ссылками на известные работы А. И. Новикова и Д. А. Черняховской, посвященные решению этого вопроса. При обосновании испанско-русской языковой комбинации и при анализе конкретного языкового материала следовало бы ориентировать читателя также на работы Н. Д. Арутюновой, М. Винарски, А. Триста, С. И. Канонич. В связи с проблемой типологизации текстов полезно было отослать читателя к работам Катарини Райс.

И, наконец, последнее (по порядку, но не по важности) соображение по вопросу, обсуждение которого на самом деле требует более объемного жанра, чем рецензия. «Теоретические проблемы перевода» З. Д. Львовской написаны на материале художественного и общественно-политического перевода. Это ограничение нельзя рассматривать как чисто языковое, поскольку оно имеет далеко идущие концептуальные последствия, оканчивая существование влияние на трактовку смысловой структуры текста, инвариантности, адекватности, требований к переводческим трансформациям и т. д. Пожалуй, именно при разработке общей теории перевода нельзя забывать о том, что переводческая деятельность весьма неоднородна по содержанию, структуре и даже по организации. В частности, научно-технический перевод (не говоря уже о различных видах делового перевода), на долю которого в современном мире приходится львиная доля переводческого труда, характеризуется специфическими особенностями, определяемыми специфическими чертами смысловой организации переводимых текстов, специфическими функциями самих переводов, специфическим пониманием адекватности и др. Ясно поэтому, что любая модель, претендующая на обобщенный характер, должна строиться так, чтобы охватить и научно-технический перевод. В этом смысле требует уточнения и выказанная автором в предисловии к книге надежда на создание единой теории перевода на базе одной (имеется в виду коммуникативно-функциональной) модели. Единство теории может мыслиться лишь как синтез подходов, концепций и моделей, обобщающих разные стороны переводческой деятельности и разные методы их исследования в единой перспективе координированного и систематизированного знания. Возвращаясь в заключение к ценностным критериям А. Эйнштейна, можно сказать, что разрабатанная З. Д. Львовской концепция перевода и коммуникативно-функциональная модель процесса перевода удовлетворяют требованиям «внутреннего

совершенства» теории и поднимают научное знание о переводе на новую ступень. Что же касается «внешнего оправдания», оно пока реализовано не в полной мере. Автору и его последователям открываются широкие и разнообразные возможности для дальнейшего осмысления с позиций коммуникативного подхода различных видов и форм переводческой практики.

ОТ РЕДАКЦИИ

Издательство «Высшая школа» продолжает выпуск научно-теоретического сборника «Труды переводчика», направление и содержание которого формируется редакционной коллегией, состоящей в основном из преподавателей Московского ордена Дружбы народов государственного педагогического института иностранных языков имен Мориса Тореза — ведущего вуза страны в области подготовки переводчиков.

В редакционной коллегии сборника, работающей на общественных началах, участвуют также многие ведущие ученые-переводы. Сборник представляет собой безопорное издание. Цель сборника — способствовать развитию наиболее важных вопросов теории перевода, методики его преподавания, повышения качества перевода, ознакомлению всех интересующихся проблемами перевода с новыми перспективными направлениями и результатами исследований в этой области.

Редакция сборника приглашает работников высшей школы, а также практиков перевода принять участие в развитии и дальнейшей разработке этой проблематики. Направляемые в редакцию статьи не должны превышать 0,5 печатных листа (одинадцать машинописных страниц). Автор предоставляет рукописи, напечатанные в двух экземплярах, включая сноски, примечания, таблицы, список литературы, подписанные подписи на одной стороне листа белой бумаги формата А4 (210×297 мм), на машинке с крупным отком литер, через два интервала с четко обозначенными абзацами. На странице должно быть не более 30 строк (не считая номера страницы), в каждой строке — 60 знаков вместе с междусловными интервалами; левое поле страницы — 25 мм, правое — 10 мм, верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм.

Заголовки и подзаголовки печатаются строчными буквами и отделяются от основного текста сверху и снизу тремя интервалами. Абзацный отступ соответствует трем ударам на машинке. Поправки (исправления) в машинном оригинале отдельных знаков и букв могут быть сделаны на машинке или от руки только черными чернилами (пастой). Поправка, состоящая из двух слов и более, печатается на машинке и наклеивается на исправляемое место. Количество всех поправок на одной странице не должно превышать пяти.

Не принятые редакцией рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Наш адрес: 119034, Москва, ул. Остоженка, 38, МГПИИЯ им. М. Тореза.